

E $\frac{59}{267}$

ЗАПИСКИ ИЗЪ ПОДПОЛЬЯ.

ПОВѢСТЬ

Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО.

НОВОЕ ПРОСМОТРѢННОЕ ИЗДАНИЕ.

Издание и собственность

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

Поставщикъ Его Императорскаго Величества.

Большая Морская, д. Лауферта, № 27, въ С. Петербургѣ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

Дозволено ценсурою. С. Петербургъ, 24-го Юля, 1865 года

18558-0

2007465934

Въ типографіи О. Стелловскаго, поставщика Его Императорскаго Величества, противъ Юсупова сада, на углу Екатерингофскаго проспекта и Садовой д. Куканова № 2—49.

Я ужь давно такъ живу, — лѣтъ двадцать. Теперь мнѣ сорокъ. Я прежде служилъ, а теперь не служу. Я былъ злой чиновникъ. Я былъ грубъ и находилъ въ этомъ удовольствіе. Вѣдь я взятокъ не бралъ, стало быть, долженъ же былъ себя хоть этимъ вознаградить. (Плохая острота; но я ее не вычеркну. Я ее написалъ, думая что выйдетъ очень остро: а теперь какъ увидѣлъ самъ, что хотѣлъ только гнусно пофорсить, — нарочно не вычеркну!) Когда къ столу, у котораго я сидѣлъ, подходили бывало просители за справками, — я зубами на нихъ скрежеталъ и чувствовалъ неутолимое наслажденіе, когда удавалось когонибудь огорчить. Почти всегда удавалось. Большею частію все былъ народъ робкій: извѣстно — просители. Но изъ фертвовъ я особенно терпѣть не могъ одного офицера. Онъ никакъ не хотѣлъ покориться и омерзительно гремѣлъ саблей. У меня съ нимъ полтора года за эту саблю война была. Я наконецъ одолѣлъ. Онъ пересталъ гремѣть. Впрочемъ это случилось еще въ моей молодости. Но знаете-ли, господа, въ чемъ состоялъ главный пунктъ моей злости. Да въ томъ-то и состояла вся штука, въ томъ-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже въ минуту самой сильнѣйшей желчи, постыдно сознавалъ въ себѣ, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человекъ, что я только воробьевъ пугаю напрасно и себя этимъ тѣшу. У меня пѣна у рта, а принесите мнѣ какуюнибудь куколку, дайте мнѣ чайку съ сахарцемъ, я пожалуй и успокоюсь. Даже душой умплюсь, хоть ужь навѣрно потомъ буду самъ на себя скрежетать зубами и отъ стыда нѣсколько месяцевъ страдать бессонницей. Таковъ ужь мой обычай.

Это я навралъ про себя давеча, что я былъ злой чиновникъ. Со злости навралъ. Я просто

ловствомъ занимался и съ просителями и съ
рицеромъ, а въ сущности никогда не могъ сдѣ-
ться злымъ. Я поминутно сознавалъ въ себѣ
ного—премного самыхъ противоположныхъ тому
ментовъ. Я чувствовалъ, что они такъ и ки-
ать во мнѣ, эти противоположные элементы. Я
наль, что они всю жизнь во мнѣ кишѣли и изъ
еня вонъ наружу просились, но я ихъ не пус-
аль, не пускаль, нарочно не пускаль наружу.
ни мучили меня до стыда; до конвульсій меня
оводили и — надоѣли мнѣ наконецъ, какъ на-
оѣли! Ужь не кажется-ли вамъ, господа, что я
еперь въ чемъ-то передъ вами раскаяваюсь, что
въ чемъ то у васъ прощенья прошу?... Я увѣ-
ень, что вамъ это кажется... А впрочемъ увѣряю
ась, мнѣ все равно, если и кажется...

Я не только злымъ, но даже и ничѣмъ не съу-
ѣль сдѣлаться: ни злымъ, ни добрымъ, ни подле-
омъ ни честнымъ, ни героемъ, ни насѣкомымъ.
еперь-же доживаю въ своемъ углу, дразня себя
добнымъ и ни къ чему не служащимъ утѣшеніемъ,
то умный человѣкъ и не можетъ серьезно чѣмъ
нибудь сдѣлаться, а дѣлается чѣмъ-нибудь только
уракъ. Да-съ, человѣкъ девятнадцатаго столѣтія
олженъ и нравственно обязанъ быть существомъ
о преимуществу безхарактернымъ; человѣкъ-же
ъ характеромъ, дѣятель, — существомъ по преи-
уществу ограниченнымъ. Это сорокалѣтнее мое
бѣжденіе. Мнѣ теперь сорокъ лѣтъ, а вѣдь со-
окъ лѣтъ—это вся жизнь; вѣдь это самая глу-
окая старость. Дальше сорока лѣтъ жить непри-
ично, пошло, безнравственно! Кто живетъ дольше
орока лѣтъ,—отвѣчайте искренно, честно? Я вамъ
кажу кто живетъ: дураки и негодяи живутъ. Я
сѣмъ старцамъ это въ глаза скажу, всѣмъ этимъ
почтеннымъ старцамъ, всѣмъ этимъ сребровласымъ

и благоухающимъ старцамъ! Всему свѣту въ глаза скажу! Я имѣю право такъ говорить, потому что самъ до шестидесяти лѣтъ доживу. До семидесяти лѣтъ проживу! До восьмидесяти лѣтъ проживу. Пойдите! дайте духъ перевести....

Навѣрно вы думаете, господа, что я васъ смущать хочу? Ошиблись и въ этомъ. Я вовсе не такой развеселый человѣкъ, какъ вамъ кажется, и, какъ вамъ можетъ быть кажется; впрочемъ, если вы, раздраженные всей этой болтовней (а я уже чувствую, что вы раздражены), вздумаете спросить меня: кто жъ я таковъ именно?—то я вамъ объявлю: я одинъ коллежскій ассесоръ. Я служилъ такъ, чтобъ было что нибудь ѣсть (но единственно для этого), и когда прошлаго года одинъ изъ отдаленныхъ моихъ родственниковъ оставилъ мнѣ шесть тысячъ рублей по духовному завѣщанію, я тотчасъ же вышелъ въ отставку и поселился у себя въ углу. Я и прежде жилъ въ этомъ углу, но теперь я поселился въ этомъ углу. Комната моя дрянная, скверная, на краю города. Служанка моя — деревенская баба, старая, злая отъ глупости, и отъ нея къ тому-же всегда скверно пахнетъ. Мнѣ говорятъ, что климатъ петербургскій мнѣ становится вреденъ и что съ моими ничтожными средствами очень дорого въ Петербургѣ жить. Я все это знаю, лучше всѣхъ этихъ опытныхъ и премудрыхъ совѣтчиковъ и покивателей, знаю. Но я остаюсь въ Петербургѣ; я не выйду изъ Петербурга! Я потому не выйду... Эхъ! да вѣдь это совершенно все равно выйду я или не выйду.

А впрочемъ: о чемъ можетъ говорить порядочный человѣкъ съ наибольшимъ удовольствіемъ?

Отвѣтъ: о себѣ.

Ну такъ и я буду говорить о себѣ.

II.

Мнѣ теперь хочется рассказать вамъ, господа, желается или не желается вамъ это слышать, потому я даже и насѣкомымъ не сдумѣлъ сдѣлаться. Скажу вамъ торжественно, что я много разъ хотѣлъ сдѣлаться насѣкомымъ. Но даже и этого не удостоился. Клянусь вамъ, господа, что слишкомъ узнавать, — это болѣзнь, настоящая полная болѣзнь. Для человѣческаго обихода слишкомъ было достаточно обыкновеннаго человѣческаго сознанія, то есть вполнину, вчетверть меньше той порціи, которая достается на долю развитаго человека нашего несчастнаго девятнадцатаго столѣтія. сверхъ того, имѣющаго сугубое несчастье обитать въ Петербургѣ, самомъ отвлеченномъ и умышленномъ городѣ на всемъ земномъ шарѣ. (Города дѣлятся умышленные и неумышленные). Совершенно было-бы довольно, на примѣръ, такого сознанія, которымъ живутъ всѣ такъ называемые непосредственные люди и дѣятели. Бьюсь объ закладъ вы думаете, что я пишу все это изъ форсу, чтобъ поострить на счетъ дѣятелей, да еще изъ форсу журнаго тона, гремлю саблей какъ мой офицеръ. Но, господа, кто-же можетъ своими-же болѣзнями щеславиться, да еще ими форсить?

Впрочемъ чтожъ я?—всѣ это дѣлаютъ; болѣзнями-то и щеславятся, а я пожалуй и больше сѣхъ. Не будемъ спорить; мое возраженіе нелѣпо. Но все-таки я крѣпко убѣжденъ, что не только очень много сознанія, но даже и всякое сознаніе болѣзнь. Я стою на томъ. Оставимъ и это на минуту. Скажите мнѣ вотъ что: отчего такъ бывало, то какъ нарочно въ тѣ самыя, да, въ тѣ же самыя минуты, въ котсрыя я наиболѣе способенъ былъ узнавать всѣ тонкости «всего прекраснаго и вы-

сокаго», какъ говорили у насъ когда-то, мнѣ (мнѣ) казалось уже не сознавать, а дѣлать такія неглядныя дѣянья, такія, которыя... ну, да однимъ словомъ, которыя хотъ и всѣ пожалуй дѣлаютъ, которыя какъ нарочно приходились у меня именно тогда, когда я наиболѣе сознавалъ, что ихъ всѣмъ бы не надо дѣлать? Чѣмъ больше я соображалъ о добрѣ и о всемъ этомъ «прекрасномъ и благомъ», тѣмъ глубже я и опускался въ мою тайну и тѣмъ способнѣе былъ совершенно завязнуть въ нее. Но главная черта была въ томъ, что все это какъ будто не случайно во мнѣ было, а какъ будто ему и слѣдовало такъ быть. Какъ будто это было мое самое нормальное состояніе, а отнюдь не порча и не порча, такъ что наконецъ у меня появилась охота бороться съ этой порчей. Кончилась, тѣмъ, что я чуть не повѣрилъ, (а можетъ и самъ дѣлѣ повѣрилъ), что это пожалуй и есть нормальное мое состояніе. А сперва-то, вначалѣ сколько я муки вытерпѣлъ въ этой борьбѣ! Я повѣрилъ, чтобъ такъ бывало съ другими и потратилъ всю жизнь тайлъ это про себя какъ секретъ. Я стыдился, (даже можетъ быть и теперь стыжусь) до того доходилъ, что ощущалъ какое-то тайное ненормальное, подленькое наслажденіе возмущаться, бывало, въ иную гадчайшую петербургскую ночь къ себѣ въ уголъ и усиленно сознавать, вотъ и сегодня сдѣлалъ опять гадость, что сдѣланнаго опять-таки никакъ не воротить и вѣтренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами и сосать себя до того, что горечь общалась наконецъ въ какую-то позорную, проклятую сладость и наконецъ,—въ рѣшительное, серьезное наслажденіе! Да, въ наслажденіе, въ наслажденіе. Я стою на томъ. Я потому и заговорилъ, что все хочется навѣрно узнать: бываютъ-ли и у дѣ

тъ такія наслажденія? Я вамъ объясню: наслажде-
ніе было тутъ именно отъ слишкомъ яркаго со-
занія своего униженія; оттого, что ужь самъ чув-
вуешь, что до послѣдней стѣны дошелъ; что и
верно это, но что и нельзя тому иначе быть; что
нѣтъ тебѣ выхода, что ужь никогда не сдѣ-
ешься другимъ человѣкомъ; что еслибъ даже и
авалось еще время и вѣра, чтобъ передѣлаться
чтонибудь другое, то навѣрно самъ-бы не за-
хотѣлъ передѣлываться; а захотѣлъ-бы, такъ и тутъ
ничего не сдѣлалъ, потому что, на самомъ-то
дѣлѣ, и передѣлываться-то можетъ быть не во-что.
главное, и конецъ концовъ, что все это прои-
сходитъ по нормальнымъ и основнымъ законамъ
человѣческаго сознанія и по инерціи, прямо выте-
кающей изъ этихъ законовъ, а слѣдственно тутъ
только не передѣлаешься, да и просто ничего
подѣлаешь. Выходитъ напримѣръ, вслѣдствіе
человѣческаго сознанія: правъ что подлець, какъ буд-
то подлецу утѣшеніе, коль онъ уже самъ ощу-
етъ что онъ дѣйствительно подлець. Но доволь-
но. Эхъ нагородилъ-то, а что объяснилъ?. Чѣмъ
ясняется тутъ наслажденіе? Но я объяснюсь! Я
и доведу до конца! я и перо затѣмъ въ руки
беру....

Я, напримѣръ, ужасно самолюбивъ. Я мнителенъ
и завистливъ какъ горбунъ или карликъ, но право
знали со мною такія минуты, что еслибъ случи-
лось, что мнѣ-бы дали пощечину, то можетъ-быть
я былъ-бы даже и этому радъ. Говорю серьезно:
навѣрно я-бы съумѣлъ отыскать и тутъ своего рода
наслажденіе, разумѣется наслажденіе отчаянія, но
отчаяніи-то и бывають самыя жгучія наслажде-
нія, особенно когда ужь очень сильно сознаешь без-
смысленность своего положенія. А тутъ при поще-
чѣ-то—да тутъ такъ и придавить сознаніе о

томъ въ какую мазь тебя растерли. Главное какъ ни раскидывай, а все-таки выходитъ, всегда я первый во всемъ виноватъ выхожу и, всего обиднѣе, безъ вины виноватъ, и такъ скажешь по законамъ природы. Потому во первыхъ виноватъ, что я умнѣе всѣхъ, которые меня окружаютъ. постоянно считалъ себя умнѣе всѣхъ, которые меня окружаютъ и иногда, повѣрите-ли, даже этого вѣстился. По крайней мѣрѣ я всю жизнь смотрю какъ-то въ сторону и никогда не могъ смотреть людямъ прямо въ глаза.) Потому наконецъ виноватъ, что еслибъ и было во мнѣ великодушіе, было бы только мнѣ-же муки больше отъ сознания всей его бесполезности. Я вѣдь навѣрно ничего не сумѣлъ сдѣлать изъ моего великодушія: простить, потому что обидчикъ можетъ ударить меня по законамъ природы, а законовъ природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хотишь законы природы, а все-таки обидно. Наконецъ еслибъ даже я захотѣлъ быть вовсе не великодушнымъ, а напротивъ пожелалъ-бы отмстить обидчику, то я и отмстить ни въ чемъ никому-бы не могъ, потому что навѣрно не рѣшился бы что-нибудь сдѣлать, еслибъ даже и могъ. Отчего не рѣшился-бы? Объ этомъ мнѣ хочется сказать слова особо.

III.

Вѣдь у людей, умѣющихъ за себя отомстить вообще за себя постоять, — какъ это наприродѣ дѣлается? Вѣдь ихъ, какъ обхватить, положить чувство мести, такъ ужъ ничего больше во всемъ ихъ существѣ на это время и не останется къ этому чувству. Такой господинъ такъ и претъ впередъ мо къ цѣли, какъ взбѣсившійся быкъ, накло-

изъ рога и только развѣ стѣна его останавли-
 етъ. (Кстати: передъ стѣной такіе господа, т. е.
 опосредственные люди и дѣятели, искренно па-
 ютъ. Для нихъ стѣна — не отводъ, какъ напри-
 мѣръ для насъ, людей думающихъ, а слѣдственно
 чего не дѣлающихъ; не предлогъ воротиться съ
 роги, предлогъ, въ который нашъ братъ обы-
 ченно и самъ не вѣритъ, но которому всегда
 очень радъ. Нѣтъ, они пасуютъ со всею искрен-
 ностью. Стѣна имѣетъ для нихъ что-то успокаи-
 льное, нравственно-разрѣшающее и окончатель-
 е, пожалуй даже что-то мистическое... Но объ
 ѣнѣ послѣ). Ну-съ, такого-то вотъ непосред-
 веннаго человѣка я и считаю настоящимъ, нор-
 альнымъ человѣкомъ, какимъ хотѣла его видѣть
 ма нѣжная мать — природа, любезно зарожда-
 ю на землѣ. Я такому человѣку до крайней
 мчи завидую. Онъ глупъ, я въ этомъ съ вами
 спорю, но можетъ быть нормальный человѣкъ
 долженъ быть глупъ, почему вы знаете? Можетъ
 быть это даже очень красиво. И я тѣмъ болѣе
 ѣжденъ въ этомъ такъ сказать подозрѣніи, что
 ли, на примѣръ, взять антитезъ нормальнаго че-
 вѣка, то есть человѣка усиленно-сознающаго,
 шедшаго конечно не изъ лона природы, а изъ
 торты (это уже почти мистицизмъ, господа, но
 подозрѣваю и это) — то этотъ ретортный чело-
 къ до того иногда пасуетъ передъ своимъ анти-
 зомъ, что самъ себя, со всѣмъ своимъ усилен-
 ымъ сознаниемъ, добросовѣстно считаетъ за мышъ,
 не за человѣка. Пусть это и усиленная сознаю-
 ая мышъ, но все-таки мышъ, а тутъ человѣкъ,
 слѣдственно и проч. И главное онъ самъ, самъ
 дь считаетъ себя за мышъ; его объ этомъ никто
 просить; а это важный пунктъ. Взглянемъ же
 перь на эту мышъ въ дѣйствиі. Положимъ, на-

примѣръ, она тоже обижена (а она почти все бываетъ обижена) и тоже желаетъ отомстить. Злости-то въ ней можетъ еще и больше накопиться чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vérité. Гадкое, низкое желанье воздать обидчику тоже зломъ, можетъ еще и гаже скребется въ нѣмъ чѣмъ въ l'homme de la nature et de la vérité, тому что l'homme de la nature et de la vérité, своей врожденной глупости, считаетъ свое мщеніе просто за просто справедливостью; а мышъ, въ слѣдствіе усиленнаго сознанія, отрицаетъ тутъ справедливость. Доходить, наконецъ, до самаго дѣла до самаго акта отмщенія. Несчастливая мышъ, въ мѣ одной первоначальной гадости, успѣла уже породить кругомъ себя, въ видѣ вопросовъ и мнѣній, столько другихъ гадостей; къ одному вопросу подвела столько неразрѣшенныхъ вопросовъ, поневолѣ кругомъ нея набирается какая-то роющая бурда, какая-то вонючая грязь, состоящая изъ ея сомнѣній, волненій и наконецъ изъ плевковъ сыплющихся на нее отъ непосредственныхъ дѣлителей, предстоящихъ торжественно кругомъ видѣ судей и диктаторовъ и хохочущихъ надъ нею во всю здоровую глотку. Разумѣется ей остается махнуть на все своей лапкой и съ улыбкой пускнаго презрѣнья, которому и сама она не веритъ, постыдно проскользнуть въ свою щелочку. Тамъ, въ своемъ мерзкомъ, вонючемъ подполье наша обиженная, прибитая и осмѣянная мышъ медленно погружается въ холодную, ядовитую, главное, вѣковѣчную злость. Сорокъ лѣтъ сряду будетъ припоминать до послѣднихъ, самыхъ стыдныхъ подробностей, свою обиду и при этомъ каждый разъ прибавлять отъ себя подробно еще постыднѣйшія, злобно поддразнивая и раздражая себя собственной фантазіей. Сама будетъ с

даться своей фантазіи, но все-таки все припомнить, все перебереть, навыдумаетъ на себя небывальщины подь предлогомъ, что она тоже могла случиться, и ничего не простить. Пожалуй и мстить начнетъ, но какъ нибудь урывками, мелочами, изъза печки, инкогнито, не вѣря ни своему праву мстить, ни усиѣху своего мщенія и зная напередъ, что отъ всѣхъ своихъ попытокъ отомстить сама выстрадаетъ во сто разъ больше того кому мстить, а тотъ пожалуй и не почешется. На смертномъ одрѣ опять-таки все припомнить, съ накопившимися за все время процентами и... Но именно вотъ въ этомъ холодномъ, омерзительномъ полуотчаяніи, полувѣрѣ, въ этомъ сознательномъ погребеніи самого себя за-живо съ горя, въ подпольѣ на сорокъ лѣтъ, въ этой усиленно-созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положенія, во всемъ этомъ ядѣ неудовлетворенныхъ желаній, вошедшихъ внутрь, во всей этой лихорадкѣ колебаній, принятыхъ на вѣки рѣшеній и черезъ минуту опять наступающихъ раскаяній — и заключается сокъ того страннаго наслажденія, о которомъ я говорилъ. Оно до того тонкое, до того иногда неподдающееся сознанью, что чуть-чуть ограниченные люди, или даже просто люди съ вѣрными нервами, не поймутъ въ немъ ни единой черты. «Можетъ еще и тѣ не поймутъ, прибавите вы отъ себя ослабляясь, которые никогда не получали пощечинъ,» — и такимъ образомъ вѣжливо намекнете мнѣ, что я въ мою жизнь можетъ быть тоже испыталъ пощечину, а потому и говорю какъ знатокъ. Бьюсь объ закладъ, что вы это думаете. Но успокойтесь, господа, я не получалъ пощечинъ, хотя мнѣ совершенно все равно какъ бы вы объ этомъ ни думали. Я можетъ быть еще самъ-то жалѣю, что въ мою жизнь мало роз-

далъ пощечинъ. Но довольно, ни слова больше объ этой чрезвычайно для васъ интересной темѣ.

Продолжаю спокойно о людяхъ съ крѣпкими нервами, не понимающихъ извѣстной утонченности наслажденій. Эти господа, при иныхъ казусахъ, на примѣръ, хотя и ревуть какъ быки во все горло, хотъ это, положимъ, и приносить имъ величайшую честь, но, какъ уже сказалъ я, передъ невозможностью они тотчасъ смиряются. Невозможность — значитъ каменная стѣна? Какая каменная стѣна? Ну разумѣется законы природы, выводы естественныхъ наукъ, математика. Ужь какъ докажутъ тебѣ на примѣръ, что отъ обезьяны произошелъ, такъ ужъ и нечего морщиться, принимай какъ есть. Ужь какъ докажутъ тебѣ, что въ сущности одна капелька твоего собственнаго жиру, тебѣ должна быть дороже ста тысячъ тебѣ подобныхъ и что въ этомъ результатѣ разрѣшатся под-конецъ всѣ такъ называемыя добродѣтели и обязанности и прочія бредни и предрасудки, такъ ужъ такъ и принимай, нечего дѣлать-то, потому дважды-два, — математика. Попробуйте возразить.

«Помилуйте, закричатъ вамъ, возставать нельзя: это дважды-два четыре! Природа васъ не спрашивается; ей дѣла нѣтъ до вашихъ желаній, и до того нравятся ль вамъ ея законы или не нравятся. Вы обязаны принимать ее такъ какъ она есть, а слѣдственно и всѣ ея результаты. Стѣна значитъ и есть стѣна... и т. д. и т. д.» Господи,-Боже, да какое мнѣ дѣло до законовъ природы и ариѳметики, когда мнѣ почему нибудь эти законы и дважды-два-четыре не нравятся? Разумѣется, я не пробью такой стѣны лбомъ, если и въ самомъ дѣлѣ силъ не будетъ пробить, но я и не примирюсь съ ней потому только, что у меня каменная стѣна у меня силъ не хватило.

Какъ будто такая каменная стѣна и вправду есть успокоеніе, и вправду заключаетъ въ себѣ хоть какое нибудь слово на миръ, единственно только потому, что она дважды-два-четыре. О нелѣпость нелѣпостей! То ли дѣло все понимать, все сознавать, всѣ невозможности и каменные стѣны; не примиряться ни съ одной изъ этихъ невозможностей и каменныхъ стѣнъ, если вамъ мерзитъ примиряться; дойти путемъ самыхъ неизбѣжныхъ логическихъ комбинацій до самыхъ отвратительныхъ заключеній на вѣчную тему о томъ, что даже и въ каменной-то стѣнѣ какъ будто чѣмъ-то самъ виновать, хотя опять-таки до ясности очевидно, что вовсе не виновать, и вслѣдствіе этого, молча и бессильно скрежеща зубами, сладострастно замерѣть въ инерціи, мечтая о томъ, что даже и злиться выходитъ тебѣ не на кого; что предмета не находится, а можетъ быть и никогда не найдется, что тутъ подмѣнъ, подтасовка, шулерство, что тутъ просто бурда, — неизвѣстно что и неизвѣстно кто, но несмотря на всѣ эти неизвѣстности и подтасовки у васъ все-таки болить, и чѣмъ больше вамъ неизвѣстно, тѣмъ больше болить!

IV.

Ха, ха, ха! да вы послѣ этого и въ зубной боли отыщете наслаженіе! вскрикнете вы со смѣхомъ. — А что жъ? и въ зубной боли есть наслаженіе, отвѣчу я. У меня цѣлый мѣсяць болѣли зубы; я знаю, что есть. Тутъ, конечно не молча златься, а стонуть; но это стоны не откровенные, это стоны съ ехидствомъ, а въ ехидствѣ-то и вся штука. Въ этихъ-то стонахъ и выражается наслаженіе страдающаго; не ощущалъ бы онъ въ нихъ

наслажденія, — онъ бы и стонать не сталъ. Это
 хорошій примѣръ, господа, и я его разовью. Въ
 этихъ стонахъ выражается во-первыхъ, вся для
 вашего сознанія унижительная безцѣльность вашей
 боли; вся законность природы, на которую, вамъ
 разумѣется, наплевать, но отъ которой вы все-
 таки страдаете, а она то нѣтъ. Выражается со-
 знаніе, что врага у васъ не находится, а что боль
 есть; сознаніе, что вы, со всевозможными Ваген-
 геймами, вполнѣ въ рабствѣ у вашихъ зубовъ;
 что захочетъ кто-то и перестануть болѣть ваши
 зубы, а не захочетъ, такъ и еще три мѣсяца про-
 болятъ; и что наконецъ, если вы все еще не со-
 гласны и все-таки протестуете, то вамъ остается
 для собственнаго утѣшенія, только самаго себя
 высѣчь, или прибить побольнѣе кулакомъ вашу
 стѣну, а болѣе рѣшительно ничего. Ну-съ вотъ
 отъ этихъ-то кровавыхъ обидъ, вотъ отъ этихъ-то
 насмѣшекъ, неизвѣстно чьихъ и начинается нако-
 нецъ наслажденіе, доходящее иногда до высшаго
 сладострастія. Я васъ прошу, господа, прислушай-
 тесь когда нибудь къ стонамъ образованнаго чело-
 вѣка девятнадцатаго столѣтія, страдающаго зубами,
 этакъ на второй, или на третій день болѣзни, когда
 онъ начинаетъ уже не такъ стонать, какъ въ пер-
 вый день стоналъ, то есть не просто оттого, что
 зубы болятъ; не такъ какъ какой нибудь грубый
 мужикъ, а такъ какъ человѣкъ тронутый развитіемъ
 и европейской цивилизаціей стонетъ, какъ чело-
 вѣкъ «отрѣшившійся отъ почвы и народныхъ на-
 чаль», какъ теперь выражаются. Стоны его стано-
 вятся какіе-то скверные, пакостно-злые и продол-
 жаются по цѣлымъ днямъ и ночамъ. И вѣдь знаетъ
 самъ, что никакой себѣ пользы не принесетъ сто-
 нами; лучше всѣхъ знаетъ, что онъ только напрасно
 себя и другихъ надрываетъ и раздражаетъ; знаетъ,

что даже и публика, передъ которой онъ старается, и все семейство его уже прислушались къ нему съ омерзениемъ, не вѣрятъ ему ни на грошъ, и понимаютъ про себя, что онъ могъ бы иначе, проще стонать, безъ руладъ и безъ вывертовъ, а что онъ только такъ со злости, съ ехидства ба-дуется. Ну такъ вотъ въ этихъ-то всѣхъ созна-нiяхъ и позорахъ и заключается сладострастiе. «Дескать я васъ безпокою, сердце вамъ надрываю, всѣмъ въ домѣ спать не даю. Такъ вотъ не спите же, чувствуйте же и вы каждую минуту, что у меня зубы болятъ. Я для васъ ужь теперь не герой, какимъ прежде хотѣлъ казаться, а просто гадень-кой человѣкъ, шенапанъ. Ну такъ пусть же! Я очень радъ; что вы меня раскусили. Вамъ скверно слу-шать мои подленькiе стоны? Ну такъ пусть скверно; вотъ я вамъ сейчасъ еще сквернѣй руладу сдѣлаю...» Не понимаете и теперь, господа? Нѣтъ, видно надо глубоко доразвиться и досознаться, чтобъ понять всѣ изгибы этого сладострастiя! Вы смѣ-теть? Очень радъ-съ. Мои шутки, господа, конечно дурнаго тона, неровны, сбивчивы, съ самонедовѣр-чивостью. Но вѣдь это оттого, что я самъ себя не уважаю. Развѣ сознающій человѣкъ можетъ сколько нибудь себя уважать?

V.

Ну развѣ можно, развѣ можно хоть сколько-ни-будь уважать себя человѣку, который даже въ самомъ чувствѣ собственнаго униженiя, посягнувъ отыскать наслажденiе? Я не отъ приторнаго какого-нибудъ раскаянiя такъ теперь говорю. Да и во-обще терпѣть я не могъ говорить: «Простите, па-паша, впередъ не буду»,—не потому, чтобъ я не

способенъ былъ это сказать, а, напротивъ, можетъ быть именно потому, что ужь слишкомъ способенъ на это бывалъ, да еще какъ? Какъ нарочно и влопаюсь бывало въ такомъ случаѣ, когда самъ ни сномъ, ни духомъ не виновать. Это уже было всего гаже. При этомъ я опять-таки душою умилялся, раскаявался, слезы проливалъ и конечно самого себя надувалъ, хоть и вовсе не притворялся. Сердце ужь тутъ какъ-то гадило... Тутъ ужь даже и законовъ природы нельзя было обвинить, хотя все-таки законы природы постоянно и болѣе всего всю жизнь меня обижали. Гадко это все вспоминать, да и тогда гадко было. Вѣдь черезъ минуту какую-нибудь, я уже съ злобою соображаю бывало, что все это ложь, ложь, отвратительная напускная ложь, то есть всѣ эти раскаянія, всѣ эти умиленія, всѣ эти обѣты возрожденія. А спросите, для чего я такъ самъ себя коверкалъ и мучилъ? Отвѣтъ: затѣмъ, что скучно ужь очень было сложа руки сидѣть; вотъ и пускался на выверты. Право такъ. Замѣчайте получше сами за собой, господа, тогда и поймете, что это такъ. Самъ себѣ приключенія выдумывалъ и жизнь сочинялъ, чтобъ хоть какъ-нибудь да пожить. Сколько разъ мнѣ случалось—ну хоть напимѣръ обижаться, такъ, не изъ-за чего, нарочно; и вѣдь самъ знаешь бывало, что не изъ-за чего обидѣлся, напустилъ на себя, но до того себя доведешь, что подъ-конецъ право и въ самомъ дѣлѣ обидишься. Меня какъ-то всю жизнь тянуло такія штуки выкидывать, такъ что ужь я сталъ подъ-конецъ и въ себѣ невластенъ. Другой разъ влюбиться насильно захотѣлъ, даже два раза. Страдалъ вѣдь, господа, увѣряю васъ. Въ глубинѣ-то души не вѣрится, что страдаешь, насмѣшка шевелится, а все-таки страдаю, да еще настоящимъ, заправскимъ образомъ; ревную, изъ себя выхожу...

И все отъ скуки, господа, все отъ скуки; инерція задавила. Вѣдь прямой, законный, непосредственный плодъ сознанія—это инерція, т. е. сознательное сложа-руки-сидѣнье. Я ужь объ этомъ упоминалъ выше. Повторяю, усиленно повторяю: всѣ непосредственные люди и дѣятели потому и дѣятельны, что они тупы и ограничены. Какъ это объяснить? А вотъ какъ: они, вслѣдствіе своей ограниченности, ближайшія и второстепенныя причины за первоначальныя принимаютъ, такимъ образомъ скорѣе и легче другихъ убѣждаются, что непреложное основаніе своему дѣлу нашли, ну и успокоиваются; а вѣдь это главное. Вѣдь, чтобъ начать дѣйствовать нужно быть совершенно успокоеннымъ предварительно, и чтобъ сомнѣній ужь никакихъ не оставалось. Ну а какъ я на примѣръ себя успокою? гдѣ у меня первоначальныя причины, на которыя я упрусь, гдѣ основанія? Откуда я ихъ возьму. Я упражняюсь въ мышленіи, а слѣдственно у меня всякая первоначальная причина тотчасъ-же тащитъ за собою другую еще первоначальнѣе и такъ далѣе въ безконечность. Такова именно сущность всякаго сознанія и мышленія. Это уже опять стало-быть законы природы. Что-же наконецъ въ результатѣ? Да тоже самое. Вспомните: давеча вотъ я говорилъ о мщеніи. (Вы вѣрно не вникли). Сказано: человекъ мститъ, потому что находитъ въ этомъ справедливость. Значитъ онъ первоначальную причину нашель, основаніе нашель, а именно: справедливость. Стало-быть онъ со всѣхъ сторонъ успокоенъ, а слѣдственно и отмщаетъ спокойно и успѣшно, будучи убѣжденъ, что дѣлаетъ честное и справедливое дѣло. А вѣдь я справедливости тутъ не вижу, добродѣтели тоже никакой не нахожу, а слѣдственно если стану мститъ, то развѣ только изъ злости. Злость конечно могла-бы все

пересилить, всё мои сомнѣнія, и стало быть могла бы совершенно успѣшно послужить вмѣсто первоначальной причины, именно потому, что она не причина. Но что же дѣлать если у меня и злости нѣтъ (я давеча вѣдь съ этого и началъ). Злоба у меня опять-таки вслѣдствіе этихъ проклятыхъ законовъ сознанія химическому разложенію подвергается. Смотришь,—предметъ улечучивается, резоны испаряются, виновникъ не отыскивается, обида становится не обидой, а фатумомъ, чѣмъ то въ родѣ зубной боли, въ которой никто не виноватъ, а слѣдовательно остается опять-таки тотъ же самый—выходъ т. е. стѣну побольше прибить. Ну и рукой махнешь, потому что не нашелъ первоначальной причины. А попробуй, увлекись своимъ чувствомъ слѣпо, безъ разсужденій, безъ первоначальной причины, отгоняя сознаніе хоть на это время; возненавидь или полюби, чтобъ только не сидѣть сложа руки. Послѣ завтра, это ужъ самый поздній срокъ, самаго себя презирать начнешь, за то, что самаго себя за-знамо надулъ. Въ результатѣ: мыльный пузырь и инерція. О, господа, вѣдь я можетъ потому только и считаю себя за умнаго человѣка, что всю жизнь ничего не могъ ни начать ни окончить. Пусть, пусть я болтунъ, безвредный, досадный болтунъ, какъ и всё мы. Но что же дѣлать, если прямое и единственное назначеніе всякаго умнаго человѣка есть болтовня т. е. умышленное пересыпанье изъ пустаго въ порожнее.

VI.

О, еслибъ я ничего не дѣлалъ только изъ лѣни. Господи, какъ-бы я тогда себя уважалъ. Уважалъ бы именно потому, что хоть лѣнь я въ состояніи

имѣть въ себѣ; хоть одно свойство было-бы во мнѣ какъ будто и положительное, въ которомъ я-бы и самъ былъ увѣренъ. Вопросъ: кто такой? Отвѣтъ: лѣнтяй; да вѣдь это препрiятно было-бы слышать о себѣ. Значить положительно опредѣленъ, значить есть что сказать обо мнѣ. «Лѣнтяй»! да—вѣдь это званье и назначенье, это карьера-сь. Не шутите,—это такъ. Я тогда членъ самаго первѣйшаго клуба по праву, и занимаюсь только тѣмъ, что непрерывно себя уважаю. Я зналъ господина, который всю жизнь гордился тѣмъ, что зналъ толкъ въ лафитѣ. Онъ считалъ это за положительное свое достоинство и никогда не сомнѣвался въ себѣ. Онъ умеръ не то что съ покойной, а съ торжествующей совѣстью, и былъ совершенно правъ. А я-бы себѣ тогда выбралъ карьеру: я былъ-бы лѣнтяй и обжора, но не простой, а напимѣръ сочувствующій всему прекрасному и высокому. Какъ вамъ это нравится? мнѣ это давно мерещилось. Это «прекрасное и высокое» сильно-таки надавило мнѣ затылокъ въ мои сорокъ лѣтъ; но это въ мои сорокъ лѣтъ, а тогда—о, тогда было-бы иначе! Я бы тотчасъ-же отыскалъ себѣ и соотвѣтствующую дѣятельность, — а именно: пить за здоровье всего прекраснаго и высокаго. Я бы придирался ко всякому случаю, чтобъ сначала пролить въ свой бокалъ слезу, а потомъ выпить его за все прекрасное и высокое. Я бы все на свѣтѣ обратилъ тогда въ прекрасное и высокое; въ гадчайшей, безспорной дряни отыскалъ бы прекрасное и высокое. Я сдѣлался бы слезоточивъ какъ мокрая губка. Художникъ, напимѣръ, написалъ картину Ге. Тотчасъ-же пью за здоровье художника, написавшаго картину Ге, потому что люблю все прекрасное и высокое. Авторъ написалъ «какъ кому угодно»; тотчасъ-же пью за здоровье

«кого угодно», потому что люблю все «прекрасное и высокое.»—Уваженія къ себѣ за это потребую, преслѣдовать буду того, кто не будетъ мнѣ оказывать уваженія. Живу спокойно, умираю торжественно,—да вѣдь это прелесть, цѣлая прелесть! И такое себѣ отростилъ бы я тогда брюхо, такой тройной подбородокъ соорудилъ, такой-бы, сандаальной носъ себѣ выработалъ, что всякій встрѣчный сказалъ-бы, смотря на меня: «вотъ такъ плюсь! вотъ такъ ужъ настоящее положительное!» А вѣдь какъ хотите, такіе отзывы препріятно слышать въ нашъ отрицательный вѣкъ, господа.

VII.

Но все это золотыя мечты. О, скажите, кто это первый объявилъ, кто первый провозгласилъ, что человѣкъ потому только дѣлаетъ пакости, что не знаетъ настоящихъ своихъ интересовъ; а что еслибъ его просвѣтить, открыть ему глаза на его настоящіе, нормальные интересы, то человѣкъ тотчасъ-же пересталъ-бы дѣлать пакости, тотчасъ-же сталъ-бы добрымъ и благороднымъ, потому что, будучи просвѣщеннымъ и понимая настоящія свои выгоды, именно увидѣлъ-бы въ добрѣ собственную свою выгоду, а извѣстно, что ни одинъ человѣкъ не можетъ дѣйствовать за-знамо противъ собственныхъ своихъ выгодъ, слѣдственно такъ-сказать по необходимости сталъ-бы дѣлать добро? О младенецъ! о чистое, невинное дитя! да когда-же, во-первыхъ, бывало, во всѣ эти тысячелѣтія, чтобъ человѣкъ дѣйствовалъ только изъ одной своей собственной выгоды? Что-же дѣлать съ милльонами фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ люди, *за-знамо*, т. е. вполне понимая свои настоящія выгоды, от-

ставляли ихъ на второй планъ и бросались на другую дорогу, на рискъ, на авось, никѣмъ и ничѣмъ непринуждаемые къ тому, а какъ будто именно только не желая указанной дороги, и упрямо, своевольно пробивали другую, трудную, нелѣпую, отыскивая ее чуть не въ потемкахъ. Вѣдь значить имъ дѣйствительно это упрямство и своеволие было пріятнѣе всякой выгоды... | Выгода! что такое выгода? Да и берете-ли вы на себя совершенно точно опредѣлить въ чемъ именно человѣческая выгода состоитъ? А что если такъ случится, что человѣческая выгода, *иной разъ*, не только можетъ, но даже и должна именно въ томъ состоять, чтобъ въ иномъ случаѣ себѣ худаго пожелать, а не выгоднаго? А если такъ, если только можетъ быть этотъ случай, то все правило прахомъ пошло. Какъ вы думаете бываетъ-ли такой случай? Вы смѣтаетесь; смѣйтесь, господа, но только отвѣчайте: совершенно-ли вѣрно сосчитаны выгоды человѣческія? Нѣтъ-ли такихъ, которыя не только не уложились, но и не могутъ уложиться ни въ какую классификацію? Вѣдь вы, господа, сколько мнѣ извѣстно, весь вашъ реестръ человѣческихъ выгодъ взяли среднимъ числомъ изъ статистическихъ цифръ и изъ научно-экономическихъ формулъ. Вѣдь ваши выгоды, это—благоденствіе, богатство, свобода, покой, ну и такъ далѣе, и такъ далѣе; такъ что человѣкъ, который бы напимѣръ явно и за-знамо пошелъ противъ всего этого реестра, былъ-бы по вашему, ну да и конечно по моему, обскурантъ или совсѣмъ сумасшедшій, такъ-ли? Но вѣдь вотъ что удивительно: отчего это такъ происходитъ, что всѣ эти статистики, мудрецы и любители рода человѣческаго, при исчисленіи человѣческихъ выгодъ, постоянно одну выгоду пропускаютъ? Даже и въ расчетъ ее не берутъ въ томъ видѣ, въ какомъ ее слѣдуетъ

братъ, а отъ этого и весь расчетъ зависить. Бѣда-бы не велика, взять бы ее, эту выгоду, да и занести въ списокъ. Но въ томъ-то и пагуба, что эта мудреная выгода ни въ какую классификацію не попадаетъ, ни въ одинъ списокъ не умѣщается. У меня, напримѣръ, есть пріятель... Эхъ, господа, да вѣдь и вамъ онъ пріятель; да и кому, кому онъ не пріятель! Приготовляясь къ дѣлу, этотъ господинъ тотчасъ-же изложить вамъ, велерѣчиво и ясно, какъ именно надо ему поступить по законамъ разсудка и истины. Мало того: съ волненіемъ и страстью будетъ говорить вамъ о настоящихъ, нормальныхъ человѣческихъ интересахъ; съ насмѣшкой укорить близорукихъ глупцовъ, не понимающихъ ни своихъ выгодъ, ни настоящаго значенія добродѣтели и,—ровно черезъ четверть часа, безъ всякаго внезапнаго, посторонняго повода, а именно почему-то такому внутреннему, что сильнѣе всѣхъ его интересовъ,—выкинетъ совершенно другое колѣно, т. е. явно пойдетъ противъ того, объ чемъ самъ говорилъ: и противъ законовъ разсудка, и противъ собственной выгоды, ну однимъ словомъ, противъ всего... Предупрежду, что мой пріятель—лицо собирательное и потому только его одного винить — какъ-то трудно. (То-то и есть,) господа, не существуетъ-ли и въ самомъ дѣлѣ нѣчто такое, что почти всякому человѣку дороже самыхъ лучшихъ его выгодъ или, (чтобъ ужъ логики не нарушать)—есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вотъ объ которой сейчасъ говорили), которая главнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ выгодъ, и для которой человѣкъ, если понадобится, готовъ противъ всѣхъ законовъ пойти, т. е. противъ разсудка, чести, покоя, благоденствія — однимъ словомъ противъ всѣхъ этихъ прекрасныхъ и полезныхъ вещей, лишь-бы только достиг-

нута этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего.

— Ну такъ все-таки выгоды-же — перебиваете вы меня. Позвольте-съ, мы еще объяснимся, да и не въ каламбурѣ дѣло, а въ томъ, что эта выгода именно тѣмъ и замѣчательна, что всѣ наши классификаціи разрушаетъ и всѣ системы, составленныя любителями рода человѣческаго для счастья рода человѣческаго, постоянно разбиваетъ. Однимъ словомъ всему мѣшаетъ. Но прежде чѣмъ я вамъ назову эту выгоду, я хочу себя компрометировать лично и потому дерзко объявляю, что всѣ эти прекрасныя системы, всѣ эти теоріи разъясненія человечеству настоящихъ, нормальныхъ его интересовъ съ тѣмъ, чтобъ оно, необходимо стремясь достигнуть этихъ интересовъ, стало-бы тотчасъ-же добрымъ и благороднымъ, — покажетъ по моему мнѣнью, одна логистика! Да-съ, логистика! Вѣдь утверждать хоть эту теорію обновленія всего рода человѣческаго посредствомъ системы его собственныхъ выгодъ, вѣдь это, по моему, почти тоже... ну хоть утверждать, на примѣръ, вслѣдъ за Боклемъ, что отъ цивилизаціи человѣкъ смягчается, слѣдственно становится менѣе кровожаденъ и менѣе способенъ къ войнѣ. По логикѣ-то кажется у него и такъ выходитъ. Но до того человѣкъ пристрастенъ къ системѣ и къ отвлеченному выводу, что готовъ умышленно исказить правду, готовъ видоизменить и слыхомъ не слыхать, только чтобъ оправдать свою логику. Потому и беру этотъ примѣръ, что это слишкомъ яркой примѣръ. Да оглянитесь кругомъ: кровь рѣкою льется, да еще развеселымъ такимъ образомъ, точно шампанское. Вотъ вамъ все наше девятнадцатое столѣтіе, въ которомъ жилъ и Бокль. Вотъ вамъ Наполеонъ,—и великій и теперешній. Вотъ вамъ Сѣверная Америка—вѣ-

ковѣчный союзъ. Вотъ вамъ наконецъ карикатурный Шлезвигъ-Гольштейнъ.... И что такое смягчаетъ въ насъ цивилизація? Цивилизація вырабатываетъ въ человѣкѣ только многосторонность ощущеній и... рѣшительно ничего больше. А черезъ развитіе этой многосторонности человѣкъ еще пожалуй дойдетъ до того, что отыщетъ въ крови наслажденіе. Вѣдь это ужъ и случилось съ нимъ. Замѣчали ли вы, что самые утонченные кровопроливцы почти сплошь были самые цивилизованные господа, которымъ всѣ эти разные Атиллы, да Стеньки Разины иной разъ въ подметки не годились, и если они не такъ ярко бросаются въ глаза какъ Атилла и Стенька Разинъ, такъ это именно потому, что они слишкомъ часто встрѣчаются, слишкомъ обыкновенны, примелькались. По крайней мѣрѣ отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде. Прежде онъ видѣлъ въ кровопролитіи справедливость и съ покойною совѣстью истреблялъ кого слѣдовало; теперь же мы хоть и считаемъ кровопролитіе гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше чѣмъ прежде. Что хуже?—сами рѣшите. Говорятъ Клеопатра (извините за примѣръ изъ римской исторіи) любила втыкать золотыя булавки въ груди своихъ невольницъ и находила наслажденіе въ ихъ крикахъ и корчахъ. Вы скажете, что это было во времена, говоря относительно, варварскія; что и теперь времена варварскія, потому что (тоже говоря относительно) и теперь булавки втыкаются; что и теперь человѣкъ хоть и научился иногда видѣть яснѣе, чѣмъ во времена варварскія, но еще далеко не *приучился* поступать такъ, какъ ему разумъ и науки указываютъ. Но все-таки вы совершенно увѣрены, что онъ непременно *приучится*, когда

совсѣмъ пройдутъ кой-какія старыя, дурныя привычки, и когда здравый смыслъ и наука вполне перевоспитають и нормально направятъ натуру человѣческую. Вы увѣрены, что тогда человѣкъ и самъ перестанетъ *добровольно* ошибаться и такъ сказать поневолѣ не захочетъ рознить свою волю съ нормальными своими интересами. Мало того: тогда, говорите вы, сама наука научитъ человѣка, (хоть это ужъ и роскошь по моему) что ни воли, ни каприза на самомъ-то дѣлѣ у него и нѣтъ, да и никогда не бывало, а что онъ самъ не болѣе какъ нѣчто въ родѣ фортепіанной клавиши или органнаго штифтика; и что сверхъ того—на свѣтѣ есть еще законы природы; такъ что все, что онъ ни дѣлаетъ, дѣлается вовсе не по его хотѣнью, а само собою, по законамъ природы. Слѣдственно эти законы природы стоить только открыть, и ужъ за поступки свои человѣкъ отвѣчать не будетъ и жить ему будетъ чрезвычайно легко. Всѣ поступки человѣческіе, само собою, будутъ расчислены тогда по этимъ законамъ, математически, въ родѣ таблицы логарифмовъ, до 108,000 и занесены въ календарь; или, еще лучше того, появятся нѣкоторыя благонамѣренныя изданія, въ родѣ теперешнихъ энциклопедическихъ лексиконовъ, въ которыхъ все будетъ такъ точно исчислено и обозначено, что на свѣтѣ уже не будетъ болѣе ни поступковъ, ни приключеній.

Тогда-то,—это все вы говорите—настанутъ новыя экономическія отношенія, совсѣмъ ужъ готовые и тоже вычисленные съ математическою точностію, такъ что въ одинъ мигъ исчезнутъ всевозможные вопросы, собственно потому, что на нихъ получатся всевозможные отвѣты. Тогда выстроится хрустальный дворець. Тогда... Ну, однимъ словомъ, тогда прилетитъ птица Каганъ. Конечно, никакъ

нельзя гарантировать, (это ужь я теперь говорю) что тогда не будет напимѣрь ужасно скучно; (потому что что-жъ и дѣлать-то, когда все будетъ расчислено по табличкѣ) за то все будетъ чрезвычайно благоразумно. Конечно, отъ скуки чего не выдумаешь! Вѣдь и золотыя булавки отъ скуки втыкаются, но это бы все ничего. Скъверно то (это опять-таки я говорю), что чего добраго, пожалуй и золотымъ булавкамъ тогда обрадуются. Вѣдь глупъ человѣкъ, глупъ феноменально. То есть онъ хоть и вовсе не глупъ, но ужь за то неблагодаренъ такъ, что поискать другаго, такъ не найти. Вѣдь я напимѣрь нисколько не удивлюсь, если вдругъ ни съ того ни съ сего, среди всеобщаго будущаго благоразумія возникнетъ какой-нибудь джентльмень, съ неблагогородной или, лучше сказать, съ ретроградной и насмѣшливою фізіономіей, упреть руки въ боки и скажетъ намъ всѣмъ: а что, господа, не столкнуть-ли намъ все это благоразуміе съ одного разу, ногой, прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ всѣ эти логарифмы отправились къ чорту, и чтобъ намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что вѣдь непременно послѣдователей найдетъ: такъ человѣкъ устроенъ. И все это отъ самой пустѣйшей причины, объ которой бы кажется и упоминать не стоитъ: именно оттого, что человѣкъ, всегда и вездѣ, кто бы онъ ни былъ, любилъ дѣйствовать такъ какъ хотѣлъ, а вовсе не такъ какъ повелѣвали ему разумъ и выгода; хотѣть же можно и противъ собственной выгоды, а иногда и *положительно должно* (это ужь моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотѣнье, свой собственный хотя бы самый дикой капризь, своя фантазія, раздраженная иногда хоть-бы даже до сумашествія,—вотъ это-то все и есть та самая,

пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни подь какую классификацію не подходит и отъ которой всѣ системы и теоріи постоянно разлетаются къ чорту. И съ чего это взяли всѣ эти мудрецы, что человѣку надо какого-то нормальнаго, какого-то добродѣтельнаго хотѣнія? Съ чего это непременно вообразили они, что человѣку надо непременно благоразумно-выгоднаго хотѣнья? Человѣку надо — одного только *самостоятельнаго* хотѣнья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и къ чему-бы ни привела. Ну и хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ...

VIII.

«Ха, ха, ха! да вѣдь хотѣнья-то, въ сущности, если хотите и нѣтъ!» прерываете вы съ хохотомъ. — «Наука даже о сю пору дотога успѣла разанатомировать человѣка, что ужь и теперь намъ извѣстно, что хотѣнье и такъ называемая свободная воля, есть ничто иное какъ....»

— Пойдите, господа, я и самъ такъ начать хотѣлъ. Я признаюсь даже испугался. Я только что хотѣлъ было прокричать, что хотѣнье вѣдь чортъ знаетъ отчего зависить и что это пожалуй и слава Богу, да вспомнилъ про науку-то и... осѣлся. А вы тутъ и заговорили. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, ну если и вправду найдутъ когда-нибудь формулу всѣхъ нашихъ хотѣній и капризовъ, т. е. отъ чего они зависять, по какимъ именно законамъ происходятъ, какъ именно распространяются, куда стремятся въ такомъ-то и въ такомъ-то случаѣ и проч. и проч. т. е. настоящую, математическую формулу, — такъ вѣдь тогда человѣкъ тотчасъ-же пожалуй и перестанетъ хотѣть, да еще пожалуй и навѣрно перестанетъ. Ну что за охота хотѣть по

табличкѣ? Мало того: тотчасъ же обратится онъ изъ человѣка въ органичный штифтикъ, или въ родъ того; потому, что-же такое человѣкъ безъ желаній безъ воли и безъ хотѣній, какъ не штифтикъ въ органичномъ валѣ? Какъ вы думаете? сосчитаемъ вѣроятности,—можетъ это случиться или нѣтъ?

— Гм... рѣшаете вы, наши хотѣнья болѣею частію бывають ошибочны отъ ошибочнаго взгляда на наши выгоды. Мы потому и хотимъ иногда чистаго вздору, что въ этомъ вздорѣ видимъ, по глупости нашей, легчайшую дорогу къ достиженію какой-нибудь заранѣе предположенной выгоды. Ну, а когда все это будетъ растолковано, расчислено на бумажкѣ (что очень возможно, потому что гнусно-же и бессмысленно заранѣе вѣрить, что иныхъ законовъ природы человѣкъ никогда не узнаеть) — то тогда, разумѣется, не будетъ такъ называемыхъ желаній. Вѣдь если хотѣнье стукнется когда-нибудь совершенно съ разсудкомъ, такъ вѣдь ужъ мы будемъ тогда разсуждать, а не хотѣть, собственно потому, что вѣдь нельзя-же, напримѣръ, сохраняя разсудокъ, *хотѣть* бессмыслицы, и такимъ образомъ за-знамо идти противъ разсудка и желать себѣ вреднаго... А такъ-какъ всѣ хотѣнья и разсужденія могутъ быть дѣйствительно вычислены, потому что когда-нибудь откроютъ же законы такъ называемой нашей свободной воли, то стало-быть и кромѣ шутокъ можетъ устроиться что-нибудь въ родѣ таблички, такъ что мы и дѣйствительно хотѣть будемъ по этой табличкѣ. Вѣдь если мнѣ, напримѣръ, когда-нибудь расчислятъ и докажутъ, что если я показалъ такому-то кукишъ, такъ именно потому, что не могъ не показать и что непременно такимъ-то пальцемъ долженъ былъ его показать, такъ что же тогда во мнѣ *свободнаго* останется, особенно если я ученый и гдѣ ни-

будь курсъ наукъ кончилъ? Вѣдь я тогда впередъ всю мою жизнь на тридцать лѣтъ разсчитать могу; однимъ словомъ, если и устроится это, такъ вѣдь намъ ужь нечего будетъ дѣлать; все равно надо будетъ принять. Да и вообще мы должны не уставая повторять себѣ, что непременно въ такую-то минуту и въ такихъ-то обстоятельствахъ, природа насъ не спрашивается; что нужно принимать ее такъ какъ она есть, а не такъ какъ мы фантазируемъ, и если мы дѣйствительно стремимся къ табличкѣ и къ календарю, ну, и... ну хоть бы даже и къ ретортѣ, то что же дѣлать, надо принять и реторту! не то она сама, безъ васъ примется...

Да-съ, но вотъ тутъ-то для меня и занятая! Господа, вы меня извините, что я зафилософствовался; тутъ сорокъ лѣтъ подполья! позвольте пофантазировать. Видите ли-съ: разсудокъ, господа, есть вещь хорошая, это безспорно, но разсудокъ есть только разсудокъ и удовлетворяетъ только разсудочной способности человѣка, а хотѣнье есть проявленіе всей жизни, т. е. всей человѣческой жизни, и съ разсудкомъ и со всѣми почесываніями. И хоть жизнь наша, въ этомъ проявленіи выходитъ зачастую дрянцо, но все-таки жизнь, а не одно только извлеченіе квадратнаго корня. Вѣдь я, наприимѣръ, совершенно естественно хочу жить для того, чтобъ удовлетворить всей моей способности жить, а не для того, чтобъ удовлетворить одной только моей разсудочной способности, т. е. какой нибудь одной двадцатой доли всей моей способности жить. Что знаетъ разсудокъ? Разсудокъ знаетъ только то, что успѣлъ узнать, (иного, пожалуй, и никогда не узнаетъ; это хоть и не утѣшеніе, но отчего же этого и не высказать?), а натура человѣческая дѣйствуетъ вся цѣликомъ,

всемъ что въ ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть вретъ да живетъ. Я подозрѣваю господа, что вы смотрите на меня съ сожалѣніемъ; вы повторяете мнѣ, что не можетъ просвѣщенный и развитой человѣкъ, однимъ словомъ такой, какимъ будетъ будущій человѣкъ, за-знамо захотѣть чего-нибудь для себя невыгоднаго, что это математика. Совершенно согласенъ, дѣйствительно математика. Но повторяю вамъ въ сотый разъ есть одинъ только случай, только одинъ, когда человѣкъ можетъ нарочно, сознательно пожелать себѣ даже вреднаго, глупаго, даже глупѣйшаго, именно: чтобъ *имѣть право* пожелать себѣ даже глупѣйшаго и не быть связаннымъ обязанностью желать себѣ одного только умнаго. Вѣдь это глупѣйшее, вѣдь этотъ свой капризъ, и въ самомъ дѣлѣ, господа, можетъ быть всего выгоднѣе для нашего брата изъ всего, что есть на землѣ, особенно въ иныхъ случаяхъ. А въ частности можетъ быть выгоднѣе всѣхъ выгодъ даже и въ такомъ случаѣ, если приносить намъ явный вредъ и противорѣчить самымъ здравымъ заключеніямъ нашего разсудка о выгодахъ,—потому что во всякомъ случаѣ сохраняетъ намъ самое главное и самое дорогое т. е. нашу личность и нашу индивидуальность. Иные-вотъ утверждаютъ, что это и въ самомъ дѣлѣ всего для человѣка дороже; хотѣнье конечно можетъ, если хочетъ, и сходиться съ разсудкомъ особенно если не злоупотреблять этимъ, а пользоваться умѣренно; это и полезно и даже иногда похвально. Но хотѣнье очень часто и даже большею частію совершенно и упрямо разногласитъ съ разсудкомъ и... и... и знаете ли, что и это полезно и даже иногда очень похвально? Господа, положимъ, что человѣкъ не глупъ. (Дѣйствительно вѣдь никакъ нельзя этого сказать про него, хоть-бы

потому одному, что если ужь онъ будетъ глупъ, такъ вѣдь кто же тогда будетъ умень?) Но если и не глупъ, то все-таки,—чудовищно неблагодаренъ! Неблагодаренъ феноменально. Я даже думаю, что самое лучшее опредѣленіе человѣка, это: существо на двухъ ногахъ и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостатокъ его; главнѣйшій недостатокъ его—это постоянное не-благодравіе, постоянное, начиная со всемірнаго потопа до Шлезвигъ-Гольштейнскаго періода судебъ человѣческихъ. Неблагодравіе, а слѣдственно и неблагоразуміе; ибо давно извѣстно, что неблагоразуміе не иначе происходитъ какъ отъ не-благодравія. Попробуйте-же, бросьте взглядъ на исторію человѣчества; ну, что вы увидите? Величественно? Пожалуй хоть и величественно; ужь одинъ колоссъ Родосскій, на примѣръ, чего стоитъ! Не даромъ же г. Анаевскій свидѣтельствуемъ о немъ, что одни говорятъ будто онъ есть произведеніе рукъ человѣческихъ; другіе же утверждаютъ, что онъ созданъ самою природою.—Пестро? пожалуй хоть и пестро; разобрать только во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ одни парадные мундиры на военныхъ и статскихъ,—ужь одно это чего стоитъ, а съ виц-мундирами и совсѣмъ можно ногу сломать, ни одинъ историкъ не устоитъ. Однообразно? Ну пожалуй и однообразно: дерутся да дерутся, и теперь дерутся и прежде дрались и послѣ дрались,—согласитесь, что это даже ужь слишкомъ однообразно. Однимъ словомъ все можно сказать о всемірной исторіи, все, что только самому разстроенному воображенію въ голову можетъ придти. Одного только нельзя сказать,—что благоразумно. На первомъ словѣ поперхнетесь. И даже вотъ какая тутъ штука поминутно встрѣчается: постоянно вѣдь являются въ жизни такіе благодравные и

благоразумные люди, такіе мудрецы и любители
 рода человѣческаго, которые именно задаютъ себѣ
 цѣлью всю жизнь вести себя какъ можно благо
 нравнѣе и благоразумнѣе, такъ сказать свѣтитъ
 собой ближнимъ, собственно для того, чтобъ дока
 зать имъ, что дѣйствительно можно на свѣтѣ про
 жить и благо нравно и благоразумно. И чтожъ
 Извѣстно, многіе изъ этихъ любителей рано-ли
 поздно-ли, подъ конецъ жизни измѣняли себѣ
 произведя какой нибудь анекдотъ, иногда даже
 изъ самыхъ неприличнѣйшихъ. Теперь васъ спрошу
 чего-же можно ожидать отъ человѣка, какъ отъ
 существа, одареннаго такими странными качест
 вами? Да осыпьте его всѣми земными благами
 утопите въ счастья совсѣмъ съ головой, такъ
 чтобы только пузырьки вскакивали на поверхно
 сти счастья, какъ на водѣ; дайте ему такое эконо
 мическое довольство, чтобъ ему совсѣмъ ужъ
 ничего больше не оставалось дѣлать кромѣ какъ
 спать, кушать пряники и хлопотать о непрекра
 щеніи всемірной исторіи,—такъ онъ вамъ и тутъ
 человѣкъ-то, и тутъ, изъ одной неблагодарности
 изъ одного пасквиля мерзость сдѣлаетъ. Рискнетъ
 даже пряниками и нарочно пожелаетъ самого па
 губнаго вздора, самой неэкономической безсмыслицы,
 единственно для того, чтобы ко всему этому по
 ложительному благоразумію, примѣшать свой па
 губный фантастическій элементъ. Именно свои
 фантастическія мечты, свою пошлѣйшую глупость
 пожелаетъ удержатъ за собой, единственно для того,
 чтобъ самому себѣ подтвердить (точно это такъ
 ужъ очень необходимо), что люди все еще люди,
 а не фортепiанныя клавиши, на которыхъ хоть и
 играютъ сами законы природы, собственноручно,
 но грозятъ до того доиграться, что ужъ мимо
 календаря и захотѣтъ ничего нельзя будетъ. Да

вѣдь мало того: даже въ томъ случаѣ, если онъ дѣйствительно-бы оказался фортепьянной клавишей, еслибы это доказать ему даже естественными науками и математически, такъ и тутъ необразумится, а нарочно напротивъ что-нибудь сдѣлаетъ, единственно изъ одной неблагодарности; собственно чтобъ настоять на своемъ. А въ томъ случаѣ если средствъ у него не окажется, — выдумаетъ разрушеніе и хаосъ, выдумаетъ разныя страданія и настоять-таки на своемъ! Проклятiе пустить по свѣту, а такъ-какъ проклинать можетъ только одинъ человѣкъ (это ужь его привилегія, главнѣйшимъ образомъ отличающая его отъ другихъ животныхъ) такъ вѣдь онъ пожалуй однимъ проклятiемъ достигнетъ своего, т. е. дѣйствительно убѣдится, что онъ человѣкъ, а не фортепьянная клавиша! Если вы скажете, что и это все можно разсчитать по табличкѣ, и хаосъ, и мракъ, и проклятiе, такъ что ужь одна возможность предварительнаго разсчета все остановитъ и разсудокъ возьметъ свое, — такъ человѣкъ нарочно сумасшедшимъ на этотъ случай сдѣлается, чтобъ не имѣть разсудка и настоять на своемъ! Я вѣрю въ это, я отвѣчаю за это, потому что вѣдь все дѣло-то человѣческое кажется и дѣйствительно въ томъ только и состоитъ, чтобъ человѣкъ поминутно доказывалъ себѣ, что онъ человѣкъ, а не штифтикъ! хоть своими боками да доказывалъ; хоть троглодитствомъ да доказывалъ. А послѣ этого какъ не согрѣшить не похвалить, что этого еще нѣтъ и что хотѣнье покамѣстъ еще чортъ знаетъ отъ чего зависитъ...

Вы кричите мнѣ (если только еще удостоите меня вашимъ крикомъ), что вѣдь тутъ никто съ меня воли не снимаетъ; что тутъ только и хлопчатъ какъ нибудь такъ устроить, чтобъ воля моя

сама, своей собственной волей, совпадала съ моими нормальными интересами, съ законами природы и съ ариѳметикой.

— Эхъ, господа, какая ужъ тутъ своя воля будетъ, когда дѣло доходить до таблички и до ариѳметики, когда будетъ одно только дважды-два-четыре въ ходу? Дважды-два и безъ моей воли четыре будетъ. Такая-ли своя воля бываетъ!

IX.

Господа, я конечно шучу, и самъ знаю, что неудачно шучу, но вѣдь и нельзя-же все принимать за шутку. Я можетъ быть скрипя зубами шучу. Господа, меня мучать вопросы; разрѣшите ихъ мнѣ. Вотъ вы, напримѣръ, человѣка отъ старыхъ привычекъ хотите отучить и волю его исправить, сообразно съ требованіями науки и здраваго смысла. Но почему вы знаете, что человѣка не только можно, но и *нужно* такъ передѣлывать? Изъ чего вы заключаете, что хотѣнью человѣческому такъ необходимо *надо* исправиться? Однимъ словомъ, почему вы знаете, что такое исправленіе дѣйствительно принесетъ человѣку выгоду? И, если ужъ все говорить, почему вы такъ *навѣрно* убѣждены, что не идти противъ настоящихъ, нормальныхъ выгодъ, гарантированныхъ доводами разума и ариѳметикой, дѣйствительно для человѣка всегда выгодно и есть законъ для всего человѣчества? Вѣдь это покаместъ еще только одно ваше предположеніе. Положимъ, что это законъ логики, но можетъ быть вовсе нечеловѣчества. Вы можетъ быть думаете, господа, что я сумасшедшій? Позвольте оговориться. Я согласенъ: человѣкъ есть животное, по преимуществу созидающее, присужденное

стремиться къ цѣли сознательно и заниматься инженернымъ искусствомъ, т. е. вѣчно и безпрерывно дорогу себѣ прокладывать хотя *куда-бы то ни было*. Но вотъ именно потому-то, можетъ быть, ему и хочется иногда вильнуть въ сторону, что онъ *присужденъ* пробивать эту дорогу, да еще пожалуй потому, что какъ ни глупъ непосредственный дѣятель вообще, но все-таки ему иногда приходитъ на мысль, что дорога-то, оказывается, почти всегда идетъ *куда-бы то ни было*, и что главное дѣло не въ томъ куда она идетъ, а въ томъ, чтобъ она только шла, и чтобъ благоправное дитя, пренебрегая инженернымъ искусствомъ, не предавалось губительной праздности, которая, какъ извѣстно, есть мать всѣхъ пороковъ. Человѣкъ любитъ созидать и дороги прокладывать, это безспорно. Но отчего же онъ до страсти любитъ тоже разрушеніе и хаосъ? Вотъ это скажите-ка! Но объ этомъ мнѣ самому хочется заявить два слова особо. Не потому-ли, можетъ быть, онъ такъ любитъ разрушеніе и хаосъ (вѣдь это безспорно, что онъ иногда очень любитъ, это ужъ такъ), что самъ инстинктивно боится достигнуть цѣли и довершить создаемое зданіе? Почему вы знаете, можетъ-быть онъ зданіе-то любитъ только издали, а отнюдь не въблизи; можетъ-быть онъ только любитъ созидать его, а не жить въ немъ, предоставляя его потомъ аих *animaux domestiques*, какъ-то муравьямъ, баранамъ и проч. и проч. Вотъ муравьи совершенно другаго вкуса. У нихъ есть одно удивительное зданіе въ этомъ-же родѣ навѣки нерушимое, — муравейникъ.

Съ муравейника достопочтенные муравьи начали, муравейникомъ навѣрно и кончатъ, что приносить большую честь ихъ постоянству и положительности. Но человѣкъ существо легкомысленное и не-

благовидное и, можетъ быть, подобно шахматному игроку, любить только одинъ процессъ достиженія цѣли, а не самую цѣль. И, кто знаетъ, (поручиться нельзя), можетъ быть, что и вся-то цѣль на землѣ, къ которой человѣчество стремится, только и заключается въ одной этой непрерывности процесса достиженія, иначе сказать—въ самой жизни, а не собственно въ цѣли, которая, разумѣется, должна быть не иное-что какъ дважды-два четыре, т. е. формула, а вѣдь дважды-два четыре есть уже не жизнь, господа, а начало смерти. По крайней мѣрѣ человѣкъ всегда какъ-то боялся этого дважды-два четыре, а я и теперь боюсь. Положимъ человѣкъ только и дѣлаетъ, что отыскиваетъ эти дважды-два четыре, океаны переплываетъ, жизнью жертвуетъ въ этомъ отыскиваніи, но отыскать, дѣйствительно найти,—ей Богу, какъ-то боится. Вѣдь онъ чувствуетъ, что какъ найдетъ, такъ ужъ нечего будетъ тогда отыскивать. Работники кончивъ работу, по крайней мѣрѣ деньги получаютъ, въ кабачокъ пойдутъ, потомъ въ часть попадутъ—ну вотъ и занятія на недѣлю. А человѣкъ куда пойдетъ? По крайней мѣрѣ, каждый разъ замѣчается въ немъ что-то неловкое при достиженіи подобныхъ цѣлей. Достиженіе онъ любитъ, а достигнуть ужъ и не совсѣмъ, и это конечно ужасно смѣшно. Однимъ словомъ, человѣкъ устроенъ комически; во всемъ этомъ очевидно заключается каламбуръ. Но дважды-два четыре,—все-таки вещь пренесносная. Дважды-два четыре, вѣдь это по моему мнѣнію, только нахальство-сь. Дважды-два четыре смотритъ фертомъ, стоитъ поперегъ вашей дороги руки въ боки и плюется. Я согласенъ, что дважды-два четыре превосходная вещь; но если ужъ все хвалить, то и дважды-два пять премилая иногда вещь.

И почему вы такъ твердо, такъ торжественно увѣрены, что только одно нормальное и положительное,—однимъ словомъ—только одно благоденствіе человѣку выгодно? Не ошибается ли разумъто въ выгодахъ? Вѣдь можетъ быть человѣкъ любить не одно благоденствіе? Можетъ быть онъ ровно настолько же любить страданіе? Можетъ быть страданіе-то ему ровно на столько же и выгодно какъ благоденствіе? А человѣкъ иногда ужасно любить страданіе, до страсти, и это фактъ. Тутъ ужъ и со всемірною исторіей справляться нечего; спросите себя самого, если только вы человѣкъ и хоть сколько нибудь жили. Что же касается до моего личнаго мнѣнія, то любить только одно благоденствіе, даже какъ то и неприлично. Хорошо ли дурно ли, — но разломать иногда что нибудь тоже очень пріятно. Я вѣдь тутъ собственно не за страданіе стою, да и не за благоденствіе. Стою я... за свой капризь, и за то, чтобъ онъ былъ мнѣ гарантированъ, когда понадобится. Страданіе, на примѣръ, въ водевиляхъ не допускается, я это знаю. Въ хрустальномъ дворцѣ оно и не мыслимо: страданіе есть сомнѣніе, есть отрицаніе, а что за хрустальный дворецъ, въ которомъ можно усумниться? А между тѣмъ, я увѣренъ, что человѣкъ отъ настоящаго страданія, т. е. отъ разрушенія и хаоса никогда не откажется. Страданіе,—да вѣдь это единственная причина сознанія. Я хоть и доложилъ вначалѣ, что сознаніе по моему есть величайшее для человѣка несчастіе, но я знаю, что человѣкъ его любить и не промѣняетъ ни на какія удовольствія. Сознаніе, на примѣръ, безконечно выше чѣмъ дважды-два. Послѣ дважды-двухъ ужъ разумѣется ничего не останется, не только дѣлать, но даже и узнавать. Все, что тогда можно будетъ это — заткнуть свои пять чувствъ и погрузиться

въ созерцаніе. Ну, а при сознаніи хоть и тотъ же результатъ выходитъ, т. е. тоже будетъ нечего дѣлать, но по крайней мѣрѣ самага себя иногда можно посѣчь, а это все таки подживляетъ. Хотятъ и ретроградно, а все же лучше, чѣмъ ничего.

Х.

Вы вѣрите въ хрустальное зданіе, навѣки нерушимое, т. е. въ такое, которому нельзя будетъ ни языка украдкой выставить, ни кукиша въ карманѣ показать. Ну, а я можетъ быть потому-то и боюсь этого зданія, что оно хрустальное и навѣки нерушимое, и что нельзя будетъ даже и украдкой языка ему выставить.

Вотъ видите ли: если вмѣсто дворца будетъ курятникъ и пойдетъ дождь, я можетъ быть влѣзу въ курятникъ, чтобъ не замочиться, но все таки курятника не приму за дворецъ, изъ благодарности, что онъ меня отъ дождя сохранилъ. Вамъ смѣтется, вы даже говорите, что въ этомъ случаѣ курятникъ и хоромы — все равно. Да, отвѣчаю еслибъ надо было жить только для того, что не замочиться.

Но что же дѣлать, если я забралъ себѣ въ слово, что живутъ и не для одного этого, и если ужъ жить, такъ ужъ жить въ хоромахъ. Это мое хотѣніе, это желаніе мое. Вы его выскобли изъ меня только тогда, когда перемените желанія мои. Ну, перемените, прельстите меня другимъ, дайте мнѣ другой идеаль. А покамѣстъ я ужъ приму курятника за дворецъ. Пусть даже такъ будетъ, что хрустальное зданіе есть пухъ, что законамъ природы его и не полагается, и что выдумалъ его только вслѣдствіе моей собствен-

глупости, вслѣдствіе нѣкоторыхъ старинныхъ, нерациональныхъ привычекъ нашего поколѣнія. Но какое мнѣ дѣло, что его не полагается. Не все ли равно, если онъ существуетъ въ моихъ желаніяхъ, или, лучше сказать, существуетъ пока существуютъ мои желанія? Можетъ быть вы опять смѣетесь? Извольте смѣяться; я всѣ насмѣшки приму и все-таки не скажу что я сытъ, когда я ѣсть хочу, все-таки знаю, что я не успокоюсь на компромиссѣ, на непрерывномъ періодическомъ нулѣ, потому только, что онъ существуетъ по законамъ природы и существуетъ *дѣйствительно*. Я не приму за вѣнецъ желаній моихъ—капитальный домъ, съ квартирами для бѣдныхъ жильцовъ по контракту на тысячу лѣтъ и, на всякой случай, съ зубнымъ врачомъ Вагенгеймомъ на вывѣскѣ. Уничтожьте мои желанія, сотрите мои идеалы, покажите мнѣ что нибудь лучше, и я за вами пойду. Вы, пожалуй, скажете, что не стоитъ и связываться; но въ такомъ случаѣ вѣдь и я вамъ могу тѣмъ же отвѣтить. Мы разсуждаемъ серьезно; а не хотите меня удостоить вашимъ вниманіемъ, такъ вѣдь кланяться не буду. У меня есть подполье.

А покамѣстъ я еще живу и желаю,—да отсохни у меня рука, коль я хоть одинъ кирпичекъ на такой капитальный домъ принесу! Не смотрите на то, что я давеча самъ хрустальное зданіе отвергъ, единственно по той причинѣ, что его нельзя будетъ языкомъ подразнить. Я это говорилъ вовсе не потому, что ужъ такъ люблю мой языкъ выставлять. Я можетъ быть на то только и сердился, что такого зданія, которому бы можно было и не выставлять языка, изъ всѣхъ вашихъ зданій до сихъ поръ не находится. Напротивъ я бы далъ себѣ совсѣмъ отрѣзать языкъ изъ одной благодарности, еслибъ только устроилось такъ, чтобъ мнѣ

самому уже болѣе никогда не хотѣлось его высывать. Какое мнѣ дѣло до того, что такъ невозможно устроить и что надо довольствоваться квартирами. Зачѣмъ же я устроень съ такими желаніями? Неужели жь я для того только и устроень чтобъ дойти до заключенія, что все мое устройство одно надуваніе? Неужели въ этомъ вся цѣль? Не вѣрю.

А впрочемъ знаете что: я убѣжденъ, что нашего брата подпольнаго нужно въ уздѣ держать. Онъ хоть и способенъ молча въ подпольѣ сорокъ лѣтъ просидѣть, но ужь коль выйдетъ на свѣтъ, да прорвется, такъ ужь говорить, говорить, говорить...

XI.

Конецъ концовъ, господа: лучше ничего не дѣлать! Лучше сознательная инерція! И такъ, да здравствуетъ подполье! Я хоть и сказалъ, что завидую нормальному человѣку до послѣдней желчи; но на такихъ условіяхъ въ какихъ я вижу его, не хочу имъ быть (хотя все-таки не перестану ему завидовать. Нѣтъ, нѣтъ, подполье во всякомъ случаѣ выгоднѣе)! Тамъ по крайней мѣрѣ можно... Эхъ! да вѣдь я и тутъ вру! Вру, потому что самъ знаю, какъ дважды-два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсѣмъ другое, котораго я жажду, но котораго никакъ не найду! Къ чорту подполье!

Даже вотъ что тутъ было бы лучше: это—еслибъ я вѣрилъ самъ, хоть чему нибудь изъ всего того что теперь написалъ. Клянусь же вамъ, господа, что я ни одному, ни одному—таки словечку не вѣрю изъ того, что теперь настроилъ! То есть я и вѣрю, пожалуй, но въ тоже самое время неиз-

вѣстно почему чувствую и подозрѣваю, что я вру какъ сапожникъ.

— Такъ для чего же писали все это? — говорите вы мнѣ.

— А вотъ посадилъ бы я васъ лѣтъ на сорокъ безъ всякаго занятія, да и пришелъ бы къ вамъ черезъ сорокъ лѣтъ, въ подполье, навѣдаться до чего вы дошли? Развѣ можно человѣка безъ дѣла на сорокъ лѣтъ одного оставлять?

— «И это не стыдно, и это не унижительно!» можетъ быть скажете вы мнѣ, презрительно покачивая головами. «Вы жаждете жизни и сами разрѣшаете жизненные вопросы логической путаницей. И какъ назойливы, какъ дерзки ваши выходки и въ то же время какъ вы боитесь! Вы говорите вздоръ и довольны имъ; вы говорите дерзости, а сами непрерывно боитесь за нихъ и просите извиненія. Вы увѣряете, что ничего не боитесь и въ то же время въ нашемъ мнѣнїи заискиваете. Вы увѣряете, что скрежете зубами и въ то же время острите, чтобъ насъ разсмѣшить. Вы знаете, что остроты ваши неостроумны, но вы очевидно очень довольны ихъ литературнымъ достоинствомъ. Вамъ можетъ быть дѣйствительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страданія. Въ васъ есть и правда, но въ васъ нѣтъ цѣломудрїя; вы изъ самаго мелкаго тщеславія несете вашу правду на показъ, на позоръ, на рынокъ... Вы дѣйствительно хотите что-то сказать, но изъ боязни прячете ваше послѣднее слово, потому что у васъ нѣтъ рѣшимости его высказать, а только трусливое нахальство. Вы хвалитесь сознаниемъ, но вы только колеблетесь, потому что хоть умъ у васъ и работаетъ, но сердце ваше развратомъ помячено, а безъ чистаго сердца — полнаго правильнаго сознанія не будетъ. И сколько въ васъ

назойливости, какъ вы напрашиваетесь, какъ вы кривляетесь! Ложь, ложь и ложь!»

Разумѣтся всѣ эти ваши слова я самъ теперь сочинилъ. Это тоже изъ подполья. Я тамъ сорокъ лѣтъ сряду къ этимъ вашимъ словамъ въ щелочку прислушивался. Я ихъ самъ выдумалъ, вѣдь только это и выдумывалось. Не мудрено, что наизусть заучилось и литературную форму приняло...

Но неужели, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ до того легковѣрны, что воображаете, будто я это все напечатаю, да еще вамъ дамъ читать? И вотъ еще для меня задача: для чего, въ самомъ дѣлѣ, называю я васъ «господами», для чего обращаюсь къ вамъ какъ будто и вправду къ читателямъ? Такихъ признаній, какія я намѣренъ начать излагать, не печатаютъ и другимъ читать не даютъ. По крайней мѣрѣ я на столько твердости въ себѣ не имѣю, да и нужнымъ не считаю имѣть. Но видите ли: мнѣ въ голову пришла одна фантазія и я во что бы ни стало ее хочу осуществить. Вотъ въ чемъ дѣло:

Есть въ воспоминаніяхъ всякаго человѣка такія вещи, которыя онъ открываетъ не всѣмъ, а развѣ только друзьямъ. Есть и такія, которыя онъ и друзьямъ не откроетъ, а развѣ только себѣ самому, да и то подъ секретомъ. Но есть, наконецъ, и такія которыя даже и себѣ человѣкъ открывать боится и такихъ вещей у всякаго порядочнаго человѣка довольно-таки накопится. То есть даже такъ: чѣмъ болѣе онъ порядочный человѣкъ, тѣмъ болѣе у него ихъ и есть. По крайней мѣрѣ я самъ только недавно рѣшился припомнить инныя мои прежнія приключенія, а до сихъ поръ всегда обходилъ ихъ, даже съ какимъ то безпокойствомъ. Теперь же, когда я не только припоминаю, но даже рѣшился записывать, теперь я

именно хочу испытать: можно ли хоть съ самимъ собой совершенно быть откровеннымъ и не бояться всей правды? Замѣчу кстати: Гейне утверждаетъ, что вѣрныя автобіографіи почти невозможны и человѣкъ, самъ объ себѣ навѣрно налжетъ. По его мнѣнію, Руссо, напримѣръ, непременно налгалъ на себя въ своей исповѣди, и даже умышленно налгалъ, изъ тщеславія. Я увѣренъ, что Гейне правъ; я очень хорошо понимаю, какъ иногда можно единственно изъ одного тщеславія наклепать на себя цѣлыя преступленія и даже очень хорошо постигаю какого рода можетъ быть это тщеславіе. Но Гейне судилъ о человѣкѣ, исповѣдывавшемся передъ публикой. Я же пишу для одного себя и разъ навсегда объявляю, что если я и пишу какъ-бы обращаясь къ читателямъ, то единственно только для показу, потому что такъ мнѣ легче писать. Тутъ форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будетъ. Я уже объявилъ это...

Я ничѣмъ не хочу стѣсняться въ редакціи моихъ записокъ. Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу.

Ну вотъ, напримѣръ: могли бы придраться къ слову и спросить меня: если вы дѣйствительно не рассчитываете на читателей, то для чего же вы теперь дѣлаете съ самимъ собой, да еще на бумагѣ, такіе уговоры, т. е., что порядка и системы заводить не будете, что запишите то, что припомнится и т. д. и т. д.? Къ чему вы объясняетесь? Къ чему извиняетесь?

А вотъ подите-же, отвѣчаю я.

Тутъ впрочемъ цѣлая психологія. Можетъ быть и то, что я просто трусь. А можетъ быть и то, что я нарочно воображаю передъ собой публику,

чтобъ вести себя приличноѣ, въ то время когда буду записывать. Причинъ можетъ быть тысяча.

Но вотъ что еще: для чего, зачѣмъ собственно я хочу писать? Если не для публики, такъ вѣдь можно бы и такъ, мысленно все припомнить, по переводя на бумагу?

Такъ-съ; но на бумагѣ оно выйдетъ какъ то торжественнѣе. Въ этомъ есть что то внушающее суда больше надъ собой будетъ, слогу прибавится. Кромѣ того: можетъ быть я отъ записыванія дѣйствительно получу облегченіе. Вотъ нынче, напримѣръ, меня особенно давить одно давнишнее воспоминаніе. Припомнилось оно мнѣ ясно еще на дняхъ и съ тѣхъ поръ осталось со мною, какъ досадный музыкальный мотивъ, который не хочетъ отвязаться. А между тѣмъ надобно отъ него отвязаться. Такихъ воспоминаній у меня сотни; но по временамъ, изъ сотни, выдается одно какоенибудь и давить. Я почему то вѣрю, что если его запишу, то оно и отвяжется. Отчего жъ не испробовать?

Наконецъ: мнѣ скучно, а я постоянно ничегоне дѣлаю. Записыванье же дѣйствительно какъ будто работа. Говорятъ отъ работы человѣкъ добрымъ и честнымъ дѣлается. Ну вотъ шансъ и крайней мѣрѣ.

Нынче идетъ снѣгъ, почти мокрый, желтый мутный. Вчера шелъ тоже, на дняхъ тоже шелъ. Мнѣ кажется я по поводу мокраго снѣга и припомнилъ тотъ анекдотъ, который не хочетъ теперя отъ меня отвязаться. И такъ пусть это будетъ повѣсть по поводу мокраго снѣга.

II.

ПО ПОВОДУ МОКРАГО СНѢГА.

Когда изъ мрака заблужденья
Горячимъ словомъ убѣжденья
Я душу падшую извлекъ,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавшій порокъ;
Когда забывчивую совѣсть
Воспоминаніемъ казня,
Ты мнѣ передавала повѣсть
Всего, что было до меня,
И вдругъ, закрывъ лицо руками,
Стыдомъ и ужасомъ полна,
Ты разрѣшилася слезами,
Возмущена, потрясена,..
И т. д. и т. д. и т. д.

Изъ поэзіи Н. А. Некрасова.

I.

Въ то время мнѣ было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была ужъ и тогда угрюмая, безпорядочная и до одичалости одинокая. Я ни съ кѣмъ не водился и даже избѣгалъ говорить и все болѣе и болѣе забивался въ свой уголъ. Въ должности, въ канцеляріи, я даже старался не глядѣть ни на кого, и я очень хорошо замѣчалъ, что сослуживцы мои не только считали меня чужакомъ, но—все

казалось мнѣ и это—будто бы смотрѣли на меня съ какимъ-то омерзениемъ. Мнѣ приходило въ голову: отчего это никому кромѣ меня не кажется, что смотрятъ на него съ омерзениемъ? У одного изъ нашихъ канцелярскихъ было отвратительное и прерябое лицо, и даже какъ будто разбойничье. Я бы кажется и взглянуть ни на кого не посмѣлъ съ такимъ неприличнымъ лицомъ. У другаго вицмундиръ былъ до того заношенный, что близъ него уже дурно пахло. А между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ господъ не конфузился, — ни по поводу платья, ни по поводу лица, ни какъ-нибудь тамъ нравственно. Ни тотъ, ни другой не воображали, что смотрятъ на нихъ съ омерзениемъ; да еслибъ и воображали, такъ имъ было-бы все равно, только бы не начальство взирать изволило. Теперь мнѣ совершенно ясно, что я самъ, вслѣдствіе неограниченнаго моего тщеславія, а стало быть и требовательности къ самому себѣ, глядѣлъ на себя весьма часто съ бѣшеннымъ недовольствомъ, доходившимъ до омерзения, а оттого, мысленно, и приписывалъ мой взглядъ каждому. — Я, напримѣръ, ненавидѣлъ свое лицо, находилъ, что оно гнусно и даже подозрѣвалъ, что въ немъ есть какое-то подлое выраженіе и потому каждый разъ, являясь въ должность, мучительно старался держать себя какъ можно независимѣе, чтобъ не заподозрѣли меня въ подлости, а лицомъ выражать какъ можно болѣе благородства. « Пусть ужъ будетъ и не красивое лицо, думалъ я, но за то пусть будетъ оно благородное, выразительное и, главное, *чрезвычайно* умное.» Но я навѣрно и страдальчески зналъ, что всѣхъ этихъ совершенствъ мнѣ никогда моимъ лицомъ не выразить. Но, что всего ужаснѣе, я находилъ его положительнo глупымъ. А я-бы вполнѣ помирился на умѣ. Даже такъ, что согласился бы даже и на

подлое выраженіе, съ тѣмъ только, чтобъ лицо мое находили въ то же время ужасно умнымъ.

Всѣхъ нашихъ канцелярскихъ я, разумѣется, ненавидѣлъ, съ перваго до послѣдняго, и всѣхъ презиралъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-будто ихъ и боялся. Случалось, что я вдругъ даже ставилъ ихъ выше себя. У меня какъ-то это вдругъ тогда дѣлалось, то презираю, то ставлю выше себя. Развитой и порядочный человѣкъ не можетъ быть тщеславенъ безъ неограниченной требовательности къ себѣ самому и не презирая себя въ инныя минуты до ненависти. Но презирая ли, ставя ли выше, я чуть не передъ каждымъ встрѣчнымъ опускалъ глаза. Я даже опыты дѣлалъ: стерплю ли я взглядъ хоть такого-то на себѣ и всегда опускалъ я первый. Это меня мучило до бѣшенства. До болѣзни тоже боялся я быть смѣшнымъ и потому рабски обожалъ рутину во всемъ, что касалось наружнаго; въ любовь вдавался въ общую колею и всей душою пугался въ себѣ всякой эксцентричности. Но гдѣ мнѣ было выдержать? Я былъ болѣзненно развитъ, какъ и слѣдуетъ быть развитымъ человѣку нашего времени. Они же всѣ были тупы и одинъ на другаго похожи, какъ бараны въ стадѣ. Можетъ-быть только мнѣ одному, во всей канцеляріи постоянно казалось, что я былъ трусъ и рабъ; и именно потому и казалось, что я былъ развитъ. Но оно не только казалось, а и дѣйствительно такъ было въ самомъ дѣлѣ: я былъ трусъ и рабъ. Говорю это безъ всякаго конфуза. Всякой порядочный человѣкъ нашего времени есть и долженъ быть трусъ и рабъ. Это—нормальное его состояніе. Въ этомъ я убѣжденъ глубоко. Онъ такъ сдѣланъ и на то устроенъ. И не въ настоящее время, отъ какихъ нибудь тамъ случайныхъ обстоятельствъ, а вообще во всѣ времена, порядочный человѣкъ

долженъ быть трусъ и рабъ. Это законъ природы всѣхъ порядочныхъ людей на землѣ. Если и случится кому изъ нихъ похрабриться надъ чѣмъ нибудь, то пусть этимъ не утѣшается и не увлекается: все равно передъ другимъ сбрендить. Таковъ единственный и вѣковѣчный выходъ. Храбрятся только ослы и ихъ ублюдки, но вѣдь и тѣ до извѣстной стѣны. На нихъ и вниманія обращать не стоитъ, потому что они ровно ничего не означаютъ.

Мучило меня тогда еще одно обстоятельство: именно, что на меня никто не похожъ и я ни на кого не похожъ. «Я-то одинъ, а они-то *все*,» думалъ я, и—задумывался.

Изъ этого видно, что я былъ еще совсѣмъ мальчишка.

Случался и противоположности. Вѣдь ужъ какъ иногда гадко становилось ходить въ канцелярію: доходило до того, что я много разъ со службы возвращался больной. Но вдругъ, ни съ того ни съ сего, наступаетъ полоса скептицизма и равнодушія (у меня все было полосами) и вотъ я-же самъ смѣюсь надъ моею нетерпимостью и брезгливостью, самъ себя въ *романтизмъ* упрекаю. То и говорить ни съ кѣмъ не хочу, а то до того дойду, что не только разговарюсь; но еще вздумаю съ ними сойтись по-пріятельски. Вся брезгливость вдругъ разомъ ни съ того ни съ сего исчезала. Кто знаетъ, можетъ быть ее у меня никогда и не было, а была она напускная изъ книжекъ? Я до сихъ поръ этого вопроса еще не разрѣшилъ. Разъ даже совсѣмъ подружился съ ними: сталъ ихъ дома посѣщать, въ преферансъ играть водку пить, о производствѣ толковать... Но здѣсь позвольте мнѣ сдѣлать одно отступленіе.

У насъ русскихъ, вообще говоря, никогда не бывало глупыхъ надзвѣздныхъ нѣмецкихъ и осо

бенно французскихъ романтиковъ, на которыхъ ничто не дѣйствуетъ, хоть земля подъ ними трещи, хоть погибай вся Франція на барикадахъ, — они все тѣ же, даже для приличія не измѣнятся, и все будутъ пѣть свои надзвѣздныя пѣсни, такъ-сказать по гробъ своей жизни, потому что они дураки. У насъ же, въ русской землѣ, нѣтъ дураковъ; это извѣстно: тѣмъ-то мы и отличаемся отъ прочихъ нѣмецкихъ земель. Слѣдственно и надзвѣздныхъ натуръ не водится у насъ въ чистомъ ихъ состояніи. Это все наши «положительные» тогдашніе публицисты и критики, охотясь тогда за Костанжоглами да за дядюшками Петрами Ивановичами, и сдуру принявъ ихъ за нашъ идеалъ, навывдумали на нашихъ романтиковъ, сочтя ихъ за такихъ-же надзвѣздныхъ, какъ въ Германіи или во Франціи. Напротивъ, свойства нашего романтика совершенно и прямо-противоположны надзвѣздо-европейскому и ни одна европейская мѣрочка сюда не подходитъ. (Ужь позвольте мнѣ употреблять это слово: «романтикъ» — словечко старинное, почтенное, заслуженное и всѣмъ знакомое). Свойства нашего романтика, это — все понимать, *все видѣть и видѣть* часто *несравненно яснѣе, чѣмъ видятъ самые положительнѣйшіе наши умы*; ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не примиряться, но въ тоже время ничѣмъ и не брезгать; все обойти, всему уступить, политично; постоянно не терять изъ виду полезную, практическую цѣль (какія нибудь тамъ казенныя квартирки, пенсіончики, звѣздочки) — усматривать эту цѣль черезъ всѣ энтузіазмы и томики лирическихъ стишковъ, и въ тоже время «и прекрасное и высокое» по гробъ своей жизни въ себѣ сохранить нерушимо, да и себя уже кстати вполне сохранить, такъ-таки въ хлопочкахъ, какъ ювелирскую вещьцу какую нибудь, хотя бы напимѣръ для

пользы того-же «прекраснаго и высокаго». Широкий человекъ нашъ романтикъ и первѣйшій плутъ изъ всѣхъ нашихъ плутовъ, увѣряю васъ въ томъ, даже по опыту. Разумѣется, все это если романтикъ уменъ. То есть, чтожь это я! романтикъ всегда уменъ, я хотѣлъ только замѣтить, что хоти и бывали у насъ дураки-романтики, но это не въ счетъ и единственно потому, что они еще въ цвѣтѣ силъ окончательно въ нѣмцевъ перерождались, чтобъ удобнѣе сохранить свою ювелирскую вещь, поселялись тамъ гдѣ нибудь, больше въ Веймарѣ или въ Шварцвальдѣ. — Я, напримѣръ, искренно презиралъ свою служебную дѣятельность и не плевался только по необходимости, потому что самъ тамъ сидѣлъ и деньги за то получалъ. Въ результатѣ же, — замѣтите, все-таки не плевался. Нашъ романтикъ скорѣй сойдетъ съ ума (что впрочемъ очень рѣдко бываетъ), а плеваться не станетъ если другой карьеры у него въ виду не имѣется и въ толчки его никогда не выговятъ, а развезутъ въ сумашедшій домъ въ видѣ «испанскаго короля», да и то если ужъ онъ очень съ ума сойдетъ. Но вѣдь сходятъ у насъ съ ума только жиденькіе и бѣлокуренькіе. Неисчетное-же число романтиковъ—значительные чины въ послѣдствіи происходятъ. Многосторонность необыкновенная! Какая способность къ самымъ противорѣчивѣйшимъ ощущеніямъ! Я и тогда былъ этимъ утѣшенъ, да и теперь тѣхъ же мыслей. Оттого-то у насъ такъ и много «широкихъ натуръ,» которыя даже при самомъ послѣднемъ паденіи никогда не теряютъ своего идеала; и хоти и пальцемъ не пошевеливаютъ для идеала-то, хоти разбойники и воры отъявленные, а все-таки до слезъ свой первоначальный идеаль уважаютъ и необыкновенно въ душѣ честны. Да-съ, только между нами самый отъявлен-

ный подлецъ можетъ быть совершенно и даже возвышенно честенъ въ душѣ, въ то же время несколько не переставая быть подлецомъ. Повторяю, вѣдь сплошь да рядомъ изъ нашихъ романтиковъ выходятъ иногда такіа дѣловыя шельмы (слово «шельмы» я употребляю любя), такое чутье дѣйствительности и знаніе положительнаго вдругъ оказываютъ, что изумленное начальство и публика только языкомъ на нихъ въ остолбенѣніи пощелкиваютъ.

Многосторонность поистинѣ изумительная, и Богъ знаетъ во что обратится она и выработается при послѣдующихъ обстоятельствахъ и что сулитъ намъ въ нашемъ дальнѣйшемъ? А не дуренъ матеріаль-съ! Не изъ патріотизма какого нибудь, смѣшнаго или кваснаго, я такъ говорю. Впрочемъ, я увѣренъ, вы опять думаете, что я смѣюсь. А кто знаетъ, можетъ быть и обратно, т. е. увѣрены, что я и въ самомъ дѣлѣ такъ думаю. Во всякомъ случаѣ, господа, оба мнѣнія ваши я буду считать себѣ за честь и за особенное удовольствіе. А отступленіе мое мнѣ простите.

Съ товарищами моими я, разумѣется, дружба не выдерживалъ и очень скоро расплевывался, и, вслѣдствіе еще юной тогдашней неопытности, даже и кланяться имъ переставалъ, точно отрѣзывалъ. Это впрочемъ со мной всего одинъ только разъ и случилось. Вообще же я всегда былъ одинъ.

Дома я, во-первыхъ, всего больше читалъ. Хотѣлось заглушить внѣшними ощущеніями все непрерывно внутри меня накипавшее. А изъ внѣшнихъ ощущеній было для меня въ возможности только одно чтеніе. Чтеніе конечно много помогало, — волновало, услаждало и мучило. Но по временамъ наскучало ужасно. Все-таки хотѣлось двигаться и я, вдругъ погружался въ темный, подземный, гадкій

—не развратъ, а развратишка. Страстишки во мнѣ были острыя, жгучія отъ всегдашней, болѣзненной моей раздражительности. Порывы бывали истерическіе, со слезами и конвульсіями. Кромѣ чтенія идти было некуда, — т. е. не было ничего, что могъ я тогда уважать въ моемъ окружающемъ къ чему-бы потянуло меня. Накипала сверхъ то тоска; являлась истерическая жажда противорѣчій контрастовъ, и вотъ я и пускался развратничать. Я вѣдь вовсе не для оправданія моего сейча столько наговорилъ... А впрочемъ нѣтъ! совралъ. Я именно себя оправдать хотѣлъ. Это я для себя господу, замѣточку дѣлаю. Не хочу лгать. Слово далъ.

Развратничалъ я уединенно, по ночамъ, потаенно, боязливо, грязно, со стыдомъ, неоставлявши меня въ самыя омерзительныя минуты и даже доходившимъ въ такія минуты до проклятія. Я ушелъ и тогда носилъ въ душѣ моей подполье. Боялся я ужасно, чтобъ меня какъ-нибудь не увидали, не встрѣтили, не узнали. Ходилъ-же я по разнымъ весьма темнымъ мѣстамъ.

Разъ проходя ночью мимо одного трактиришка я увидѣлъ въ освѣщенное окно какъ господу кія подрались у билліарда и какъ одного изъ нихъ окно спустили. Въ другое время мнѣ бы очень мерзко стало; но тогда такая вдругъ минута нашла, что я этому спущенному господину позавидовалъ и до того позавидовалъ, что даже въ трактиръ вошелъ, въ билліардную: «авось, дескать, и я дерусь и меня тоже изъ окна спустятъ.»

Я не былъ пьянъ, но что прикажете дѣлать до такой вѣдь истерики можетъ тоска заѣсть! Ничѣмъ обошлось. Оказалось, что я и въ окно прыгнуть не способенъ и я ушелъ не подравшись

Осадилъ меня тамъ съ перваго-же шагу одинъ офицеръ.

Я стоялъ у билліарда и, по невѣдѣнію, заслонялъ дорогу, а тому надо было пройти; онъ взялъ меня за плечо и молча, — не предувѣдомивъ и не объяснившись, — переставилъ меня съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, на другое, а самъ прошелъ какъ-будто и не замѣтивъ. Я бы даже побои простилъ, но никакъ не могъ простить того, что онъ меня переставилъ и такъ окончательно не замѣтилъ.

Чортъ знаетъ что бы далъ я тогда за настоящую, болѣе правильную ссору, болѣе приличную, болѣе такъ сказать *литературную*! Со мной поступили какъ съ мухой. Былъ этотъ офицеръ вершковъ десяти росту; я же человекъ низенькій и истощенный. Ссора впрочемъ была въ моихъ рукахъ: стоило попротестовать и конечно меня бы спустили въ окно. Но я раздумалъ и предпочелъ... озлобленно ступешеваться.

Вышелъ я изъ трактира смущенный и взволнованный, прямо домой, а на другой день продолжалъ мой развратикъ еще робче, забитѣе и грустнѣе чѣмъ прежде, какъ будто со слезой на глазахъ, — а все-таки продолжалъ. Не думайте впрочемъ, что я струсилъ офицера отъ трусости: я никогда не былъ трусомъ въ душѣ, хотя непрерывно трусилъ на дѣлѣ, но — подождите смѣяться, на это есть объясненіе; у меня на все есть объясненіе, будьте увѣрены.

О, еслибъ этотъ офицеръ былъ изъ тѣхъ, которые соглашались выходить на дуэль! Но нѣтъ, — это былъ именно изъ тѣхъ господъ, (увы! давно исчезнувшихъ) которые предпочитали дѣйствовать кіями или, какъ поручикъ Пироговъ, у Гоголя — по начальству. На дуэль же не выходили, а съ нашимъ братомъ, съ штафиркой считали бы дуэль во вся-

комъ случаѣ неприличною, — да и вообще считали дуэль чѣмъ-то немислимымъ, вольнодумнымъ, французскимъ, а сами обижали довольно, особенно въ случаѣ десяти вершковъ росту.

Струсилъ я тутъ не изъ трусости, а изъ безграничнѣйшаго тщеславія. Я испугался не десяти вершковъ росту и не того, что меня больно прибьютъ и въ окно спустятъ; физической храбрости право хватило-бы; но нравственной храбрости не достало. Я испугался того, что меня всѣ присутствующіе, начиная съ нахала маркера, до послѣдняго протухлаго и угреватаго чиновнички, тутъ же увивавшагося, съ воротникомъ изъ сала, — непоймутъ и осмѣютъ, когда я буду протестовать и заговорю съ ними языкомъ литературнымъ. Потому что о пунктѣ чести, — т. е. не о чести, а о пунктѣ чести (point d'honneur) у насъ до сихъ поръ иначе вѣдь и разговаривать нельзя, какъ языкомъ литературнымъ. На обыкновенномъ языкѣ о «пунктѣ чести» не упоминается. Я вполне былъ увѣренъ (чутье-то дѣйствительности не смотря на весь романтизмъ!) что всѣ они просто лопнутъ со смѣха, а офицеръ не просто, т. е. не безобидно прибьетъ меня, а непременно колѣнкомъ меня напинаетъ, обведя такимъ манеромъ вокругъ билліарда и потомъ ужъ развѣ смиднется и въ окно спуститъ. Разумѣется эта мизерная исторія только этимъ однимъ со мной не могла окончиться. Я часто потомъ встрѣчалъ этого офицера на улицѣ и хорошо его запримѣтилъ. Не знаю только узнавалъ-ли онъ меня. Должно быть нѣтъ; заключаю по нѣкоторымъ признакамъ. Но я-то, я, — смотрѣлъ на него со злобою и ненавистью и такъ продолжалось... нѣсколько лѣтъ-съ! Злоба моя даже укрѣплялась и разрасталась съ годами. Сначала я, потихоньку, началъ разузнавать объ этомъ офицерѣ. Трудно

мнѣ это было, потому что я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ. Но однажды кто-то обликнулъ его по фамилии на улицѣ, когда я издали шелъ за нимъ, точно привязанный къ нему, и вотъ я фамилію узналъ. Другой разъ я прослѣдилъ его до самой его квартиры и за гривенникъ узналъ у дворника, гдѣ онъ живетъ, въ какомъ этажѣ, одинъ или съ кѣмъ-нибудь и т. д. — однимъ словомъ все, что можно узнать отъ дворника. Разъ поутру, хотъ я и никогда не литературствовалъ, мнѣ вдругъ пришла мысль описать этого офицера въ абличительномъ видѣ, въ карикатурѣ, въ видѣ повѣсти. Я съ наслажденіемъ писалъ эту повѣсть. Я абличилъ, даже поклеветалъ; фамилію я такъ поддѣлалъ сначала, что можно было тотчасъ узнать, но потомъ по зрѣломъ разсужденіи, измѣнилъ, и отослалъ въ «Отечественныя Записки.» Но тогда еще не было абличеній и мою повѣсть не напечатали. Мнѣ это было очень досадно. — Иногда злоба меня просто душила. Наконецъ я рѣшился вызвать противника моего на дуэль. Я сочинилъ къ нему прекрасное, привлекательное письмо, умоляя его передо мной извиниться; въ случаѣ-же отказа, довольно твердо намекалъ на дуэль. Письмо было такъ сочинено, что еслибъ офицеръ чуть-чуть понималъ «прекрасное и высокое», то непременно бы прибѣжалъ ко мнѣ, чтобъ броситься мнѣ на шею и предложить свою дружбу. И какъ бы это было хорошо! Мы бы такъ зажили! такъ зажили! «Онъ-бы защищалъ меня своей сановитостью; я-бы облагораживалъ его своей развитостью, ну и... идеями, и много кой чего-бы могло быть!» Вообразите, что тогда прошло уже два года, какъ онъ меня обидѣлъ, и вызовъ мой былъ безобразнѣйшимъ анахронизмомъ, не смотря на всю ловкость письма моего, объяснявшаго и прикрывавшаго анахронизмъ. Но слава

Богу, (до сихъ поръ благодарю Всевышняго со слезами) я письма моего не послалъ. Морозъ по коже пробираетъ, какъ вспомню что-бы могло выйти, еслибъ я послалъ. И вдругъ.. и вдругъ я отомстил самымъ простѣйшимъ, самымъ гениальнѣйшимъ образомъ! Меня вдругъ осѣнила пресвѣтлѣйшій мысль. Иногда, по праздникамъ, я хаживалъ въ четвертомъ часу на Невскій и гулялъ по солнечной сторонѣ. То есть я тамъ вовсе не гулялъ, испытывалъ безчисленныя мученія, униженія, разлитія жолчи; но того-то мнѣ вѣрно и надобно было. Я шмыгалъ какъ вьюнъ, самымъ некрасивымъ образомъ, между прохожими, уступая безпрерывно дорогу, то генераламъ, то кавалергардскимъ и гусарскимъ офицерамъ, то барынямъ; я чувствовалъ въ эти минуты конвульсивныя боли въ сердцѣ, жаръ въ спинѣ при одномъ представленіи о мизерѣ моего костюма, о мизерѣ и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мука-мученская, непрерывное невыносимое униженіе отъ мысли, переходившей въ непрерывное и непосредственное ощущеніе того, что я муха передъ всѣмъ этимъ свѣтомъ, гадкая, непотребная муха,—всѣхъ умнѣе, всѣхъ развитѣе, всѣхъ благороднѣе, это ужь сама собою,—но безпрерывно всѣмъ уступающая муха, всѣми униженная и всѣми оскорбленная. Для чего я набиралъ на себя эту муку, для чего я ходилъ на Невскій — не знаю? но меня просто тянуло туда при каждой возможности.

Тогда уже я начиналъ испытывать приливы тѣлеснаго наслажденій, о которыхъ я уже говорилъ въ предыдущей главѣ. Послѣ же исторіи съ офицеромъ, меня еще сильнѣе туда стало тянуть: на Невскомъ-то я его и встрѣчалъ наиболѣе, тамъ-то я и любилъ вался имъ. Онъ тоже ходилъ туда болѣе въ праздники. Онъ хотъ тоже сворачивалъ съ дороги на

редь генералами и передь особами сановитыми и то же вилялъ какъ въюнь между ними, но такихъ какъ нашъ братъ, или даже и почище нашего брата, онъ просто давилъ; шелъ прямо на нихъ, какъ будто передь нимъ было пустое пространство и ни въ какомъ случаѣ дороги не уступалъ. Я упивался моей злобой на него глядя и... озлобленно передь нимъ каждый разъ сворачивалъ. Меня мучило, что я даже и на улицѣ никакъ не могу быть съ нимъ на равной ногѣ. «Отчего ты непременно первый сворачиваешь?» — приставалъ я самъ къ себѣ, въ бѣшеной истерикѣ, проснувшись иногда часу въ третьемъ ночи. «Отчего именно ты, а не онъ? Вѣдь для этого закона нѣтъ, вѣдь это нигдѣ не написано? Ну пусть будетъ поровну, какъ обыкновенно бываетъ когда деликатные люди встрѣчаются: онъ уступитъ половину и ты половину, вы и пройдете, взаимно уважая другъ друга.» Но такъ не было, и все-таки сворачивалъ я, а онъ даже и не замѣчалъ, что я ему уступаю.—И вотъ удивительнѣйшая мысль вдругъ осѣнила меня. «А что, вздумалъ я, что если встрѣтятся съ нимъ... не посторониться? Нарочно не посторониться, хоть бы даже пришлось толкнуть его; а, каково это будетъ?» Дерзкая мысль эта мало-по-малу до того овладѣла мною, что не давала мнѣ покоя. Мечталъ я объ этомъ непрерывно, ужасно, и нарочно чаще ходилъ на Невскій чтобъ еще яснѣе себѣ представить какъ я это сдѣлаю, когда буду дѣлать. Я былъ въ восторгѣ. Все болѣе и болѣе мнѣ казалось это намѣреніе и вѣроятнымъ и возможнымъ. «Разумѣется, не совсѣмъ толкнуть, думалъ я,» уже заранѣе добрѣя отъ радости, «а такъ, просто не посторониться, состукнуться съ нимъ, не такъ, чтобы очень больно, а такъ, плечо о плечо, ровно на столько, сколько опредѣлено приличіемъ;

такъ что на сколько онъ меня стукнетъ, на столько и я его стукну.» Я рѣшился наконецъ совершенно. Но приготовленія взяли очень много времени. Первое то, что во время исполненія нужно было быть въ болѣе приличнѣйшемъ видѣ и позаботиться о костюмѣ. «На всякій случай, если на примѣръ завяжется публичная исторія, (а публика то тутъ суперфлю: графиня ходитъ, князь Д. ходитъ, вся литература ходитъ) нужно быть хорошо одѣтымъ; это внушаетъ и прямо поставить насъ нѣкоторымъ образомъ на равную ногу въ глазахъ высшаго общества.» Съ этою цѣлью я выпросилъ впередъ жалованья и купилъ черныя перчатки и порядочную шляпу у Чуркина. Черныя перчатки казались мнѣ и солиднѣе и бонтоннѣе, чѣмъ лимонныя, на которыя я посягалъ сначала. «Цвѣтъ слишкомъ рѣзкій, слишкомъ какъ будто хочетъ выставляться человѣкъ,» и я не взялъ лимонныхъ. Хорошую рубашку, съ бѣлыми костяными запонками, я ужь давно приготовилъ; но задержалъ очень шинель. Сама-то по себѣ шинель моя очень была не дурна, грѣла; но она была на ватѣ, воротникъ былъ енотовый, что составляло у насъ верхъ лакейства. Надо было перемѣнить воротникъ во что бы ни стало и завести бобрискъ, въ родѣ какъ у офицеровъ. Для этого я сталъ ходить по Гостиному двору и, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, нацѣлился на одинъ дешевый нѣмецкій бобрискъ. Эти нѣмецкіе бобриски хотъ и очень скоро занашиваются и принимаютъ мизернѣйшій видъ, но сначала, съ обновки, смотрятъ даже и очень прилично; а вѣдь мнѣ только для одного раза надо было. Спросилъ я цѣну: все-таки было дорого. По основательномъ разсужденіи я рѣшился продать мой енотовый воротникъ. Недостающую же и весьма для меня значительную сумму рѣ-

шился выпросить займы у Антона Антоныча Сѣточкина, моего столоначальника, человѣка смиреннаго, но серьезнаго и положительнаго, никому не дававшего займы денегъ, но которому я былъ когда-то, при вступленіи въ должность, особенно рекомендованъ опредѣлившимъ меня на службу значительнымъ лицомъ. Мучился я ужасно. Попросить денегъ у Антона Антоныча мнѣ казалось чудовищнымъ и постыднымъ. Я даже двѣ-три ночи не спалъ, да и вообще я тогда мало спалъ, былъ въ лихорадкѣ; сердце у меня какъ-то смутно замирало, или вдругъ начинало прыгать, прыгать, прыгать!.. Антонъ Антоновичъ сначала удивился, потомъ поморщился, потомъ разсудилъ и все-таки далъ займы, взявъ съ меня росписку на право полученія данныхъ заимообразно денегъ, черезъ двѣ недѣли изъ жалованья. Такимъ образомъ все было наконецъ готово; красивый бобрискъ воцарился на мѣстѣ паскуднаго енота и я началъ по маленьку приступать къ дѣлу. Нельзя же было рѣшиться съ перваго разу, зря; надо было это дѣло обдѣлать умѣючи, именно по-маленьку. Но признаюсь, что послѣ многократныхъ попытокъ, я даже было началъ отчаяваться: не состукиваемся никакъ да и только! Ужъ я ль не приготавливался, я ль не намѣревался, — кажется вотъ-вотъ сейчасъ состукинемся, смотрю—и опять я уступилъ дорогу, а онъ и прошелъ незамѣтивъ меня. Я даже молитвы читалъ подходя къ нему, чтобъ Богъ вселилъ въ меня рѣшимость. Одинъ разъ я было и совсѣмъ уже рѣшился, но кончилось тѣмъ, что только попалъ ему подъ ноги, потому что въ самое послѣднее мгновеніе, на двухвершковомъ камнѣ нибудь разстояніи, не хватило духу. Онъ преспокойно прошелъ по мнѣ и я, какъ мячикъ, отлетѣлъ въ сторону. Въ эту ночь я былъ опять

болень въ лихорадкѣ и бредилъ. И вдругъ все закончилось какъ нельзя лучше. Наканунѣ ночью я окончательно положилъ не исполнять моего пагубнаго намѣренія и все оставить втунѣ, и съ этою цѣлью въ послѣдній разъ вышелъ на Невскій, что бы такъ посмотрѣть, — какъ это я оставлю все это втунѣ? Вдругъ, въ трехъ шагахъ отъ врага моего, я неожиданно рѣшился, зажмурилъ глаза и, — мы плотно стукнулись плечо о плечо! Я не уступилъ ни вершка и прошелъ мимо совершенно на равной ногѣ! Онъ даже и не оглянулся и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ; но онъ только видъ сдѣлалъ, я увѣренъ въ этомъ. Я до сихъ поръ въ этомъ увѣренъ! Разумѣется мнѣ досталось больше; онъ былъ сильнѣе, но не въ томъ было дѣло. Дѣло въ томъ, что я достигъ цѣли поддержалъ достоинство, не уступилъ ни на шагъ и публично поставилъ себя съ нимъ на равной соціальной ногѣ. Воротился я домой совершенно отмщенный за все. Я былъ въ восторгѣ. Я торжествовалъ и пѣлъ итальянскія арии. Разумѣется, я вамъ не буду описывать того, что произошло со мной черезъ три дня; если читали мою первую главу, «подполье», то можете сами догадаться.—Офицера потомъ куда-то перевели; лѣтъ уже четырнадцать я его теперь не видалъ. Что-то онъ теперь мой голубчикъ? Кого давить?

II.

Но кончалась полоса моего развратика и мнѣ становилось ужасно тошно. Наступало раскаяніе, я его гналъ: слишкомъ ужъ тошнило. Мало по малу я однакоже и къ этому привыкалъ. Я ко всему привыкалъ, т. е. не то, что привыкалъ, а какъ-то добровольно соглашался переносить. Но у меня былъ

выходъ, все примирявшій, это—спасаться во «все прекрасное и высокое», конечно въ мечтахъ. Мечталъ я ужасно, мечталъ по три мѣсяца сряду, забившись въ свой уголь, и ужъ повѣрьте, что въ эти мгновенія я не похожъ былъ на того господина, который, въ смятеніи куриного сердца, пришивалъ къ воротнику своей шинели нѣмецкій бобрискъ. Я дѣлался вдругъ героемъ. Моего десяти-вершковаго поручика я-бы даже и съ визитомъ къ себѣ тогда не пустилъ. Я даже и представить его себѣ не могъ тогда. Что такое были мои мечты и какъ могъ я ими довольствоваться—объ этомъ трудно сказать теперь, но тогда я этимъ довольствовался. Впрочемъ я вѣдь и теперь этимъ отчасти довольствуюсь. Мечты особенно слаще и сильнѣе приходили ко мнѣ послѣ развратика, приходили съ раскаяніемъ и слезами, съ проклятіями и восторами. Бывали мгновенія такого положительнаго упоенія, такого счастья, что даже малѣйшей насмѣшки внутри меня не ощущалось, ей-Богу. Была вѣра, надежда, любовь. То-то и есть, что я слѣпо вѣрилъ тогда, что какимъ-то чудомъ, какимъ нибудь внѣшнимъ обстоятельствомъ все это вдругъ раздвинется, расширится; вдругъ представится горизонтъ соотвѣтственной дѣятельности, благотворной, прекрасной и, главное, *совсѣмъ готовой* (какой именно—я никогда не зналъ, но главное—совсѣмъ готовой) и вотъ я выступлю вдругъ на свѣтъ Божій, чуть-ли не на бѣломъ конѣ и не въ лавровомъ вѣнкѣ. Второстепенной роли я и понять не могъ и вотъ именно потому-то, въ дѣйствительности, очень спокойно занималъ послѣднюю. Либо герой, либо грязь, середины не было. Это-то меня и сгубило, потому что въ грязи я утѣшалъ себя тѣмъ, что въ другое время бываю герой, а герой прикрывалъ собой грязь: обыкновенному дескать

человѣку стыдно грязниться, а герой слишкомъ высококъ, чтобъ совсѣмъ загрязниться, слѣдственно можно грязниться. Замѣчательно, что эти приливы «все-го прекраснаго и высокаго» приходили ко мнѣ и во время развратика, и именно тогда, когда я уже на самомъ днѣ находился, приходили такъ, отдѣльными всплывающими, какъ будто напоминая о себѣ, но не истребляли однакожь развратика своимъ появленіемъ; напротивъ, какъ будто подживляли его контрастомъ, и приходили ровно на столько, сколько было нужно для хорошаго соуса. Соусъ тутъ состоялъ изъ противорѣчія и страданія, изъ мучительнаго внутренняго анализа и всѣ эти мученія и мученьица и придавали какую-то пикантность, даже смѣсь моему разврату, — однимъ словомъ исполняли вполне должность хорошаго соуса. Все это даже было не безъ нѣкоторой глубины. Да и могъ-ли бы я согласиться на простой, пошлый, непосредственный писарскій развратишка и вынести на себѣ всю эту грязь! Что-жь бы могло тогда въ ней прельстить меня и выманить ночью на улицу? Нѣтъ-съ, у меня была благородная лавейка на все...

Но сколько любви, Господи, сколько любви переживалъ я, бывало, въ этихъ мечтахъ моихъ, въ этихъ «спасеньяхъ во все прекрасное и высокое»: хоть и фантастической любви, хоть и никогда ни къ чему человѣческому на дѣлѣ не прилагавшейся, но до того было ея много, этой любви, что потомъ, на дѣлѣ ужъ и потребности даже не ощущалось ее прилагать: излишняя-бъ ужъ это роскошь была. Все впрочемъ прелюбопытно всегда оканчивалось лѣтнимъ и упоительнымъ переходомъ къ искусству, т. е. къ прекраснымъ формамъ бытія, совсѣмъ готовымъ, сильно украденнымъ у поэтовъ и романистовъ и приспособленнымъ ко всевозможнымъ

услугамъ и требованіямъ. Я, на примѣръ, надъ всѣми торжествую; всѣ разумѣтся, во прахѣ и принуждены добровольно признать всѣ мои совершенства, а я всѣхъ ихъ прощаю. Я влюбляюсь, будучи знаменитымъ поэтомъ и камергеромъ; получаю несмѣтные милліоны и тотчасъ же жертвую ихъ на родъ человѣческій и тутъ же исповѣдываюсь передъ всѣмъ народомъ въ моихъ позорахъ, которые разумѣтся не просто позоры, а заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много «прекраснаго и високаго», чего-то манфредовскаго. Всѣ плачутъ и целуютъ меня (иначе что-же бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповѣдывать новыя идеи и разбиваю ретроградовъ подъ Аустерлицемъ. Затѣмъ играетъ маршъ, выдается амнистія, папа соглашается выѣхать изъ Рима въ Бразилію; затѣмъ балъ для всей Италіи на виллѣ Боргезе, что на берегу озера Комо, такъ какъ озеро Комо нарочно переносится для этого случая въ Римъ: затѣмъ сцена въ кустахъ и т. д. и т. д.— будто не знаете? Вы скажете, что пошло и подло выводить все это теперь на рынокъ, послѣ столькихъ упоеній и слезъ, въ которыхъ я самъ признался. Отчего-же подло-съ? Неужели вы думаете, что я стыжусь всего этого и что все это было глупѣе, хотя чего-бы то ни было, въ вашей, господа, жизни? И къ тому-же повѣрьте, что у меня кой-что было вовсе не дурно составлено... Не все-же происходило на озерѣ Комо. А впрочемъ вы правы; дѣйствительно и пошло и подло. А подлѣе всего то, что я теперь началъ передъ вами оправдываться. А еще подлѣе то, что я дѣлаю теперь это замѣчаніе. Да довольно впрочемъ, а то вѣдь никогда и не кончишь: все будетъ одно другаго подлѣе...

Больше трехъ мѣсяцевъ я никакъ не въ со-

стоянии былъ сряду мечтать и начиналъ ощущать непреодолимую потребность ринуться въ общество. Ринуться въ общество означало у меня сходить въ гости къ моему столоначальнику, Антону Антонычу Сѣточкину. Это былъ единственный, мой постоянный знакомый во всю мою жизнь, и я даже самъ удивляюсь теперь этому обстоятельству. Но и къ нему я ходилъ развѣ только тогда, когда ужъ наступала такая полоса, а мечты мои доходили до такого счастья, что надо было непременно и немедленно обняться съ людьми и со всѣмъ человѣчествомъ; а для этого надо было имѣть хоть одного человѣка въ наличности, дѣйствительно существующаго. Къ Антону Антонычу надо было впрочемъ являться по вторникамъ (его день), слѣдственно и подгонять потребность обняться со всѣмъ человѣчествомъ надо было всегда ко вторнику. Помѣщался этотъ Антонъ Антонычъ у Пяти-Угловъ, въ четвертомъ этажѣ и въ четырехъ комнаткахъ, низенькихъ и малъ-мала меньше, имѣвшихъ самый экономическій и жолтеный видъ. Были у него двѣ дочери и ихъ тетка, разливавшая чай. Дочкамъ — одной было тринадцать, а другой четырнадцать лѣтъ, обѣ были курносинькія и я ихъ ужасно конфузился, потому что онѣ все шептались про себя и хихикали. Хозяинъ сидѣлъ обыкновенно въ кабинетѣ, на кожанномъ диванѣ, передъ столомъ, вмѣстѣ съ какимъ нибудь сѣдымъ гостемъ, чиновникомъ изъ нашего или даже изъ посторонняго вѣдомства. Больше двухъ — трехъ гостей, и все тѣхъ же самыхъ, я никогда тамъ не видывалъ. Толковали про акцизъ, про торги въ Сенатѣ, о жалованьи, о производствѣ, о его превосходительствѣ, о средствѣ нравиться и проч. и проч. Я имѣлъ терпѣніе высиживать подлѣ этихъ людей дуракомъ часа по четыре и ихъ слушать, самъ не смѣя и

не умѣя ни объ чемъ съ ними заговорить. Я ту-пѣлъ, по нѣскольку разъ принимался потѣть, надомной носился параличъ; но это было хорошо и полезно. Возвратясь домой, я на нѣкоторое время откладывалъ мое желаніе обняться со всѣмъ чело-вѣчествомъ.

Быль впрочемъ у меня и еще какъ-будто одинъ знакомый, Симоновъ, бывшій мой школьный товарищъ. Школьныхъ товарищей у меня было, пожалуй, и много въ Петербургѣ, но я съ ними не водился и даже пересталъ на улицѣ кланяться. Я можетъ быть и на службу-то въ другое вѣдомство перешелъ для того, чтобъ не быть вмѣстѣ съ ними и разомъ отрѣзать со всѣмъ ненавистнымъ моимъ дѣтствомъ. Проклятіе на эту школу, на эти ужасные каторжные годы! Однимъ словомъ, съ товарищами я тотчасъ же разошелся какъ вышелъ на волю. Оставались два-три чело-вѣка, съ которыми я еще кланялся встрѣчаясь. Въ томъ числѣ былъ и Симоновъ, который въ школѣ у насъ ничѣмъ не отличался, былъ ровень и тихъ, но въ немъ я отличилъ нѣкоторую независимость характера и даже честность. Даже не думаю, что онъ былъ очень ужъ ограниченъ. У меня съ нимъ бывали когда-то довольно свѣтлыя минуты, но недолго продолжались и какъ-то вдругъ задернулись туманомъ. Онъ видимо тяготился этими воспоминаніями и, кажется, все боялся, что я впаду въ прежній тонъ. Я подозрѣвалъ, что я былъ ему очень противенъ, но все-таки ходилъ къ нему, неувѣренный въ томъ навѣрно.

Вотъ однажды, въ четвергъ, не выдержавъ моего одиночества, и зная, что въ четвергъ у Антона Антоныча дверь заперта, я вспомнилъ о Симоновѣ. Подымаясь къ нему въ четвертый этажъ, я именно думалъ о томъ, что этотъ господинъ тяготится

мвою и что напрасно я это иду. Но такъ какъ кончалось всегда тѣмъ, что подобныя соображенія какъ нарочно еще болѣе подбивали меня лѣзть въ двусмысленное положеніе, то я и вошелъ. Былъ почти годъ, какъ я послѣдній разъ передъ тѣмъ видѣлъ Симонова.

III.

Я засталъ у него еще двухъ моихъ школьныхъ товарищей. Они толковали повидимому объ одномъ важномъ дѣлѣ. На приходъ мой ни одинъ изъ нихъ не обратилъ почти никакого вниманія, что было даже странно, потому что я не видался съ ними ужъ годы. Очевидно меня считали чѣмъ-то въ родѣ самой обыкновенной мухи. Такъ не третируютъ меня даже въ школѣ, хотя всѣ меня тамъ ненавидѣли. Я конечно понималъ, что они должны были презирать меня теперь за неуспѣхъ моей служебной карьеры, и за то, что я ужъ очень опустился, ходилъ въ дурномъ платьѣ и проч. — что въ ихъ глазахъ составляло вывѣску моея неспособности и мелкаго значенія. Но я все-таки не ожидалъ до такой степени презрѣнія. Симоновъ даже удивился моему приходу. Онъ и прежде всегда какъ-будто удивлялся моему приходу. Все это меня озадачило; я сѣлъ въ нѣкоторой тоскѣ и началъ слушать о чемъ они толковали.

Шла рѣчь серьезная и даже горячая о прощальномъ обѣдѣ, который хотѣли устроить эти господа завтра же, сообщая, отъѣзжавшему далеко въ губернію ихъ товарищу Звѣркову, служившему офицеромъ. Мосе Звѣрковъ былъ все время и моимъ школьнымъ товарищемъ. Я особенно сталъ его ненавидѣть съ высшихъ классовъ. Въ пизшихъ классахъ онъ былъ только хорошенькой, рѣзвѣй

мальчикъ, котораго всѣ любили. Я впрочемъ ненавидѣлъ его и въ низшихъ классахъ, и именно за то, что онъ былъ хорошенькой и рѣзвый мальчикъ. Учился онъ всегда постоянно плохо и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже; однакожь вышелъ изъ школы удачно, потому что имѣлъ покровительство. Въ послѣдній годъ его въ нашей школѣ ему досталось наслѣдство, двѣсти душъ, а такъ какъ у насъ всѣ почти были бѣдные, то онъ даже передъ нами сталъ фанфаронить. Это былъ пошлякъ въ высшей степени, но однакожь добрый малый, даже и тогда когда фанфаронилъ. У насъ же, не смотря на наружныя, фантастическія и фразерскія формы чести и гонора, всѣ, кромѣ очень немногихъ, даже увивались передъ Звѣрковымъ, чѣмъ болѣе онъ фанфаронилъ. И не изъ выгоды какой-нибудь увивались, а такъ изъ-за того, что онъ фаворизированный дарами природы человекъ. Притомъ же какъ-то принято было у насъ считать Звѣркова специалистомъ по части ловкости и хорошихъ манеръ. Послѣднее меня особенно бѣсило. Я ненавидѣлъ рѣзкій, несомнѣвающійся въ себѣ звукъ его голоса, обожаніе собственныхъ своихъ остротъ, которые у него выходили ужасно глупы, хотя онъ былъ и смѣлъ на языкъ; я ненавидѣлъ его красивое, но глупенькое лицо (на которое я бы впрочемъ промѣнялъ съ охотою свое *умное*) и развязно-офицерскіе приемы сороковыхъ годовъ. Я ненавидѣлъ то, что онъ рассказывалъ о своихъ будущихъ успѣхахъ съ женщинами (онъ не рѣшался начинать съ женщинами, не имѣя еще офицерскихъ эполетъ и ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ) и о томъ, какъ онъ поминутно будетъ выходить на дуэли. Помню какъ я, всегда молчаливый, вдругъ сцѣпился съ Звѣрковымъ, когда онъ, толкуя разъ въ свободное время съ товарищами

о будущей клубничкѣ, и разыгравшись наконецъ, какъ молодой щенокъ на солнцѣ, вдругъ объявилъ, что ни одной деревенской дѣвы въ своей деревнѣ не оставить безъ вниманія, что это — *droit de seigneur*, а мужиковъ, если осмѣлятся протестовать, всѣхъ пересечетъ и всѣмъ имъ, бородатымъ канальямъ, вдвое наложить оброку. Наши хамы аплодировали; я же сдѣпился, и вовсе не изъ жалости къ дѣвамъ и ихъ отцамъ, а просто за то, что такой козявкѣ такъ аплодировали. Я тогда одолѣлъ, но Звѣрковъ, хоть и глупъ былъ, но былъ веселъ и дерзокъ, а потому отсмѣялся, и даже такъ, что я, по правдѣ, не совсѣмъ и одолѣлъ: смѣхъ остался на его сторонѣ. Онъ потомъ еще нѣсколько разъ одолѣвалъ меня, но безъ злобы, а какъ-то такъ, шутя, мимоходомъ, смѣяся. Я злобно и презрительно не отвѣчалъ ему. По выпускѣ онъ было сдѣлалъ ко мнѣ шагъ; я не очень противился, потому что мнѣ это польстило; но мы скоро и естественно разошлись. Потомъ я слыхалъ объ его базарменно-поручичьихъ успѣхахъ, о томъ какъ онъ *кутитъ*. Потомъ пошли другіе слухи, — о томъ какъ онъ *устъваетъ* по службѣ. На улицѣ онъ мнѣ уже не кланялся и я подозрѣвалъ, что онъ бонтятся компрометировать себя, раскланиваясь съ такой незначительной, какъ я, личностью. Видѣлъ я его тоже одинъ разъ въ театрѣ, въ третьемъ ярусѣ, уже въ аксельбантахъ. Онъ увивался и изгибался передъ дочками одного древняго генерала. Года въ три онъ очень опустился, хотя былъ по прежнему довольно красивъ и ловокъ; какъ-то отекъ, сталъ жирѣть; видно было, что къ тридцати годамъ онъ совершенно обрюзгнетъ. Вотъ этому-то уѣзжавшему наконецъ Звѣркову и хотѣли дать обѣдъ наши товарищи. Они постоянно всѣ три года водились съ нимъ, хотя сами, внутренно, не считали

себя съ нимъ на равной ногѣ, я увѣренъ въ этомъ.

Изъ двухъ гостей Симонова одинъ былъ Ферфичкинъ, изъ русскихъ нѣмцевъ,—маленькій ростомъ, съ обезьяньимъ лицомъ, всѣхъ пересмѣивающій глупецъ, злѣйшій врагъ мой еще съ низшихъ классовъ,—подлый, дерзкій, фанфарониска и игравшій въ самую щекотливую амбиціозность, хотя, разумѣется, трусишка въ душѣ. Онъ былъ изъ тѣхъ почитателей Звѣркова, которые заигрывали съ нимъ изъ видовъ, и часто занимали у него деньги. Другой гость Симонова, Трудолюбовъ, была личность незамѣчательная, военный паренъ, высокаго роста, съ холодною фізіономіей, довольно честный, но преклонявшійся передъ всякимъ успѣхомъ и способный разсуждать только объ одномъ производствѣ. Звѣркову онъ доводился какимъ-то дальнимъ родственникомъ, и это, глупо сказать, придавало ему между нами нѣкоторое значеніе. Меня онъ постоянно считалъ ни во что; обращался же хотъ не совсѣмъ вѣжливо, но сносно.

— Что жъ, коль по семи рублей, заговорилъ Трудолюбовъ,—насъ трое, двадцать одинъ *рунь*,—можно хорошо пообѣдать. Звѣрковъ конечно не платитъ.

— Ужъ разумѣется, коль мы же его приглашаемъ, рѣшилъ Симоновъ.

— Неужели-жъ вы думаете, — заносчиво и съ пылкостью ввязался Ферфичкинъ, точно нахаль лакей, хвастающій звѣздами своего генерала барина, — неужели вы думаете, что Звѣрковъ насъ пуститъ однихъ платить? Изъ деликатности приметь, но за то отъ себя *полдюжины* выставить.

— Ну, куда намъ четверымъ полдюжины,—замѣтилъ Трудолюбовъ, обративъ вниманіе только на полдюжину.

— Такъ трое, съ Звѣрковымъ четверо, двадцать одинъ рубль, въ Hôtel de Paris, завтра въ пять часовъ,—окончательно заключилъ Симоновъ, котораго выбрали распорядителемъ.

— Какъ же двадцать одинъ? сказалъ я въ нѣкоторомъ волненіи, даже повидимому обидѣвшись;—если считать со мной, такъ будетъ не двадцать одинъ, а двадцать восемь рублей.

Мнѣ показалось, что вдругъ и такъ неожиданно предложить себя будетъ даже очень красиво и они всѣ будутъ разомъ побѣждены и посмотрятъ на меня съ уваженіемъ.

— Развѣ вы тоже хотите? — съ неудовольствіемъ замѣтилъ Симоновъ, какъ-то избѣгая глядѣть на меня. Онъ зналъ меня наизусть.

Меня взбѣсило, что онъ знаетъ меня наизусть.

— Почему-же-съ? Я вѣдь кажется тоже товарищъ и признаюсь мнѣ даже обидно, что меня обошли,—заклокоталъ было, я опять.

— А гдѣ васъ было искать? грубо ввязался Ферфичкинъ.

— Вы всегда были не въ ладахъ съ Звѣрковымъ,—прибавилъ Трудолобовъ нахмурившись. Но я ужъ ухватился и не выпускалъ.

— Мнѣ кажется объ этомъ никто не въ правѣ судить, возразилъ я, съ дрожью въ голосѣ, точно и Богъ знаетъ что случилось.—Именно потому-то я можетъ быть теперь и хочу, что прежде былъ не въ ладахъ.

— Ну, кто васъ пойметъ... возвышенности-то эти... усмѣхнулся Трудолобовъ.

— Васъ запишутъ,—рѣшилъ обращаясь ко мнѣ Симоновъ, завтра въ пять часовъ, въ Hôtel de Paris; не ошибитесь.

— Деньги-то!—началъ было Ферфичкинъ, впол-

голоса кивая на меня Симонову, но осѣкся, потому что даже Симоновъ сконфузился.

— Довольно, сказалъ Трудолюбовъ вставая. — Если ему такъ ужъ очень захотѣлось, пусть придетъ.

— Да вѣдь у насъ кружокъ свой, пріятельскій,—злился Ферфичкинъ, тоже берясь за шляпу. — Это не официальное собраніе.

Мы васъ можетъ быть и совсѣмъ не хотимъ...

Они ушли; Ферфичкинъ уходя мнѣ совсѣмъ не поклонился, Трудолюбовъ едва кивнулъ, не глядя. Симоновъ, съ которымъ я остался съ глазу на глазъ, былъ въ какомъ-то досадливомъ недоумѣніи и странно посмотрѣлъ на меня. Онъ не садился и меня не приглашалъ.

— Гм... да... такъ завтра. Деньги-то вы отдадите теперь? Я это чтобъ вѣрно знать,—пробормоталъ онъ сконфузившись.

Я вспыхнулъ, но вспыхивая вспомнилъ, что съ незапамятныхъ временъ долженъ былъ Симонову пятнадцать рублей, чего впрочемъ и не забывалъ никогда, но и не отдавалъ никогда.

— Согласитесь сами, Симоновъ, что я не могъ знать, входя сюда... и мнѣ очень досадно, что я забылъ...

— Хорошо, хорошо, все равно. Расплатитесь завтра за обѣдомъ. Я вѣдь только, чтобъ знать... Вы пожалуйста...

Онъ осѣкся и сталъ шагать по комнатѣ съ еще большей досадой. Шагая, онъ началъ становиться на каблуки и при этомъ сильнѣе топать.

— Я васъ не задерживаю-ли? спросилъ я, послѣ двухминутнаго молчанья.

— О нѣтъ! встрепенулся онъ вдругъ,—т. е. по правдѣ,—да. Видите-ли, мнѣ еще бы надо зайти... Тутъ недалеко... прибавилъ онъ, какимъ-то извиняющимся голосомъ и отчасти стыдясь.

— Ахъ Боже мой! Что-же вы не ска-же-те! вскрикнулъ я, схвативъ фуражку, съ удивительно впрочемъ развязнымъ видомъ, Богъ знаетъ откуда налетѣвшимъ.

— Это вѣдь недалеко... Тутъ два шага... повторялъ Симоновъ, провожая меня до передней съ суетливымъ видомъ, который ему вовсе не шель.— Такъ завтра въ пять часовъ ровно!—крикнулъ онъ мнѣ на лѣстницу: очень ужъ онъ былъ доволенъ что я ухожу. Я же былъ въ бѣшенствѣ.

— Вѣдь дернуло же, дернуло же выскочить!—скрежеталъ я зубами, шагая по улицѣ,—и этакому подлецу, поросенку, Звѣркову! Разумѣется не надо ѣхать; разумѣется наплевать: что я связанъ, что-ли? Завтра же увѣдомлю Симонова по городской почтѣ...

Но потому то я и бѣсился, что навѣрно зналъ что поѣду; что нарочно поѣду; и чѣмъ безтактнѣе, чѣмъ неприличнѣе будетъ мнѣ ѣхать, тѣмъ скорѣе и поѣду.

И даже препятствіе положительное было не ѣхать: денегъ не было. Всего на всего лежало у меня девять рублей. Но изъ нихъ семь надо было отдать завтра же мѣсячнаго жалованья Аполлону моему слугѣ, который жилъ у меня за семь рублей на своихъ харчахъ.

Не выдать же было невозможно, судя по характеру Аполлона. Но объ этой канальѣ, объ этой извѣ моей я когда нибудь послѣ поговорю.

Впрочемъ я вѣдь зналъ, что все-таки не выдамъ, а непременно поѣду.

Въ эту ночь снились мнѣ безобразнѣйшіе сны. Не мудрено: весь вечеръ давили меня воспомина-нія о каторжныхъ домахъ моей школьной жизни и я не могъ отъ нихъ отвязаться. Меня сунули въ эту школу мои дальніе родственники, отъ ко-

торныхъ я зависѣлъ и о которыхъ съ тѣхъ поръ не имѣлъ ни какого понятія,—сунули сиротливаго, уже забитаго ихъ попреками, уже задумывающагося, молчаливаго, и дико на все озирающагося. Товарищи встрѣтили меня злобными и безжалостными насмѣшками, за то, что я ни на кого изъ нихъ не былъ похожъ. Но я не могъ насмѣшекъ переносить; я не могъ такъ дешево уживаться, какъ они уживались другъ съ другомъ. Я возненавидѣлъ ихъ тотчасъ и заключился отъ всѣхъ въ пугливую, уязвленную и непомѣрную гордость. Грубость ихъ меня возмущала. Они цинически смѣялись надъ моимъ лицомъ, надъ моею мѣшковатою фигурой; а между тѣмъ какія глупыя у нихъ самихъ были лица! Въ нашей школѣ выраженія лицъ какъ-то особенно глупѣли и перерождались. Сколько прекрасныхъ собой дѣтей поступало къ намъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ на нихъ и глядѣть становилось противно. Еще въ шестнадцать лѣтъ я угрюмо на нихъ дивился; меня ужъ и тогда изумляли мелочь ихъ мышленія, глупость ихъ занятій, игра, разговоръ. Они такихъ необходимыхъ вещей не понимали, такими внушающими, поражающими предметами не интересовались, что поневолѣ я сталъ считать ихъ ниже себя. Не оскорбленное тщеславіе подбивало меня къ тому, и, ради Бога, не выдѣсайте ко мнѣ съ пріѣвшимися до тошноты казенными возраженіями: «что я только мечталъ, а они ужъ и тогда дѣйствительную жизнь понимали». Ничего они не понимали, никакой дѣйствительной жизни и, клянусь, это-то и возмущало меня въ нихъ наиболѣе. Напротивъ, самую очевидную, рѣжущую глаза дѣйствительность они принимали фантастически глупо, и уже тогда привыкли поклоняться одному успѣху. Все, что было справедливо, но унижено и забито, надъ тѣмъ они жестоко-

сердно и позорно смѣялись. Чинъ почитали за умъ; въ шестнадцать лѣтъ уже толковали о теплыхъ мѣстечкахъ. Конечно много тутъ было отъ глупости, отъ дурнаго примѣра, непрерывно окружавшаго ихъ дѣтство и отрочество. Развратны они были до уродливости. Разумѣется и тутъ было больше внѣшности, больше напускной циничности: разумѣется юность и нѣкоторая свѣжесть мелькали и въ нихъ даже изъ-за разврата; но не привлекательна была въ нихъ даже и свѣжесть и проявлялась въ какомъ-то ерничествѣ. Я ненавидѣлъ ихъ ужасно, хотя пожалуй былъ ихъ же хуже. Они мнѣ тѣмъ же платили и не скрывали своего ко мнѣ омерзенія. Но я уже не желалъ ихъ любви; напротивъ, я постоянно жаждалъ ихъ униженія. Чтобъ избавить себя отъ ихъ насмѣшекъ, я нарочно началъ какъ можно лучше учиться и пробился въ число самыхъ первыхъ. Это имъ внушило. Къ тому же всѣ они начали по маленьку понимать, что я уже читалъ такія книги, которыхъ они не могли читать и понималъ такія вещи (не входившія въ составъ нашего спеціальнаго курса), о которыхъ они и не слыхивали. Дико и насмѣшливо смотрѣли они на это, но нравственно подчинялись, тѣмъ болѣе что даже учителя обращали на меня вниманіе по этому поводу. Насмѣшки прекратились, но осталась неприязнь и установились холодныя, натянутыя отношенія. Подъ конецъ я самъ не выдержалъ: съ лѣтами развивалась потребность въ людяхъ, въ друзьяхъ. Я попробовалъ было начать сближаться съ иными; но всегда это сближеніе выходило неестественно и такъ само-собой и оканчивалось. Былъ у меня разъ какъ-то и другъ. Но я уже былъ деспотъ въ душѣ; я хотѣлъ неограниченно властвовать надъ его душой; я хотѣлъ вселить въ него презрѣніе къ окружавшей его средѣ: я потребовалъ отъ

него высокобѣрнаго и окончательнаго разрыва съ этой средой. Я испугалъ его моею страстною дружбой; я доводилъ его до слезъ, до судорогъ; онъ былъ наивная и отдающаяся душа; но когда онъ отдался мнѣ весь, я тотчасъ же возненавидѣлъ его и оттолкнулъ отъ себя,—точно онъ и нуженъ былъ мнѣ только для одержанія надъ нимъ побѣды, для одного его подчиненія. Но всѣхъ я не могъ побѣдить; мой другъ былъ тоже ни на одного изъ нихъ не похожъ и составлялъ самое рѣдкое исключеніе. Первымъ дѣломъ моимъ по выходѣ изъ школы было оставить ту спеціальную службу, къ которой я предназначался, чтобы всѣ нити порвать, проклясть прошлое и прахомъ его посыпать... И чортъ знаетъ зачѣмъ послѣ того я потащился къ этому Симонову!..

Утромъ я рано схватился съ постели, вскочилъ съ волненіемъ, точно все это сейчасъ же и начнется совершаться. Но я вѣрилъ, что наступаетъ и непременно наступитъ сегодня же, какой то радикальный переломъ въ моей жизни. Съ непривычки, что ли, но мнѣ всю жизнь, при всякомъ внѣшнемъ, хотя бы мельчайшемъ событіи, все казалось что вотъ сейчасъ и наступитъ какой нибудь радикальный переломъ въ моей жизни. Я впрочемъ отправился въ должность по обыкновенному, но улизнулъ домой двумя часами раньше, чтобы приготовиться. Главное, думалъ я, надо пріѣхать не первымъ, а то подумаютъ, что я ужъ очень обрадовался. Но такихъ главныхъ вещей были тысячи и всѣ они волновали меня до безсилія. Я собственноручно еще разъ вычистилъ мои сапоги; Аполлонъ ни за что на свѣтѣ не сталъ бы чистить ихъ два раза въ день, находя что это не порядокъ. Чистилъ же я, укравъ щетки изъ передней, чтобы онъ какъ нибудь не замѣтилъ и

не сталъ потомъ презирать меня. Затѣмъ я подробно осмотрѣлъ мое платье и нашель, что все старо, потерто, заношено. Слишкомъ я ужь обнеряшилъ. Вицмундиръ, пожалуй, былъ исправень, но не въ вицмундирѣ же было ѣхать обѣдать. А главное, на панталонахъ, на самой колѣнкѣ было огромное желтое пятно. Я предчувствовалъ, что одно уже это пятно отниметь у меня девять десятыхъ собственнаго достоинства. Зналъ тоже я, что очень низко такъ думать. «Но теперь не до думанья; теперь наступаетъ дѣйствительность», думалъ я и падалъ духомъ. Зналъ я тоже отлично, тогда же, что всѣ эти факты чудовищно увеличиваю; но что же было дѣлать: совладать я съ собой ужь не могъ и меня трясла лихорадка. Съ отчаяніемъ представлялъ я себѣ, какъ свысока и холодно встрѣтитъ меня этотъ «подлецъ» Звѣрковъ; съ какимъ тупымъ, ничѣмъ неотразимымъ презрѣніемъ будетъ смотрѣть на меня тупица Трудюлюбовъ; какъ скверно и дерзко будетъ подхихкивать на мой счетъ козавка Ферфичкинъ, чтобъ подслужиться Звѣркову; какъ отлично пойметъ про себя все это Симоновъ, и какъ будетъ презирать меня за низость моего тщеславія и малодушія, и, главное,—какъ все это будетъ мизерно, не *литературно*, обыденно. Конечно всего бы лучше совсѣмъ не ѣхать. Но это-то ужь было больше всего невозможно: ужь когда меня начинало тянуть, такъ ужь я такъ и втягивался весь, съ головой. Я бы всю жизнь дразнилъ себя потомъ: «а что струсилъ, струсилъ *дѣйствительности*, струсилъ!» Напротивъ мнѣ страстно хотѣлось доказать всей этой «шушерѣ», что я вовсе не такой трусъ, какъ я самъ себѣ представляю. Мало того: въ самомъ сильнѣйшемъ пароксизмѣ трусливой лихорадки, мнѣ мечталось одержать верхъ, побѣдить,

увлечь, заставить ихъ полюбить себя — ну хоть «за возвышенность мыслей и несомнѣнное остроуміе». Они бросятъ Звѣркова, онъ будетъ сидѣть всторонѣ, молчать и стыдиться, а я раздавлю Звѣркова. Потомъ пожалуй помирюсь съ нимъ и выпью на *ты*, но что всего было злѣе и обиднѣе для меня, это, что я тогда же зналъ, зналъ вполнѣ и навѣрно, что ничего мнѣ этого въ сущности не надо, что, въ сущности я вовсе не желаю ихъ раздавливать, покорять, привлекать и что за весь-то результатъ, еслибъ только я и достигъ его, я самъ, первый, гроша бы не далъ. О, какъ я молилъ Бога, чтобъ ужъ прошелъ поскорѣе этотъ день! Въ невыразимой тоскѣ я подходилъ къ окну, отворялъ форточку и взглядывался въ мутную мглу густо падающаго мокраго снѣга...

Наконецъ на моихъ дрянныхъ стѣнныхъ часишкахъ прошиѣло пять. Я схватилъ шапку и, стараясь не взглянуть на Аполлона, который еще съ утра все ждалъ отъ меня выдачи жалованья, но, по глупости своей, не хотѣлъ заговорить первый, — скользнулъ мимо него изъ дверей, и на лихачѣ, котораго нарочно нанялъ, за послѣдній полтинникъ, подкатилъ бариномъ къ Hôtel de Paris.

IV.

Я еще наканунѣ зналъ, что приѣду первый. Но ужъ дѣло было не въ первенствѣ:

Ихъ не только никого не было, но я даже едва отыскалъ нашу комнату. На столѣ было еще несовсѣмъ накрыто. Что же это значило? Послѣ многихъ разспросовъ я добился, наконецъ, отъ слугъ, что обѣдъ заказанъ къ шести часамъ, а не къ пяти. Это подтвердили и въ буфетѣ. Даже стыдно

стало спрашивать. Было еще только двадцать пять минут шестаго. Если они перемѣнили часъ, то во всякомъ случаѣ должны же были извѣстить; на то городская почта, а не подвергать меня «позору» и передъ собой и... и хоть передъ слугами. Я сѣлъ; слуга сталъ накрывать; при немъ стало какъ-то еще обиднѣе. Къ шести часамъ, кромѣ горѣвшихъ лампъ, въ комнату внесены были свѣчи. Слуга не подумалъ однакожь внести ихъ тотчасъ же какъ я пріѣхалъ. Въ сосѣдней комнатѣ обѣдали, на разныхъ столахъ, два какихъ-то мрачныхъ посѣтителя, сердитые съ виду и молчавшіе. Въ одной изъ дальнихъ комнатъ было очень шумно; даже кричали; слышенъ былъ хохотъ цѣлой ватаги людей; слышались какіе-то скверные французскіе взвизги: обѣдъ былъ съ дамами. Однимъ словомъ, было очень тошно. Рѣдко я проводилъ болѣе сверную минуту, такъ что, когда они, ровно въ шесть часовъ, явились всѣ разомъ, я, на первый мигъ, обрадовался имъ, какъ какимъ-то освободителямъ и чуть не забылъ, что обязанъ смотрѣть обиженнымъ.

Звѣрковъ вошелъ впереди всѣхъ, видимо предводительствуя. И онъ и всѣ они смѣялись; но, увидя меня, Звѣрковъ пріосанился, подошелъ неторопливо, нѣсколько перегибаясь въ тальфъ, точно кокетничая, и подалъ мнѣ руку, ласково, но не очень, съ какой-то осторожной, чуть не генеральской вѣжливостію, точно, подавая руку, оберегалъ себя отъ чего-то. Я воображалъ, напротивъ, что онъ тотчасъ же какъ войдетъ захохочетъ своимъ прежнимъ хохотомъ, тоненькимъ и со взвизгами, и съ первыхъ же словъ пойдутъ ялоскія его шутки и остроты. Къ нимъ-то я и готовился еще съ вечера, но никакъ ужъ не ожидалъ я такого свѣсока, такой превосходительной ласки. Стало быть

онъ ужь вполнѣ считалъ себя теперь неизмѣримо выше меня во всѣхъ отношеніяхъ? Еслибъ онъ только обидѣть меня хотѣлъ этимъ генеральствомъ, то ничего еще, думалъ я; я бы какъ нибудь тамъ отплевался. Но что если и въ самомъ дѣлѣ, безъ всякаго желанья обидѣть, въ его баранью башку серьезно заползла идея, что онъ неизмѣримо выше меня, и можетъ на меня смотрѣть не иначе, какъ только съ покровительствомъ? (Отъ одного этого предположенія я уже сталъ задыхаться.

— Я съ удивленіемъ узналъ о вашемъ желаніи участвовать съ нами, — началъ онъ сюсюкивая и пришепетывая и растягивая слова, чего прежде съ нимъ не бывало. — Мы съ вами какъ-то все не встрѣчались. Вы насъ дичитесь. Напрасно. Мы не такъ страшны, какъ вамъ кажется. Ну-съ, во всякомъ случаѣ радъ во-зоб-но-вить...

И онъ небрежно повернулся положить на окно шляпу.

— Давно ждете? спросилъ Трудолюбовъ.

— Я пріѣхалъ ровно въ пять часовъ, какъ мнѣ вчера назначили, — отвѣчалъ я громко и съ раздраженіемъ, обѣщавшимъ близкій взрывъ.

— Развѣ ты не далъ ему знать, что перемѣнили часы? оборотился Трудолюбовъ къ Симонову.

— Не далъ. Забылъ, — отвѣчалъ тотъ, но безъ всякаго раскаянія и, даже не извинившись передо мной, пошелъ распоряжаться закуской.

— Такъ вы здѣсь ужь часъ, ахъ бѣдный! — вскрикнулъ насмѣшливо Звѣрковъ, потому что по его понятіямъ это дѣйствительно должно было быть ужасно смѣшно. За нимъ, подленькимъ, звонкимъ, какъ у собаченки голоскомъ, закатился подлецъ Ферфичкинъ. Очень ужь и ему показалось смѣшно и конфузно мое положеніе.

— Это вовсе не смѣшно! закричалъ я Ферфич-

кину, раздражаясь все болѣе и болѣе;—виноваты другіе, а не я. Миѣ пренебрегли дать знать. Это-это-это... просто нелѣпо.

— Не только нелѣпо, а и еще что нибудь,—проворчалъ Трудолюбовъ, наивно за меня заступаясь.—Вы ужь слишкомъ мягки. Просто невѣжливость. Конечно неумышленная. И какъ это Симоновъ... гм!

— Еслибъ со мной этакъ сыграли, замѣтилъ Ферфичкинъ, я-бы...

— Да вы бы велѣли себѣ чего нибудь подать, перебилъ Звѣрковъ, или просто спросили бы объдать, не дожидаясь.

— Согласитесь, что я бы могъ это сдѣлать безъ всякаго позволенія, отрѣзалъ я. Если я ждалъ, то...

— Садимся, господа, закричалъ вошедшій Симоновъ; все готово; за шампанское отвѣчаю, отлично заморожено... Вѣдь я вашей квартиры не зналъ, гдѣ-жъ васъ отыскивать? оборотился онъ вдругъ ко миѣ, но опять какъ-то не глядя на меня. Очевидно онъ имѣлъ что-то противъ. Знать послѣ вчерашняго надумался.

Всѣ сѣли; сѣлъ и я. Столъ былъ круглый. По лѣвую руку отъ меня пришелся Трудолюбовъ, по правую Симоновъ. Звѣрковъ сѣлъ напротивъ; Ферфичкинъ подлѣ него, между нимъ и Трудолюбовымъ.

— Ска-а-ажите, вы... въ департаментѣ? продолжалъ заниматься мною Звѣрковъ. Видя, что я сконфуженъ, онъ серьезно вообразилъ, что меня надо обласкать, и такъ сказать, ободрить. «Чтожъ онъ, хочетъ что ли, чтобъ я въ него бутылкой пустилъ», подумалъ я въ бѣшенствѣ. Раздражался я, съ непривычки, какъ-то неестественно скоро.

— Въ ...й канцеляріи, отвѣтилъ я отрывисто, глядя въ тарелку.

— И... ввамъ ввыгодно? Ска-ажите, что васъ паанудило оставить прежнюю службу?

— То и па-а-анудило, что захотѣлось оставить прежнюю службу, протянулъ я втрое больше, уже почти не владѣя собою. Ферфичкинъ фыркнулъ. Симоновъ иронически посматрѣлъ на меня; Трудолюбовъ остановился ѣсть и сталъ меня разсматривать съ любопытствомъ.

Звѣркова покорило, но онъ не хотѣлъ замѣтить.

— Ну-у-у, а какъ ваше содержаніе?

— Какое это содержаніе?

— То-есть, ж-жалованье?

— Да что вы меня экзаменуете!

Впрочемъ я тутъ же и назвалъ сколько получаю жалованья. Я ужасно краснѣлъ.

— Небогато,—важно замѣтилъ Звѣрковъ.

— Да-съ, нельзя въ кафе-ресторанахъ обѣдать! нагло прибавилъ Ферфичкинъ.

— По моему такъ даже просто бѣдно,—серьезно замѣтилъ Трудолюбовъ.

— И какъ вы похудѣли, какъ перемѣнились... съ тѣхъ поръ... прибавилъ Звѣрковъ, уже не безъ яду, съ какимъ-то нахальнымъ сожалѣніемъ, разсматривая меня и мой костюмъ.

— Да полно конфузить-то—хихикая вскрикнулъ Ферфичкинъ.

— Милостивый государь, знайте, что я не конфужусь,—прорвался я наконецъ,—слышите-съ! Я обѣдаю здѣсь, «въ кафе-ресторанѣ» на свои деньги, на свои, а не на чужія, замѣтьте это м-г Ферфичкинъ.

— Ка-акъ! кто жъ это здѣсь не на свои обѣдаетъ? Вы какъ будто... вцѣпился Ферфичкинъ, покраснѣвъ какъ ракъ и съ остервененіемъ смотря мнѣ въ глаза.

— Та-акъ, — ствѣчалъ я, чувствуя, что далеко зашелъ, — и полагаю, что лучше бы намъ завятыся разговоромъ поумнѣй.

— Вы, кажется, намѣреваетесь вашъ умъ показывать?

— Не беспокойтесь, это было бы совершенно здѣсь лишнее.

— Да вы это, что, сударь вы мой, раскудахтались — а? вы не съ ума ли ужь спятили, въ вашемъ департаментѣ?

— Довольно, господа, довольно! закричалъ всевластно Звѣрковъ.

— Какъ это глупо! проворчалъ Симоновъ.

— Дѣйствительно глупо, мы собрались въ дружеской компаніи, чтобъ проводить въ вояжъ дорогого пріятеля, а вы считаетесь, заговорилъ Трудолюбовъ, грубо обращаясь ко мнѣ одному. Вы къ намъ сами вчера напросились, не разстроивайте же общей гармоніи...

— Довольно, довольно, кричалъ Звѣрковъ. — Перестаньте господа, это нейдетъ. А вотъ я вамъ, лучше расскажу, какъ я третьяго дня чуть не женился...

И вотъ начался какой-то пашквиль о томъ какъ этотъ господинъ третьяго-дня чуть не женился. О женитьбѣ впрочемъ не было ни слова, но въ рассказѣ все мелькали генералы, полковники и даже камеръ-юнкеры, а Звѣрковъ между ними чуть не въ главѣ. Начался одобрителный смѣхъ; Ферфичкинъ даже взвизгивалъ.

Всѣ меня бросили и я сидѣлъ раздавленный и уничтоженный.

— Господи, мое-ли это общество! думалъ я. И какимъ дуракомъ я выставилъ себя самъ передъ ними! Я однакожь много позволилъ Ферфичкину. Думаютъ балбесы, что честь мнѣ сдѣлали давъ

мѣсто за своимъ столомъ, тогда какъ не понимаютъ, что это я, я имъ дѣлаю честь, а не мнѣ они! «Похудѣлъ! Костюмъ!» О проклятые панталоны! Звѣрковъ еще давеча замѣтилъ желтое пятно на колѣнкѣ... Да чего тутъ! Сейчасъ-же, сію минуту встать изъ-за стола, взять шляпу и просто уйти, не говоря ни слова... Изъ презрѣнья! А завтра хоть на дуэль. Подлецы. Вѣдь не семи же рублей мнѣ жалѣть. Пожалуй подумаютъ.... Чортъ возьми! Не жаль мнѣ семи рублей! Сію минуту уйду!..

Разумѣется я остался.

Я пилъ съ горя лафитъ и хересь стаканами. Съ непривычки быстро хмѣлѣлъ, а съ хмѣлемъ росла и досада. Мнѣ вдругъ захотѣлось оскорбить ихъ всѣхъ самымъ дерзкимъ образомъ и потомъ ужъ уйти. Улучить минуту и показать себя: пусть-же скажутъ: хоть и смѣшонъ, да умень... и... и... однимъ словомъ, чортъ съ ними!

Я нагло обвелъ ихъ всѣхъ осоловѣлыми глазами. Но они точно ужъ меня позабыли совсѣмъ. У нихъ было шумно, крикливо, весело. Говорилъ все Звѣрковъ. Я началъ прислушиваться. Звѣрковъ рассказывалъ о какой-то пышной дамѣ, которую онъ довелъ таки, наконецъ, до признанья (разумѣется лгалъ какъ лошадь) и что въ этомъ дѣлѣ особенно помогалъ ему его интимный другъ, какой-то князекъ, гусарь Коля, у котораго три тысячи душъ.

— А между тѣмъ этого Коли, у котораго три тысячи душъ, здѣсь нѣтъ какъ нѣтъ, проводить-то васъ — ввязался я вдругъ въ разговоръ. На минуту всѣ замолчали.

— Вы ужъ о сию пору пьяны, — согласился наконецъ замѣтить меня Трудолобовъ, презрительно наклонивъ въ мою сторону. Звѣрковъ молча раз-

сматривалъ меня какъ букашку. Я опустилъ глаза. Симоновъ поскорѣй началъ разливать шампанское.

Трудолюбовъ поднялъ бокаль, за нимъ всѣ, кромѣ меня.

— Твое здоровье и счастливаго пути! — крикнулъ онъ Звѣркову; — за старыя годы, господа, за наше будущее, ура!

Всѣ выпили и полезли цѣловаться съ Звѣрковымъ. Я не трогался; полный бокаль стоялъ передо мной непочатымъ.

— А вы развѣ не станете пить? заревѣлъ потерявшій терпѣніе Трудолюбовъ, грозно обращаясь ко мнѣ.

— Я хочу сказать спичъ съ своей стороны, особо... и тогда выпью, господинъ Трудолюбовъ.

— Противная злючка! проворчалъ Симоновъ.

Я выпрямился на стулѣ и взялъ бокаль въ ладонь, готовясь къ чему-то необыкновенному, самъ еще не зная, что именно я скажу.

— Silence! — крикнулъ Ферфпчинъ. — То-то ума-то будетъ! Звѣрковъ ждалъ очень серьезно, понимая въ чемъ дѣло.

— Господинъ поручикъ Звѣрковъ, началъ я, знайте, что я ненавижу фразу, фразеровъ и талы съ перехватами... Это первый пунктъ, а за симъ послѣдуетъ второй.

Всѣ сильно пошевелились.

— Второй пунктъ: ненавижу клубничку и клубничниковъ. И особенно клубничниковъ!

— Третій пунктъ: люблю правду, искренность и честность, продолжалъ я почти машинально, потому что самъ начиналъ ужь леденѣть отъ ужаса, не понимая какъ это я такъ говорю... — Я люблю мысль, М-ье Звѣрковъ; я люблю настоящее товарищество, на равной ногѣ, а не... гм... Я люблю... А впрочемъ отчегожъ? И я выпью за ваше здоровье.

М-ье Звѣрковъ. Прельщайте черкешенокъ, стрѣляйте враговъ отечества и... и... За ваше здорье М-ье Звѣрковъ!

Звѣрковъ всталъ со стула, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Очень вамъ благодаренъ.

Онъ былъ ужасно обиженъ и даже поблѣднѣлъ.

— Чортъ возьми, заревѣлъ Трудолобовъ, ударивъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ-съ, за это по рожѣ бьютъ! — взвизгнулъ Ферфичкинъ.

— Выгнать его надо! проворчалъ Симоновъ.

— Ни слова, господа, ни жеста! торжественно крикнулъ Звѣрковъ, останавливая общее негодование. Благодарю васъ всѣхъ, но я самъ съумѣю доказать ему насколько цѣню его слова.

— Господинъ Ферфичкинъ, завтра-же вы мнѣ дадите удовлетворенье за ваши сейчаснія слова! громко сказалъ я, важно обращаясь къ Ферфичкину.

— То есть дуэль-съ? Извольте-съ, отвѣчалъ тотъ, но вѣрно я былъ такъ смѣшонъ вызывая, и такъ это не шло къ моему фигурѣ, что всѣ, а за всѣми и Ферфичкинъ, такъ и легли со смѣху.

— Да конечно бросить его! Вѣдь совсѣмъ ужъ пьянъ! съ омерзениемъ проговорилъ Трудолобовъ.

— Никогда не прощу себѣ, что его записалъ! проворчалъ опять Симоновъ.

— Вотъ теперь-бы и пустить бутылкой во всѣхъ подумалъ я, взялъ бутылку и... налилъ себѣ полный стаканъ.

...Нѣтъ, лучше досижу до конца! продолжалъ я думать, — вы были-бы рады, господа, чтобъ я ушелъ. Ни за что. Нарочно буду сидѣть и пить до конца, въ знакъ того, что не придаю вамъ ни малѣйшей важности. Буду сидѣть и пить, потому-

что здѣсь кабакъ, а я деньги за входъ заплатилъ. Буду сидѣть и пить, потому что васъ за пѣшекъ считаю, за пѣшекъ не существующихъ. Буду сидѣть и пить... и пѣть если захочу, да-съ и пѣть, потому что право такое имѣю... чтобъ пѣть.. гм.

Но я не пѣлъ. Я старался только ни на кого изъ нихъ не глядѣть; принималъ независимѣйшія позы, и съ нетерпѣньемъ ждалъ когда со мной они сами, *первые*, заговорятъ. Но увы, они не заговорили. И какъ-бы, какъ-бы я желалъ въ эту минуту съ ними помириться! Пробыло восемь часовъ, наконецъ девять. Они перешли со стола на диванъ. Звѣрковъ разлегся на кушеткѣ, положивъ одну ногу на круглой столикъ. Туда перенесли и вино. Онъ дѣйствительно выставилъ имъ три бутылки своихъ. Меня разумѣется не пригласилъ. Всѣ обсѣли его на диванѣ. Они слушали его чуть не съ благоговѣньемъ. Видно было, что его любили. «За что? за что?» думалъ я про себя. Изрѣдка они приходили въ пьяный восторгъ и цаловались. Они говорили о Кавказѣ, о томъ что такое истинная страсть, о гальбикѣ, о выгодныхъ мѣстахъ по службѣ; о томъ сколько доходу у гусара Подхаржевскаго, котораго никто изъ нихъ не зналъ лично и радовались, что у него много доходу; о необыкновенной красотѣ и граціи княгини Д-й котору тоже никто изъ нихъ никогда не видалъ; наконецъ дошло до того, что Шекспиръ безсмертенъ.

Я презрительно улыбался и ходилъ по другой сторону комнаты, прямо противъ дивана, вдоль стѣны, отъ стола до печки и обратно. Всѣми силами я хотѣлъ показать, что могу и безъ нихъ обойтись; а между тѣмъ нарочно стучалъ сапогами, становясь на каблуки. Но все было напрасно. Они-то и не обращали вниманія. Я имѣлъ терпѣнье проходить такъ, прямо передъ ними, съ

восьми до одиннадцати часовъ, все по одному и тому-же мѣсту, отъ стола до печки и отъ печки обратно къ столу: «Такъ, хожу себѣ и никто не можетъ мнѣ запретить.» Входившій въ комнату слуга нѣсколько разъ останавливался смотрѣть на меня; отъ частыхъ оборотовъ у меня кружилась голова; минутами мнѣ казалось, что я въ бреду. Въ эти три часа я три раза вспотѣлъ и просохъ. Порой съ глубочайшею, съ ядовитою болью вонзалась въ мое сердце мысль: что пройдетъ десять лѣтъ, двадцать лѣтъ, сорокъ лѣтъ, а я все-таки, хоть и черезъ сорокъ лѣтъ, съ отвращеніемъ и съ униженіемъ вспомню объ этихъ грязнѣйшихъ, смѣшнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ минутахъ изъ всей моей жизни. Безсовѣстнѣе и добровольнѣе унижать себя самому было ужъ невозможно, и я вполне, вполне понималъ это и все-таки продолжалъ ходить отъ стола до печки и обратно. «О еслибъ вы только знали на какія чувства и мысли способенъ я, и какъ я развить!» думалъ я минутами, мысленно обращаясь къ дивану, гдѣ сидѣли враги мои. Но враги мои вели себя такъ какъ будто меня и не было въ комнатѣ. Разъ, одинъ только разъ они обернулись ко мнѣ, именно когда Звѣрковъ заговорилъ о Шекспирѣ, а я вдругъ, презрительно захохоталъ. Я такъ выдѣланно и гадко фыркнулъ что они всѣ разомъ прервали разговоръ и молча наблюдали минуты двѣ, серьезно, не смѣясь, какъ я хожу по стѣнкѣ, отъ стола до печки и какъ я *не обращаю на нихъ никакого вниманія*. Но ничего не вышло: они не заговорили и черезъ двѣ минуты опять меня бросили. Пробыло одиннадцать.

— Господа, закричалъ Звѣрковъ, подымаясь съ дивана, —теперь всѣ *туда*.

— Конечно, конечно! —заговорили другіе.

Я круто поворотилъ къ Звѣркову. Я былъ до

того измучень, до того изломанъ, что хотъ зарѣзаться, а покончить! У меня была лихорадка; смоченныя потомъ волосы присохли ко лбу и вискамъ.

— Звѣрковъ! я прошу у васъ прощенья, сказала я рѣзко и рѣшительно; — Ферфичкинъ, и у васъ тоже, у всѣхъ, у всѣхъ, я обидѣлъ всѣхъ!

— Ага! дуэль-то не свой братъ!—ядовито прошипѣлъ Ферфичкинъ.

Меня больно рѣзнуло по сердцу.

— Нѣтъ я не дуэли боюсь, Ферфичкинъ! Я готовъ съ вами же завтра драться, уже послѣ примиренія. Я даже настаиваю на этомъ и вы не можете мнѣ отказать. Я хочу довазать вамъ, что я не боюсь дуэли. Вы будете стрѣлять первый, а я выстрѣлю на воздухъ.

— Самъ себя тѣшить,—замѣтилъ Симоновъ.

— Просто сбрендилъ! отозвался Трудолюбовъ.

— Да позвольте пройти, что вы поперегъ дороги стали! Ну чего вамъ надобно?—презрительно отвѣчалъ Звѣрковъ. Всѣ они были красные; глаза у всѣхъ блистали: много пили.

— Я прошу вашей дружбы, Звѣрковъ, я васъ обидѣлъ но...

— Обидѣли? В-вы! Ми-ня! Знайте, милостивый государь, что вы никогда и не при какихъ обстоятельствахъ не можете меня обидѣть!

— И довольно съ васъ, прочь!—скрѣпилъ Трудолюбовъ.—Ѣдемъ!

— Олимпія моя, господа, уговоръ! крикнулъ Звѣрковъ.

— Не оспариваемъ! не оспариваемъ! отвѣчали ему, смѣясь.

Я стоялъ оплеванный. Ватага шумно выходила изъ комнаты, Трудолюбовъ затянулъ какую-то глупую пѣсню. Симоновъ остался на крошечную ми-

нутку, чтобъ дать на чай слугамъ. Я вдругъ по-
дошелъ къ нему.

— Симоновъ! дайте мнѣ шесть рублей!—сказалъ
я рѣшительно и отчаянно.

Онъ поглядѣлъ на меня въ чрезвычайномъ изу-
мленіи, какими-то тупыми глазами. Онъ тоже былъ
пьянъ.

— Да развѣ вы и *туда* съ нами?

— Да!

— У меня денегъ нѣтъ!—отрѣзалъ онъ, пре-
зрительно усмѣхнулся и пошелъ изъ комнаты.

Я схватилъ его за шивель. Это былъ кошмаръ.

— Симоновъ! я видѣлъ у васъ деньги, зачѣмъ
вы мнѣ отказываете? Развѣ я подлецъ? Берегитесь
мнѣ отказать: еслибъ вы знали, еслибъ вы знали
для чего я прошу! Отъ этого зависитъ все, все мое
будущее, всѣ мои планы..

Симоновъ вынулъ деньги и чуть не бросилъ ихъ
мнѣ.

— Возьмите, если вы такъ безсовѣстны! — без-
жалостно проговорилъ онъ и побѣждалъ догонять
ихъ.

Я остался на минуту одинъ. Безпорядокъ, объ-
ѣдки, разбитая рюмка на полу, пролитое вино,
окурки папирось, хмѣль и бредъ въ головѣ му-
чительная тоска въ сердцѣ, и наконецъ ласкѣй все
видѣвшій и все слышавшій и любопытно загляды-
вавшій мнѣ въ глаза.

— *Туда!* вскрикнулъ я, «Или они всѣ на колѣ-
нахъ, обнимая ноги мои будутъ вымалпвать моей
дружбы, или... или я дамъ Звѣркову пощочину!»

V.

— Такъ вотъ оно, такъ вотъ оно, наконецъ, столкновенье-то съ дѣйствительностью, — бормоталъ я, сбѣгая стремглавъ съ лѣстницы. — Это знать ужъ не папа, оставляющій Римъ и уѣзжающій въ Бразилію; это знать ужъ не балъ на озерѣ Комо!

— Подлецъ ты! — пронеслось въ моей головѣ, коли надъ этимъ теперь смѣешься.

— Пусть! крикнулъ я, отвѣчая себѣ. — Теперь вѣдь ужъ все погибло!

Ихъ ужъ и слѣдъ простылъ; но все равно; я зналъ куда они поѣхали.

У крыльца стоялъ одинокій ванька, ночникъ, въ сермягѣ, весь запорошенный все еще валившимъсь мокрымъ и какъ будто теплымъ снѣгомъ. Было парно и душно. Маленькая лохматая, пѣгая лошаденка его была тоже вся запорошена и кашляла; я это очень помню. Я бросился въ лубошныя санки; но только было я занесъ ногу, чтобъ сѣсть, воспоминаніе о томъ какъ Симоновъ сейчасъ давалъ мнѣ шесть рублей, такъ и подкосило меня, и я какъ мѣшокъ повалился въ санки.

— Нѣтъ! Надо много сдѣлать, чтобъ все это выкупить! прокричалъ я; но я выкуплю, или, въ эту же ночь погибну на мѣстѣ. Пошелъ!

Мы тронулись. Цѣлый вихрь кружился въ моей головѣ:

— На колѣнахъ умолять о моей дружбѣ, — они не станутъ. Это миражъ, пошлый миражъ, отвратительный, романтическій и фантастическій; тотъ же балъ на озерѣ Комо. И потому я *долженъ* дать Звѣркову пощочину! Я обязанъ дать. Итакъ рѣшено; я лечу теперь дать ему пощочину — Погоняй!

Ванька задергалъ возжами.

— Какъ войду такъ и дамъ. Надъ бо-ли ска-

звать передъ пощочиной нѣсколько словъ, въ видѣ предисловія? Нѣтъ! Просто войду и дамъ. Они всѣ будутъ сидѣть въ залѣ, а онъ на диванѣ съ Олимпіей. Проклятая Олимпія! Она смѣялась разъ надъ моимъ лицомъ и отказалась отъ меня. Я оттаскаю Олимпію за волосы, а Звѣркова за уши! Нѣтъ, лучше за одно ухо и за ухо проведу его по всей комнатѣ. Они, можетъ быть, всѣ начнутъ меня бить и вытолкаютъ. Это даже навѣрно. Пусть! Все-же я первый далъ пощочину: моя инициатива; а по законамъ чести это все: онъ уже заклеименъ и никакими побоями ужь не смоетъ съ себя пощочины, кромѣ какъ дуэлью. Онъ долженъ будетъ драться. Да и пусть они теперь бьютъ меня. Пусть, неблагородные! Особенно будетъ бить Трудолюбовъ: онъ такой сильный, Ферфичкинъ прицѣпится съ боку и непременно за волосы, навѣрно. Но пусть, пусть! Я на то пошелъ. Ихъ бараньи башки принуждены же будутъ раскусить наконецъ во всемъ этомъ трагическое! Когда они будутъ тащить меня къ дверямъ, я крикну имъ, что въ сущности они не стоятъ моего одного мизинца. Погоняй извошчикъ, погоняй! кричалъ я на Ваньку. Онъ даже вздрогнулъ и взмахнулъ кнутомъ. Очень ужь дико я крикнулъ.

На разсвѣтѣ деремся, это ужь рѣшено. Съ департаментомъ кончено. Ферфичкинъ сказалъ давеча вмѣсто департамента департаментъ. Но гдѣ взять пистолетовъ? Вздоръ! Я возьму впередъ жалованья и куплю. А пороху, а пуль? Это дѣло секунданта. И какъ успѣть все это къ разсвѣту? И гдѣ я возьму секунданта? У меня нѣтъ знакомыхъ... Вздоръ! крикнулъ я, взвизываясь еще больше, вздоръ! Первый встрѣчный на улицѣ, къ которому я обращаюсь, обязанъ быть моимъ секундантомъ, точно также какъ вытащить изъ воды утопающаго. Са-

мые эксцентрическіе случаи должны быть допущены. Да еслибъ я самого даже директора завтра попросилъ въ секунданты, то и тотъ долженъ бы былъ согласиться, изъ одного рыцарскаго чувства, и сохранить тайну!—Антонъ Антонычъ...

Дѣло въ томъ, что въ ту же самую минуту мнѣ яснѣе и ярче, чѣмъ кому-бы то ни было во всемъ мірѣ, представлялась вся гнуснѣйшая нелѣпость моихъ предположеній и весь оборотъ медали, но...

— Погоняй, извощикъ, погоняй шельмецъ, погоняй!

— Эхъ баринъ! проговорила земская сила.

Холодъ вдругъ обдалъ меня.

А не лучше-ли... а не лучше-ли... прямо теперь-же домой? О Боже мой! зачѣмъ, зачѣмъ вчера я вызвался на этотъ обѣдъ! Но нѣтъ, невозможно! А прогулка-то три часа отъ стола до печки? Нѣтъ, они, они, а не кто другой должны расплатиться со мною за эту прогулку! Они должны смыть это безчестіе! Погоняй!

— А что если они меня въ часть отдадутъ? Не посмѣютъ? Скандала побоятся. А что если Звѣрковъ изъ презрѣнья откажется отъ дуэля? Это даже навѣрно; но я докажу имъ тогда... Я брошусь тогда на почтовый дворъ, когда онъ будетъ завтра уѣзжать, схвачу его за ногу, сорву съ него шинель, когда онъ будетъ въ повозку влѣзать. Я зубами вцѣплюсь ему въ руку, я укушу его. «Смотрите всѣ, до чего можно довести отчаяннаго человѣка!» Пусть онъ бьетъ меня въ голову, а всѣ они сзади. Я всей публикѣ крикну: смотрите, вотъ молодой щенокъ, который ѣдетъ плѣнять черкешенокъ съ моимъ плевкомъ на лицѣ!

Разумѣется послѣ этого все уже кончено! Департаментъ исчезъ съ лица земли. Меня схватятъ,

меня будутъ судить, меня выгонять изъ службы, посадятъ въ острогъ, пошлютъ въ Сибирь, на поселеніе. Нужды нѣтъ! Черезъ пятнадцать лѣтъ я потащусь за нимъ въ рублищѣ, нищимъ, когда меня выпустятъ изъ острога. Я отыщу его гдѣ нибудь въ губернскомъ городѣ. Онъ будетъ женатъ и счастливъ. У него будетъ взрослая дочь... Я скажу: смотри извергъ, смотри на мои ввалившіяся щеки и на мое рублище! Я потерялъ все, — карьеру, счастье, искусство, науку, *любимую женщину*, и все изъ-за тебя. Вотъ пистолеты. Я пришелъ разрядить свой пистолетъ и... и прощаю тебя. Тутъ я выстрѣлю на воздухъ и обо мнѣ ни слуху, ни духу... Я было даже заплакалъ, хотя совершенно точно зналъ, въ это же самое мгновеніе, что все это изъ Сильвіо и изъ Маскарада Лермонтова. И вдругъ мнѣ стало ужасно стыдно, до того стыдно, что я остановилъ лошадь, вылезъ изъ саней и сталъ въ снѣгъ среди улицы. Ванька съ изумленіемъ и вздыхая смотрѣлъ на меня.

Что было дѣлать? И туда было нельзя — выходилъ вздоръ: и оставить дѣла нельзя, потому что ужъ тутъ выйдетъ... Господи! Какъ же это можно оставить! И послѣ такихъ обидъ! Нѣтъ! вскрикнулъ я, снова кидаясь въ сани: это предназначено, это рокъ! погоняй, погоняй, туда!

И въ нетерпѣніи я ударилъ кулакомъ извозчика въ шею.

— Да что ты, чего дерешься? закричалъ мужичонка, стегая однакожь клячу, такъ что та начала лягаться задними ногами.

Мокрый снѣгъ валилъ хлопьями; я раскрылся, мнѣ было не до него. Я забылъ все прочее, потому что окончательно рѣшился на пощочину, и съ ужасомъ ощущалъ, что это вѣдь ужъ *непремѣнно, сейчасъ* теперь случится и *ужь никакими силами*

остановить нельзя. Пустынные фонари угрюмо мелькали въ снѣжной мглѣ, какъ факелы на похоронахъ. Снѣгъ набился мнѣ подъ шинель, подъ сюртукъ, подъ галстухъ и тамъ таялъ; я не закрывался: вѣдь ужъ и безъ того все было потеряно! Наконецъ мы подѣхали. Я выскочилъ почти безъ памяти, взбѣжалъ по ступенькамъ и началъ стучать въ дверь руками и ногами. Особенно ноги, въ колѣнкахъ, у меня ужасно слабѣли. Какъ-то скоро отворили; точно знали о моемъ приѣздѣ. (Дѣйствительно Симоновъ предупредилъ, что можетъ быть еще будетъ одинъ, а здѣсь надо было предупредомлять и вообще брать предосторожности. Это былъ одинъ изъ тѣхъ тогдашнихъ «модныхъ магазиновъ,» которые давно уже теперь истреблены полиціей. Днемъ и въ самомъ дѣлѣ это былъ магазинъ; а по вечерамъ, имѣющимъ рекомендацію, можно было приѣзжать въ гости). Я прошелъ скорыми шагами черезъ темную лавку въ знакомый мнѣ залъ, гдѣ горѣла всего одна свѣчка и остановился въ недоумѣніи: никого не было.

— Гдѣ-же они?—спросилъ я кого-то.

Но они, разумѣется, уже успѣли разойтись....

Передо мной стояла одна личность, съ глупой улыбкой, сама хозяйка, отчасти меня знавшая. Черезъ минуту отворилась дверь и вошла другая личность.

Не обращая ни на что вниманія я шагаль по комнатѣ и кажется говорилъ самъ съ собой. Я былъ точно отъ смерти спасенъ и всѣмъ существомъ своимъ радостно это предчувствовалъ: вѣдь я бы далъ пощочину, я бы непременно, непременно далъ пощочину! Но теперь ихъ нѣтъ и... все исчезло, все перемѣнилось!.. Я оглядывался. Я еще не могъ сообразить. Машинально я взглянулъ на вошедшую дѣвушку: передо мной мелькнуло свѣжее,

молодое, нѣсколько блѣдное лицо, съ прямыми темными бровями, съ серьезнымъ и какъ бы нѣсколько удивленнымъ взглядомъ. Мнѣ это тотчасъ же понравилось; я бы возненавидѣлъ ее, еслибъ она улыбалась. Я сталъ взглядываться пристальнѣе и какъ бы съ усиленіемъ: мысли еще не всѣ собрались. Что-то простодушное и доброе было въ этомъ лицѣ, но какъ-то до странности серьезное. Я увѣренъ, что она этимъ здѣсь проигрывала и изъ тѣхъ дураковъ ее никто не замѣтилъ. Впрочемъ она не могла назваться красавицей, хоть и была высокаго роста, сильна, хорошо сложена. Одѣта чрезвычайно просто. Что-то гадкое укусило меня; я подошелъ прямо къ ней...

Я случайно поглядѣлся въ зеркало. Вздвараженное лицо мое мнѣ показалось до крайности отвратительнымъ: блѣдное, злое, подлое, съ лохматыми волосами. «Это пусть, этому я радъ, подумаль я; я именно радъ, что покажусь ей отвратительнымъ; мнѣ это пріятно»...

VI.

...Гдѣ-то за перегородкой, какъ будто отъ какого-то сильнаго давленія, какъ-будто кто-то душилъ ихъ—захрипѣли часы. Послѣ неестественно долгого хрипѣнья послѣдовалъ тоненькій, гаденькій и какъ-то неожиданно-частый звонъ,—точно кто-то вдругъ впередъ выскочилъ. Пробило два. Я очнулся, хоть и не спалъ, а только лежалъ въ полузабытѣи.

Въ комнатѣ узкой, тѣсной и низкой, загроможденной огромнымъ платянымъ шкапомъ и заброшенной картонками, тряпьемъ и всяческимъ одежнымъ хламомъ,—было почти совсѣмъ темно. Ога-

рокъ, свѣтившій на столъ въ концѣ комнаты, со-
всѣмъ потухаль, изрѣдка чуть-чуть вспыхивая.
Черезъ нѣсколько минутъ должна была наступить
совершенная тьма.

Я приходилъ въ себя недолго; все разомъ, безъ
усилій, тотчасъ-же мнѣ вспомнилось, какъ будто
такъ и сторожило меня, чтобъ опять накинуться.
Да и въ самомъ забытїи все-таки въ памяти по-
стоянно оставалась какъ будто какая-то точка,
никакъ не забывавшаяся, около которой тяжело
ходили мои сонныя грезы. Но странно было: все,
что случилось со мной въ этотъ день, показалось
мнѣ теперь, по пробужденіи, уже давнымъ-давно
прошедшимъ, какъ будто я уже давно-давно вы-
жилъ изъ всего этого.

Въ головѣ былъ угаръ. Что-то какъ будто по-
силось надо мной и меня задѣвало, возбуждало и
безпокоило. Тоска и жолчь снова накали и ис-
кали исхода. Вдругъ, рядомъ со мной, я увидѣлъ
два открытые глаза, любопытно и упорно меня
разсматривавшіе. Взглядъ былъ холодно-безучаст-
ный, угрюмый, точно совсѣмъ чужой; тяжело отъ
него было.

Угрюмая мысль зародилась въ моемъ мозгу и
прошла по всему тѣлу какимъ-то сквернымъ ощу-
щеніемъ, похожимъ на то, когдаходишь въ под-
полье, сырое и затхлое. Какъ-то неестественно
было, что именно только теперь, эти два глаза
вздумали меня начать разсматривать. Вспомнилось
мнѣ тоже, что въ продолженіе двухъ часовъ я не
сказаль съ этимъ существомъ ни одного слова и
совершенно не счель этого нужнымъ; даже это
мнѣ давеча почему-то нравилось. Теперь же, мнѣ
вдругъ ярко представилась нелѣпая, отвратитель-
ная какъ паукъ, идея разврата, который безъ люб-
ви, грубо и безстыже, начинаетъ прямо съ того,

чѣмъ настоящая любовь вѣнчается. Мы долго смотрѣли такъ другъ на друга, но глазъ своихъ она, передъ моими, не опускала и взгляду своего не мѣняла, такъ что мнѣ стало наконецъ отчего-то жутко.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я отрывисто, чтобъ поскорѣй кончить.

— Лизой, отвѣтила она почти шопотомъ, но какъ-то совсѣмъ непривѣтливо и отвела глаза.

Я помолчалъ.

— Сегодня погода... снѣгъ... гадко! проговорилъ я почти про себя, тоскливо заложивъ руку за голову и смотря въ потолокъ. Она не отвѣчала. Безобразно все это было.

— Ты здѣшняя? спросилъ я черезъ минуту, почти въ сердцахъ, слегка поворачивъ къ ней голову.

— Нѣтъ.

— Откуда?

— Изъ Риги, — проговорила она нехотя.

— Нѣмка?

— Русская.

— Давно здѣсь?

— Гдѣ?

— Въ домѣ.

— Двѣ недѣли. Она говорила все отрывистѣе и отрывистѣе. Свѣчка совершенно потухла; я не могъ уже различать ея лица.

— Отецъ и мать есть?

— Да... нѣтъ... есть.

— Гдѣ они?

— Тамъ... въ Ригѣ.

— Кто они?

— Такъ...

— Какъ: такъ? Кто, какого званія?

— Мѣщане.

— Ты все съ ними жила?

— Да.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать.

— Зачѣмъ-же ты отъ нихъ ушла?

— Такъ...

— Это *такъ* означало: отвяжись, тошно. Мы замолчали.

Богъ знаетъ почему я не уходилъ. Мнѣ самому становилось все тошнѣе и тоскливѣе. Образы всего прошедшаго дня какъ-то сами собой, безъ моей воли, беспорядочно стали проходить въ моей памяти. Я другъ вспомнилъ одну сцену, которую видѣлъ утромъ на улицѣ, когда озабоченно трусилъ въ должность.

— Сегодня гробъ выносили и чуть не уронили, вдругъ проговорилъ я вслухъ, совсѣмъ и не желая начинать разговора, а такъ почти нечаянно.

— Гробъ?

— Да, на Сѣнной; выносили изъ подвала.

— Изъ подвала?

— Не изъ подвала, а изъ подвального этажа... ну знаешь... тамъ, внизу... изъ дурнаго дома... Грязь такая была кругомъ... Скорлупа, соръ... пахло... мерзко было.

Молчаніе.

— Скверно сегодня хоронить! началъ я опять, чтобы только не молчать.

— Чѣмъ скверно?

— Снѣгъ, мокрять... (Я зѣвнулъ).

— Все равно, вдругъ сказала она, послѣ нѣкотораго молчанья.

— Нѣтъ, гадко... (я опять зѣвнулъ). Могильщики вѣрно ругались, оттого что снѣгъ мочилъ. А въ могилѣ вѣрно была вода.

— Отчего въ могилѣ вода? спросила она съ ка-

кимъ-то любопытствомъ, но выговаривая еще грубѣе и отрывочнѣе чѣмъ прежде. Меня вдругъ что-то начало подзадоривать.

— Какъ же, вода, на днѣ, вершковъ на шесть. Тутъ ни одной могилы, на Волковомъ, сухой не вырешь.

— Отчего?

— Какъ отчего? Мѣсто водяное такое. Здѣсь вездѣ болото. Такъ въ воду и кладутъ. Я видѣлъ самъ... много разъ...

(Ни одного разу я не видалъ, да и на Волковомъ никогда не былъ, а только слышалъ какъ рассказывали).

— Неужели тебѣ все равно, умирать-то?

— Да зачѣмъ я помру? — отвѣчала она какъ-бы защищаясь.

— Когда нибудь да умрешь же и также точно умрешь, какъ давешняя покойница. Это была... тоже дѣвушка одна... Въ чахоткѣ померла.

— Дѣвка въ больницѣ бы померла... (Она ужь объ этомъ знаетъ подумалъ я, и сказала: дѣвка, а не дѣвушка).

— Она хозяйкѣ должна была, возразилъ я все болѣе и болѣе подзадориваясь споромъ, — и до самаго почти конца ей служила, хоть и въ чахоткѣ была. Извощики кругомъ говорили съ солдатами, рассказывали это. Вѣрно ея знакомые бывшіе. Смѣялись. Еще въ кабакѣ ее помянуть собирались. (Я и тутъ много привралъ.)

Молчаніе, глубокое молчаніе. Она даже не шевелилась.

— А въ больницѣ-то, лучше что-ль помирать?

— Не все-ль одно?.. Да съ чего мнѣ помирать? прибавила она раздражительно.

— Не теперь такъ потомъ?

— Ну и потомъ...

— Какъ-бы не такъ!—Ты вотъ теперь молода, хороша, свѣжа — тебя во столько и цѣнять. А черезъ годъ этой жизни ты не то ужъ будешь, увянешь.

— Черезъ годъ?

— Во всякомъ случаѣ черезъ годъ тебѣ будетъ меньше цѣна, продолжалъ я съ злорадствомъ. Ты и перейдешь отсюда куда нибудь ниже, въ другой домъ. Еще черезъ годъ—въ третій домъ, все ниже и ниже, а лѣтъ черезъ семь и дойдешь на Сѣнной до подвала. Это еще хорошо бы. А вотъ бѣда коль у тебя кромѣ того объявится какая болѣзнь, ну тамъ слабость груди... аль сама простудишься, али что нибудь. Въ такой жизни болѣзнь туго проходитъ. Привяжется, такъ пожалуй и не отвяжется. Вотъ и помрешь.

— Ну и помру, — отвѣтила она, совсѣмъ ужъ злобно и быстро пошевелинулась.

— Да вѣдь жалко.

— Кого?

— Жизни жалко.

Молчанье.

— У тебя былъ женихъ? а?

— Вамъ начто?

— Да я тебя не допытываю. Мнѣ что. Чего ты сердишься? У тебя конечно могли быть свои неприятности. Чего мнѣ? А такъ, жаль.

— Кого?

— Тебя жаль.

— Нечего... шепнула она чуть слышно, и опять шевелинулась.

Меня это тотчасъ-же подозлило. Какъ! я такъ было кротко съ ней, а она...

— Да ты что думаешь? На хорошей ты дороге, а?

— Ничего я не думаю.

— То и худо что не думаешь. Очнись пока время есть. А время то есть. Ты еще молода, собой хороша; могла бы полюбить, замужь пойти, счастливой быть...

— Не всё замужемь-то счастливыя, — отрѣзала она прежней грубой скороговоркой.

— Не всё, конечно, — а все-таки лучше гораздо, чѣмъ здѣсь. Невпримѣрь лучше. А съ любовью и безъ счастья можно прожить. И въ горѣ жизнь хороша, хорошо жить на свѣтѣ, даже какъ бы ни жить. А здѣсь что, кромѣ... смрада. Фу!

Я повернулся съ омерзеньемъ; я уже нехолодно резонерствовалъ. Я самъ начиналъ чувствовать что говорю и горячился. Я уже свои завѣтныя *идейки* въ углу выжитыя жаждалъ изложить. Что-то вдругъ во мнѣ загорѣлось, какая-то цѣль. «явилась.»

— Ты не смотри на меня что я здѣсь, я тебѣ не примѣрь. Я можетъ еще тебя хуже. Я, впрочемъ пьяный сюда зашелъ, постѣшилъ я все-таки оправдать себя. Къ тому жъ мужчина женщинѣ совсѣмъ не примѣрь. Дѣло розное; я хоть и гажу себя и мараю, да за то ни чей я не рабъ; былъ да пошелъ и нѣтъ меня. Страхнулъ съ себя и опять не тотъ. А взять-то, что ты съ перваго начала, раба. Да, раба! Ты все отдаешь, всю волю. И порвать потомъ эти цѣпи захочешь, да ужь нѣтъ: все крѣпче и крѣпче тебя будетъ опутывать. Это ужь такая цѣпь проклятая. Я ее знаю. Ужь о другомъ я и не говорю, ты и не поймешь, пожалуй, а вотъ скажи-ка: Вѣдь ты навѣрно ужь хозяйкѣ должна? Ну вотъ видишь! прибавилъ я, хотя она мнѣ не отвѣтила, а только молча всѣмъ существомъ своимъ слушала; — вотъ тебѣ и цѣпь! Ужь никогда не откупишься. Такъ сдѣлають. Все ровно что чорту душу...

...И въ тому жъ я... можетъ быть тоже, такой

же несчастный, почему ты знаешь, и нарочно въ грязь лѣзу, тоже съ тоски. Вѣдь пьютъ же съ горя: ну, а я вотъ здѣсь — съ горя. Ну скажи, ну что тутъ хорошаго: вотъ мы съ тобой... сошлись... давеча, и слова мы во все время другъ съ дружкой не молвили, и ты меня, какъ дикая, ужь потомъ разсматривать стала; и я тебя также. Развѣ такъ любятъ? Развѣ такъ человѣкъ съ человѣкомъ сходиться должны? Это безобразіе одно, вотъ что!

— Да! — рѣзко и поспѣшно она мнѣ поддакнула. Меня даже удивила поспѣшность этого *да*. Значить и у ней можетъ быть та же самая мысль бродила въ головѣ, когда она давеча меня разсматривала? Значить и она уже способна къ нѣкоторымъ мыслямъ?.. Чортъ возьми, это любопытно это — *сродни*, думалъ я, чуть не потирая себѣ руки. Да и какъ съ молодой такой душой не справиться!..

Болѣе всего меня игра увлекала.

Она повернула свою голову ближе ко мнѣ и, показалось мнѣ въ темнотѣ, подперлась рукой. Можетъ быть меня разсматривала. Какъ жалѣлъ я, что не могъ разглядѣть ея глазъ. Я слышалъ ея глубокое дыханье.

— Зачѣмъ ты сюда пріѣхала? — началъ я уже съ нѣкоторою властью.

— Такъ...

— А вѣдь какъ хорошо въ отцовскомъ-то домѣ жить! Тепло, привольно; гнѣздо свое.

— А коль того хуже?

Въ тонъ надо попасть, мелькнуло во мнѣ; сантиментальностью-то пожалуй не много возьмешь.

Впрочемъ это такъ только мелькнуло. Клянусь, она и въ самомъ дѣлѣ меня интересовала. Къ тому же я былъ какъ-то расслабленъ и настроенъ.

Да и плутовство вѣдь такъ легко уживается съ чувствомъ.

— Кто говоритъ! поспѣшилъ я отвѣтить;— все бываетъ. Я вѣдь вотъ увѣренъ, что тебя ктонибудь обидѣлъ и скорѣй передъ тобой виноваты чѣмъ ты передъ *ними*. Я вѣдь ничего изъ твоей исторіи не знаю, но такая дѣвушка какъ ты вѣрно не съ охоты своей сюда попадетъ...

— Какая такая я дѣвушка? прошептала она едва слышно; но я разслышалъ.

Чортъ возьми, да я льщу. Это гадко. А можетъ и хорошо... Она молчала.

— Видишь, Лиза,—я про себя скажу! Была бы у меня семья съ дѣтства, не такой бы я былъ какъ теперь. Я объ этомъ часто думаю. Вѣдь какъ бы ни было въ семьѣ худо—все отецъ съ матерью, а не враги, не чужіе. Хоть въ годъ разъ любовь тебѣ выкажутъ. Все-таки ты знаешь, что ты у себя. Я вотъ безъ семьи выросъ; оттого вѣрно такой и вышелъ... безчувственный.

Я выждалъ опять.

Пожалуй и не понимаетъ, думалъ я; да и смѣшно: — мораль.

— Еслибъ я былъ отецъ и была-бъ у меня своя дочь, я бы кажется дочь больше чѣмъ сыновою любилъ, право; — началъ я сбоку, точно не объ томъ, чтобъ развлечь ее. Признаюсь, я краснѣлъ.

— Это зачѣмъ? спросила она.

А, стало быть слушаетъ!

— Такъ; не знаю, Лиза. Видишь: я зналъ одного отца, который былъ строгій, суровый человѣкъ, а передъ дочерью на колѣнкахъ простаивалъ, руки-ноги ей цаловалъ, налюбоваться не могъ, право. Она танцуетъ на вечерѣ, а онъ стоитъ пять часовъ на одномъ мѣстѣ, съ нее глазъ не спускаетъ. Помѣшался на ней; я это понимаю.

Она ночью устанетъ—заснетъ; а онъ проснется и пойдетъ сонную ее цаловать и крестить. Самъ въ сертучишкѣ засаленомъ ходитъ, для всѣхъ скупой, а ей изъ послѣдняго покупаетъ, подарки даритъ богатые, и ужъ радость ему коль подарокъ понравится. Отецъ всегда дочерей больше любитъ, чѣмъ мать. Весело иной дѣвушкѣ дома жить! А я-бы кажется свою дочь и замужъ не выдавалъ.

— Да какъ же? спросила она, чуть-чуть смѣхнувшись.

— Ревноваль-бы, ей Богу. Ну какъ это другого она станетъ цаловать? чужого больше отца любить? Тяжело это и вообразить. Конечно все это вздоръ; конечно всякой подъ конецъ образумится. Но я-бы кажется, прежде чѣмъ отдать, ужъ одной заботой себя замучилъ: всѣхъ-бы жениховъ перебраковалъ. А кончилъ-бы все-таки тѣмъ, что выдалъ бы за того, кого она сама любитъ. Вѣдь тотъ, кого дочь сама полюбитъ, всегда всѣхъ хуже отцу кажется. Это ужъ такъ. Много изъ-за этого въ семьяхъ худа бываетъ.

— Другіе-то продать рады дочь, не то что честью отдать, проговорила она вдругъ.

А! вонъ оно что!

— Это Лиза, въ тѣхъ семьяхъ провлятыхъ, гдѣ ни Бога, ни любви не бываетъ, съ жаромъ подхватилъ я, а гдѣ любви не бываетъ, тамъ и разсудка не бываетъ. Такія есть семьи, правда, да я не объ нихъ говорю. Ты видно въ своей семьѣ не видала добра, что такъ говоришь. Подлинно несчастная ты какая нибудь. Гм... Больше по бѣдности все это бываетъ.

— А у господъ-то лучше что-ль? И по бѣдности честные люди хорошо живутъ.

— Гм... да. Можетъ быть. Опять и то, Лиза: человѣкъ только свое горе любить считать, а

счастья своего не считаетъ. А счель-бы какъ должно, такъ и увидѣль-бы что на всякую долю его запасено. Ну а что коли въ семьѣ все удастся, Богъ благословить, мужъ выйдетъ хорошій, любить тебя, лелѣть тебя, не отходить отъ тебя! хорошо въ той семьѣ! Даже, иной разъ, и съ горемъ пополамъ хорошо; да и гдѣ горя нѣтъ? Выйдешь, можетъ, замужъ, *сама узнаешь*. За то взять хоть первое-то время замужемъ за тѣмъ кого любишь: счастья-то, счастья-то сколько иной разъ придетъ! да и сплошь да рядомъ. Въ первое-то время даже и ссоры съ мужемъ хорошо кончаются. Иная сама, чѣмъ больше любить, тѣмъ больше ссоры съ мужемъ завариваетъ. Право; я зналъ такую: «такъ-вотъ, люблю дескать очень, и изъ любви тебя мучаю, а ты чувствуй.» Знаешь-ли, что изъ любви нарочно человѣка можно мучить? Все больше женщины. А сама про себя думаетъ: «За то ужъ такъ буду потомъ любить, такъ заласкаю, что не грѣхъ теперь и помучить». И въ домъ всѣ на васъ радуются, и хорошо, и весело, и мирно и честно... Вотъ другія тоже ревнивы бываютъ. Уйдетъ онъ куда, я зналъ одну, не стерпитъ, да въ самую ночь и выскочить, да и бѣжить потихоньку смотрѣть: не тамъ-ли, не въ томъ-ли домѣ, не съ той-ли? Это ужъ худо. И сама знаетъ что худо, и сердце у ней зампраетъ и казнится, да вѣдь любить; все отъ любви. А какъ хорошо послѣ ссоры помириться, самой передъ нимъ повиниться, али простить! И такъ хорошо обоимъ, такъ хорошо вдругъ станетъ,—точно вновь они встрѣтились, вновь повѣнчались, вновь любовь у нихъ началась. И никто-то, никто-то не долженъ знать что между мужемъ и женой происходитъ, коль они любятъ другъ друга. И какая-бы ни вышла у нихъ ссора, — мать родную, и ту, не должны

себѣ въ судьи звать и одинъ про другого разска-
зывать. Сами они себѣ судьи. Любовь—тайна Божія
и отъ всѣхъ глазъ чужихъ должна быть закрыта,
чтобы тамъ ни произошло. Святѣе отъ этого, лучше.
Другъ друга больше уважаютъ, а на уваженіи
много основано. И коль разъ ужъ была любовь,
коль по любви вѣнчались, зачѣмъ любви прохо-
дить! Неужто нельзя ее поддержать? Рѣдко такой
случай, что нельзя поддержать. Ну, а какъ мужъ
человѣкъ добрый и честный удастся, такъ какъ
тутъ любовь пройдетъ? Первая брачная любовь
пройдетъ, правда, а тамъ прійдетъ любовь еще
лучше. Тамъ душой сойдутся, всѣ дѣла свои со-
обща положутъ; тайны другъ отъ друга не будутъ.
А дѣти пойдутъ, такъ тутъ каждое, хоть и самое
трудное время счастьемъ покажется; только бы
любить, да быть мужественнымъ. Тутъ и работа
весела, тутъ и въ хлѣбѣ себѣ иной разъ отказыва-
ешь для дѣтей, и то весело. Вѣдь они-жъ тебя
будутъ за это потомъ любить; себѣ-же значить
копишь:—Дѣти растутъ,—чувствуешь, что ты имъ
примѣръ, что ты имъ поддержка; что и умрешь
ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будутъ
носить на себѣ, такъ какъ отъ тебя получили,
твой образъ и подобіе примутъ. Значить это вели-
кой долгъ. Какъ тутъ не сойтись тѣснѣй отцу съ
матерью? Говорятъ вотъ дѣтей имѣть тяжело? Кто
это говоритъ? Это счастье небесное! Любишь ты
маленькихъ дѣтей, Лиза? я ужасно люблю. Зна-
ешь,—розовенькій такой мальчикъ, грудь тебѣ
сосеть, да у какого мужа сердце повернется на
жену, глядя какъ она съ его ребенкомъ сидитъ!
Ребеночекъ розовенькій, пухленькій, раскинется,
нѣжится; ножки-ручки наливныя, ноготочки чистень-
кіе, маленькіе, такіе маленькіе что глядѣтъ смѣшно,
глазки точно ужъ онъ все понимаетъ. А сосеть—

грудь тебѣ ручонкой теревить, играетъ. Отецъ подойдетъ,—оторвется отъ груди, перегнется весь назадъ, посмотритъ на отца, засмѣется, — точно ужъ и Богъ знаетъ какъ смѣшно,—и опять, опять сосать примется. А то возьметъ, да и прикуситъ матери грудь, коль ужъ зубки прорѣзываются, а самъ глазенками-то косить на нее: «видишь прикусилъ!» Да развѣ не все тутъ счастье, когда они трое, мужъ, жена и ребенокъ вмѣстѣ? За эти минуты много можно простить. Нѣтъ, Лиза, знать самому сначала нужно жить выучиться, а потомъ ужъ другихъ обвинять!

«Картинками, вотъ этими-то картинками тебя надо!»—подумалъ я про себя, хотя ей Богу съ чувствомъ говорилъ, и вдругъ покраснѣлъ: «А ну если она вдругъ расхохочется, куда я тогда полезу?»—Эта идея меня привела въ бѣшенство. Къ концу-то рѣчи я дѣйствительно разгорячился и теперь самолюбіе какъ-то страдало. Молчаніе длилось. Я даже хотѣлъ толкнуть ее.

— Чтой-то вы... начала она вдругъ, и остановилась.

Но я уже все понялъ: въ ея голосѣ уже что-то другое дрожало, не рѣзкое, не грубое и несдающееся, какъ недавно, а что-то мягкое и стыдливое, до того стыдливое, что мнѣ самому какъ-то вдругъ передъ ней стыдно стало, виновато стало.

— Что? спросилъ я съ нѣжнымъ любопытствомъ.

— Да вы...

— Что?

— Что-го вы... точно какъ по книгѣ, сказала она, и что-то, какъ-будто насмѣшливое, вдругъ опять послышалось въ ея голосѣ.

Больно ущипнуло меня это замѣчанье. Я не того ожидалъ.

Я и не понялъ, что она нарочно маскировалась

въ насмѣшку, что это обыкновенная послѣдняя уловка стыдливыхъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которымъ грубо и навязчиво лезутъ въ душу и которые до послѣдней минуты не сдаются отъ гордости и боятся передъ вами высказать свое чувство. Уже по робости, съ которой она приступала, въ нѣсколько пріемовъ, къ своей насмѣлкѣ и наконецъ только рѣшилась высказать, я-бы долженъ былъ догадаться. Но я не догадался, и злое чувство обхватило меня.

— Постой-же, подумаль я.

VII.

— Э, полно Лиза, какая ужь тутъ книга, когда мнѣ самому гадко вчужѣ. Да и не вчужѣ. У меня все это теперь въ душѣ проснулось... Неужели, неужели тебѣ самой не гадко здѣсь? Нѣтъ, видно много значить привычка! Чортъ знаетъ, что привычка можетъ изъ человѣка сдѣлать. Да неужели-жъ ты серьезно думаешь, что никогда не состарѣешься, вѣчно хороша будешь и что тебя здѣсь вѣки-вѣчные держать будутъ? Я не говорю ужь про то, что и здѣсь пакость... А впрочемъ я вотъ что тебѣ про это скажу, про теперешнее-то твое житье: вотъ ты теперь хоть и молодая, пригожая, хорошая, съ душой, съ чувствомъ; ну, а знаешь-ли ты, что вотъ я какъ только давеча очнулся, мнѣ тотчасъ и гадко стало быть здѣсь съ тобой! Только въ пьяномъ видѣ вѣдь и можно сюда попасть. А будь ты въ другомъ мѣстѣ, живи какъ добрые люди живутъ, такъ я, можетъ быть, не то что волочился-бъ за тобой, а просто влюбился-бъ въ тебя, радъ бы взгляду былъ твоему, не то что слову; у воротъ-бы тебя подстерегалъ, на колѣн-

какъ-бы передъ тобой выстаивалъ; какъ на не-
 вѣсту-бъ свою на тебя смотрѣлъ, да еще за честь
 почиталъ. Подумать про тебя что нибудь нечистое
 не осмѣлился-бы. А здѣсь я вѣдь знаю, что я
 только свисни и ты, хочешь не хочешь, иди за
 мной и ужь не я съ твоей волей спрашиваюсь, а
 ты съ моей. Послѣдній мужикъ найметя въ ра-
 ботники,—все-таки не всего себя закабалить, да
 и знаетъ, что ему срокъ есть. А гдѣ твой срокъ?
 Подумай только: что ты здѣсь отдаешь? что каба-
 лишь? Душу, душу, въ которой ты невластна, ка-
 балишь вмѣстѣ съ тѣломъ! Любовь свою на по-
 руганіе всякому пьяницѣ отдаешь!—Любовь!—да
 вѣдь это все, да вѣдь это алмазь, дѣвичье сокро-
 вище, любовь-то! Вѣдь чтобъ заслужить эту любовь,
 иной готовъ душу положить, на смерть пойти. А
 во что твоя любовь теперь цѣнится? Ты вся куп-
 лена, вся цѣликомъ и зачѣмъ ужь тутъ любви до-
 биваться, когда и безъ любви все возможно. Да
 вѣдь обиды сильнѣе для дѣвушки нѣтъ, понима-
 ешь-ли ты?—Вотъ, слышалъ я, тѣшутъ васъ
 дурь, —позволяютъ вамъ любовниковъ здѣсь имѣть.
 Да вѣдь это одно баловство, одинъ обманъ, одинъ
 смѣхъ надъ вами, а вы вѣрите. Что онъ въ самомъ
 дѣлѣ, что-ли, любить тебя, любовникъ-то? Не
 вѣрю. Какъ онъ будетъ любить, коли знаетъ, что
 тебя отъ него сейчасъ кликнуть. Пакостникъ онъ
 послѣ этого? Уважаетъ-ли онъ тебя хоть на каплю?
 Что у тебя съ нимъ общаго? Смѣется онъ надъ
 тобой, да тебя-же обкрадываетъ,—вотъ и вся его
 любовь! Хорошо еще что не бьетъ. А можетъ и
 бьетъ. Спроси-ка его, коли есть такой у тебя:
 женится ли онъ на тебѣ? Да онъ тебѣ въ глаза
 расхохочется, если только не наплюетъ иль не
 прибьетъ,—а ему самому, можетъ всей-то цѣны—
 два сломанныхъ гроша. И за что, подумаешь, ты

здѣсь жизнь свою погубила? Что тебя кофеемъ поять, да кормять сытно? Да вѣдь для чего кормять-то? У другой-бы, честной, въ горло такой кусокъ не пошелъ, потому что знаетъ для чего кормять. — Ты здѣсь должна, ну и все будешь должна и до конца концовъ должна будешь, до тѣхъ самыхъ поръ, что тобой гости брезгать начнутъ. А это скоро прійдетъ, не надѣйся на молодость. Тутъ вѣдь это все на почтовыхъ летитъ. Тебя и вытолкаютъ. Да и не просто вытолкаютъ, а за-долго сначала придираются начнутъ, попрекать начнутъ, ругать начнутъ,—какъ-будто не ты ей здоровье свое отдала, молодость и душу даромъ для нее загубила, а какъ-будто ты-то ее и разо-рила, по міру пустила, обокрала. И не жди под-держки: другія подруги-то твои, тоже на тебя на-падутъ, чтобъ ей подслужиться, потому что здѣсь всѣ въ рабствѣ, совѣсть и жалость давно потеряли. Исподлились и ужъ гаже, подлѣе, обиднѣе этихъ ругательствъ и на землѣ не бываетъ. И все-то ты здѣсь положишь, все, безъ завѣта,—и здоровье, и молодость и красоту и надежды, и въ двадцать два года будешь смотрѣть какъ тридцати-пяти лѣтняя, и хорошо еще коль не больная, моли Бога за это. Вѣдь ты теперь небось думаешь, что тебѣ и работы нѣтъ, гульба! Да тяжеле и каторжнѣе работы на свѣтѣ нѣтъ и никогда не бывало. Одно сердце кажется все-бы слезами изошло.—И ни слова не посмѣешь сказать, ни полслова когда тебя погонять отсюда, пойдешь какъ виноватая. Перейдешь ты въ другое мѣсто, потомъ въ третье, потомъ еще куданибудь и доберешься наконецъ до Сѣнной. А тамъ ужъ походя бить начнутъ; это любезность тамошняя; тамъ гость и приласкать не прибивъ не умѣетъ. Ты не вѣришь, что тамъ такъ противно? Ступай, посмотри когданибудь, можетъ

своими глазами увидишь. Я вонъ разъ видѣлъ тамъ въ Новый годъ одну, у дверей. Ее вытолкали въ насмѣшку свои-же, проморозить маленько, за то, что ужъ очень ревѣла, а дверь за ней притворили. Въ девять-то часовъ утра она ужъ была совсѣмъ пьяная, растрепанная, полунагая, вся избитая. Сама набѣлена, а глаза въ чернякахъ; изъ носа и изъ зубовъ кровь течетъ: извощикъ какой-то только что починилъ. Сѣла она на каменной лѣсенкѣ, въ рукахъ у ней какая-то соленая рыба была; она ревѣла, что-то причитала про свою «учась», а рыбой колотила по лѣстничнымъ ступенямъ. А у крыльца столпились извощики, да пьяные солдаты и дразнили ее. Ты не вѣришь, что и ты такая же будешь? И я бы не хотѣлъ вѣрить, а почему ты знаешь, можетъ быть лѣтъ десять, восемь назадъ, эта же самая, съ соленой-то рыбой,—пріѣхала сюда откуда нибудь свѣженькая, какъ херувимчикъ, невинная, чистенькая; зла не знала, на каждомъ словѣ краснѣла. Можетъ быть такая же какъ ты была, гордая, обидчивая, на другихъ не похожая, королевой смотрѣла и сама знала, что цѣлое счастье того ожидаетъ кто бы ее полюбилъ и кого бы она полюбила. Видишь чѣмъ кончилось? И что если въ ту самую минуту, когда она колотила этой рыбой о грязныя ступени, пьяная да растрепанная, что если въ ту минуту ей припомнились всѣ ея прежніе, чистые годы въ отцовскомъ домѣ, когда еще она въ школу ходила, а сосѣдскій сынъ ее на дорогѣ подстерегалъ, увѣрялъ, что всю жизнь ее любить будетъ, что судьбу свою ей положить, и когда они вмѣстѣ положили любить другъ друга на вѣки и обвѣнчаться только, что выростутъ большіе! Нѣтъ Лиза, счастье, счастье тебѣ, если гдѣ нибудь тамъ, въ углу, въ подвалѣ, какъ давешняя, въ чахоткѣ поскорѣе

помрешь. Въ больницу говоришь ты? Хорошо свезуть, а если ты еще хозяйкѣ нужна? Чахотка такая болѣзнь; это не горячка. Тутъ до послѣдней минуты человѣкъ надѣется и говорить что здоровъ. Самъ себя тѣшитъ. А хозяйкѣ то и выгодно. Не безпокойся, это такъ; душу значить продала, а къ тому же деньги должна, значить и пикнуть не смѣешь. А умирать будешь, всѣ тебя бросать, всѣ отвернутся, — потому, что съ тебя тогда взять? Еще тебя же попрекнуть, что даромъ мѣсто занимаешь, не скоро помираешь. Пить не допросишься, съ ругательствомъ подадутъ: «когда дескать ты, подлячка, издохнешь; спать мѣшаешь—стонешь, гости брезгаютъ». Это вѣрно; я самъ подслушалъ такія слова. Сунуть тебя, издыхающую въ самый смрадный уголъ въ подвалѣ, — темень, сырость; что ты, лежа-то одна тогда передумаешь? Помрешь,—соберутъ наскоро, чужой рукой, съ ворчаньемъ, съ нетерпѣніемъ,—никто-то не благословить тебя, никто-то не вздохнетъ по тебѣ, только бы поскорѣй тебя съ плечъ долой. Купятъ колоду, вынесутъ какъ сегодня ту, бѣдную, выносили, въ кабакъ поминать пойдутъ. Въ могилѣ, слякоть, мразь, снѣгъ мокрый, — не для тебя же церемониться? «Спускай-ка ее Ванюха ишь вѣдь «учась» и тутъ верхъ ногами пошла, таковская. Укороти веревки-то, пострѣль». — Ладно и такъ. «Чего ладно? Ишь на боку лежитъ. Человѣкъ тоже былъ, али нѣтъ? Ну да ладно, засыпай» И ругаться-то изъ-за тебя долго не захотятъ. Засыплютъ поскорѣй мокрой синей глиной и уйдутъ въ кабакъ... Тутъ и конецъ твоей памяти на землѣ: къ другимъ дѣти на могилу ходятъ, отцы, мужья, а у тебя—ни слезы, ни вздоха, ни поминанія, и никто-то, никто-то, никогда въ цѣломъ мірѣ не придетъ къ тебѣ; имя твое исчезнетъ съ лица земли—

такъ какъ бы совсѣмъ тебя никогда не бывало и не рождалось! Грязь да болото, хотъ стучи себѣ тамъ, по ночамъ, когда мертвецы встаютъ, въ гробовую крышу: «Пустите добрые люди на свѣтъ пожить! Я жила—жизни не видала, моя жизнь на обтирку пошла; ее въ кабакѣ на Сѣнной пропили, пустите добрые люди еще разъ на свѣтъ пожить!..»

Я вошелъ въ пафосъ, до того, что у меня самого горловая спазма приготовлялась и... вдругъ я остановился, приподнялся въ испугѣ и, наклонивъ боязливо голову, съ бьющимся сердцемъ началъ прислушиваться. Было отчего и смутиться.

Давно уже предчувствовалъ я, что перевернуль всю ея душу и разбилъ ея сердце и, чѣмъ больше я удостовѣрялся въ томъ, тѣмъ больше желалъ поскорѣе и какъ можно сильнѣе достигнуть цѣли. Игра, игра увлекла меня; впрочемъ не одна игра...

Я зналъ, что говорю туго, выдѣланно, даже книжно, однимъ словомъ, я иначе и не умѣлъ, какъ «точно по книжкѣ». Но это не смущало меня; я вѣдь зналъ, предчувствовалъ, что меня поймутъ, и что самая эта книжность можетъ еще больше подспорить дѣлу. Но теперь, достигнувъ эффекта, я вдругъ струсилъ. Нѣтъ, никогда, никогда еще я не былъ свидѣтелемъ такого отчаянія! Она лежала ничкомъ, крѣпко уткнувъ лицо въ подушку и обхвативъ ее обѣими руками. Ей разрывало грудь. Все молодое тѣло ея вздрагивало какъ въ судорогахъ. Спершіяся въ груди рыданія тѣснили, рвали ее и вдругъ воплями, криками вырывались наружу. Тогда еще сильнѣе приникала она къ подушкѣ: ей не хотѣлось, чтобы кто нибудь здѣсь, хотъ одна живая душа, узнала про ея терзаніе и слезы. Она кусала подушку, прокусила руку свою

въ кровь (я видѣлъ это потомъ), или вцѣпившись пальцами въ свои распутавшіяся косы, такъ и замирала въ усилии, сдерживая дыханіе и стискивая зубы. Я было началъ что-то говорить ей, просить ее успокоиться, но почувствовалъ, что не смѣю и, вдругъ самъ, весь въ какомъ-то ознобѣ, почти въ ужасѣ, бросился ощупью, кое-какъ наскоро сбираться въ дорогу. Было темно, какъ ни старался я, но не могъ кончить скоро. Вдругъ я ощупалъ коробку спичекъ и подсвѣчникъ съ цѣльной непочатой свѣчой. Только лишь свѣтъ озарилъ комнату, Лиза вдругъ вскочила, сѣла и съ какимъ-то искривленнымъ лицомъ, съ полусумасшедшей улыбкой, почти бессмысленно посмотрѣла на меня. Я сѣлъ подлѣ нея и взялъ ея руки; она опомнилась, бросилась ко мнѣ, хотѣла было обхватить меня, но не посмѣла и тихо наклонила передо мной голову.

— Лиза, другъ мой, я напрасно... ты прости меня, — началъ было я, но она сжала въ своихъ пальцахъ мои руки съ такою силою, что я догадался, что не то говорю, и пересталъ.

— Вотъ мой адресъ, Лиза, приходи ко мнѣ.

— Приду... прошептала она рѣшительно, все еще не подымая своей головы.

— А теперь я уйду, прощай... до свиданія.

Я всталъ, встала и она и вдругъ вся покраснѣлась, вздрогнула, схватила лежавшій на стулѣ платокъ и набросила себѣ на плечи до самаго подбородка. Сдѣлавъ это, она опять какъ-то болѣзненно улыбнулась, покраснѣла и странно поглядѣла на меня. Мнѣ было больно; я спѣшилъ уйти, ступешеваться.

— Подождите, сказала она вдругъ, уже въ сѣняхъ у самыхъ дверей, останавливая меня рукою за шинель, поставила въ попыхахъ свѣчу и убѣ-

жала, — видно вспомнила про что-то, или хотѣла мнѣ принести показать. Убѣгая она вся покраснѣла, глаза ея блестѣли, на губахъ показалась улыбка, — чтобы такое? Я поневолѣ дождался; она воротилась черезъ минуту, со взглядомъ, какъ будто просившимъ прощенія за что-то. Вообще это уже было не то лицо, не тотъ взглядъ, какъ давеча, — угрюмый, недовѣрчивый и упорный. Взглядъ теперь ея былъ просящій, мягкій, а вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрчивый, ласковый, робкій. Такъ смотрятъ дѣти на тѣхъ, кого очень любятъ и у кого чего нибудь просятъ. Глаза у ней были свѣтло-каріе, прекрасные глаза, живые; умѣвшие отразить въ себѣ и любовь и угрюмую ненависть.

Не объясняя мнѣ ничего, — какъ будто я, какъ какое нибудь высшее существо, долженъ былъ знать все безъ объясненій, — она протянула мнѣ бумажку. Все лицо ея такъ и просіяло въ это мгновенье самымъ наивнымъ, почти дѣтскимъ торжествомъ. Я развернулъ. Это было письмо къ ней отъ какого-то медицинскаго студента или въ этомъ родѣ, — очень высокопарное, цвѣтистое, но чрезвычайно почтительное объясненіе въ любви. Не припомню теперь выраженій, но помню очень хорошо, что сквозь высокій слогъ проглядывало истинное чувство, котораго не поддѣлаешь. Когда я дочиталъ, то встрѣтилъ горячій, любопытный и дѣтски-нетерпѣливый взглядъ ея на себѣ. Она приковалась глазами къ моему лицу и въ нетерпѣніи ждала — что я скажу? Въ нѣсколькихъ словахъ, на скоро, но какъ-то радостно и, какъ будто гордясь, она объяснила мнѣ, что была гдѣ-то на танцевальномъ вечерѣ, въ семейномъ домѣ, у однихъ «очень, очень хорошихъ людей, *семейныхъ людей* и гдѣ *ничего еще не знаютъ, совсѣмъ ничего*», — потому что она и здѣсь-то еще только вновѣ и только

такъ... а вовсе еще не рѣшилась остаться и непременно уйдетъ, какъ только долгъ заплатитъ... — Ну и тамъ былъ этотъ студентъ, весь вечеръ танцевалъ, говорилъ съ ней и оказалось, что онъ еще въ Ригѣ, еще ребенкомъ былъ съ ней знакомъ, вмѣстѣ играли, только ужъ очень давно—и родителей ея знаетъ, но что *объ этомъ* онъ ничего-ничего-ничего не знаетъ и не подозрѣваетъ! И вотъ на другой день послѣ танцевъ (три дня назадъ) онъ и прислалъ черезъ пріятельницу, съ которой она на вечеръ ѣздила, это письмо.... и.... ну вотъ и все».

Она какъ-то стыдливо опустила свои сверкавшіе глаза, когда кончила рассказывать.

Бѣдненькая, она хранила письмо этого студента, какъ драгоценность и сбѣгала за этой единственной своей драгоценностью не желая, чтобъ я ушелъ, не узнавъ о томъ, что и ее любятъ честно и искренно, что и съ ней говорятъ почтительно. Навѣрно этому письму такъ и суждено было пролежать въ шкатулкѣ безъ послѣдствій. Но все равно; я увѣренъ, что она всю жизнь его хранила бы какъ драгоценность, какъ гордость свою и свое оправданіе, и вотъ теперь сама въ такую минуту вспомнила и принесла это письмо, чтобъ наивно погордиться передо мной, возстановить себя въ моихъ глазахъ, чтобъ я видѣлъ, чтобъ и я похвалилъ. Я ничего не сказалъ, пожалъ ей руку и вышелъ. Мнѣ такъ хотѣлось уйти... Я прошелъ всю дорогу пѣшкомъ, не смотря на то, что мокрый снѣгъ все еще валилъ хлопьями. Я былъ измученъ, раздавленъ, въ недоумѣніи. Но истина уже сверкала изъ-за недоумѣнія. Гадкая истина!

VIII.

Я впрочемъ скоро согласился признать эту истину. Проснувшись на утро, послѣ нѣсколькихъ часовъ глубокаго, свинцоваго сна и тотчасъ же сообразивъ весь вчерашній день, я даже изумился моею вчерашней *сантиментальности* съ Лизой, всѣмъ этимъ «вчерашнимъ ужасамъ и жалостямъ». «Вѣдь нападетъ же такое бабье разстройство нервовъ, тьфу!» порѣшилъ я. — «И на что это мой адресъ всучилъ я ей? Что если она придетъ? А впрочемъ пожалуй пусть и придетъ; ничего»... Но очевидно главное и самое важное дѣло теперь было не въ этомъ: надо было спѣшить, и во что бы ни стало, скорѣе спасти мою репутацію въ глазахъ Звѣркова и Симонова. Вотъ въ чемъ было главное дѣло. А про Лизу я даже совсѣмъ и забылъ въ это утро, захлопотавшись.

Прежде всего надо было немедленно отдать вчерашній долгъ Симонову. Я рѣшился на отчаянное средство: занять цѣлыхъ пятнадцать рублей у Антона Антоновича. Какъ нарочно онъ былъ въ это утро въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ же выдалъ, по первой просьбѣ. Я такъ этому обрадовался, что, подписывая росписку, съ какимъ-то ухорскимъ видомъ, *небрежно* сообщилъ ему, что вчера «покутили съ пріятелями, въ Hôtel de Paris; провожали товарища, даже, можно сказать, друга дѣтства, и знаете, — кутила онъ большой, избалованъ, — ну, разумѣется хорошей фамиліи, значительное состояніе, блестящая карьера, остроумень, миль, интригуешь съ этими дамами, понимаете: выпили лишнихъ «полдюжины» и»... И вѣдь ничего; произносилось все это очень легко, развязно и самодовольно.

Придя домой, я немедленно написалъ Симонову.

До сихъ поръ люблюсь, вспоминая истинно джентльменскій, добродушный, открытый тонъ моего письма. Ловко и благородно, а главное совершенно безъ лишнихъ словъ,—я обвинилъ себя во всемъ. Оправдывался я, «если только позволительно мнѣ еще оправдываться» тѣмъ, что, по совершенной непривычкѣ къ вину, опьянѣлъ съ первой рюмки, которую (будто-бы) выпилъ еще до нихъ, когда поджидалъ ихъ въ Hôtel de Paris, съ пяти до шести часовъ. Извиненія просилъ я преимущественно у Симонова; его же просилъ передать мои объясненія и всѣмъ другимъ, особенно Звѣркову, котораго, «помнится мнѣ какъ сквозь сонъ», я кажется оскорбилъ. Я прибавлялъ, что и самъ бы ко всѣмъ поѣхалъ, да голова болитъ, а пуще всего—совѣстно. Особенно доволенъ остался я этой «нѣкоторой легкостью», даже чуть не небрежностію (впрочемъ совершенно приличною), которая вдругъ отразилась въ моемъ перѣ и лучше всѣхъ возможныхъ резоновъ, сразу, давала имъ понять, что я смотрю «на всю эту вчерашнюю гадость» довольно независимо; совсѣмъ-таки, вовсе-таки не убить на поваль, какъ вы, господа, вѣроятно думаете, а напротивъ, смотрю такъ, какъ слѣдуетъ смотре́ть на это спокойно уважающему себя джентльмену. «Быль дескать молодцу не укорь».

— Даже вѣдь какая-то игривость маркизская? любовался я, перечитывая записку.—А все оттого, что развитой и образованный человѣкъ! Другіе бы на моемъ мѣстѣ не знали какъ и выпутаться, а я вотъ вывернулся и кучу себѣ вновь и все потому, что «образованный и развитой человѣкъ нашего времени». — Да и впрямь, пожалуй, это все отъ вина вчера произошло. Гм... ну нѣтъ, не отъ вина. Водки-то я вовсе не пилъ, отъ пяти-то до шести часовъ, когда ихъ поджидалъ. Сол-

галь Симонову; солгаль безсовѣстно; да и теперь несовѣстно...

А впрочемъ наплевать!—Главное то, что отдѣлался.

Я вложилъ въ письмо шесть рублей, запечаталъ и упросилъ Аполлона снести къ Симонову. Узнавъ, что въ письмѣ деньги, Аполлонъ сталъ почтительнѣе и согласился сходить. Къ вечеру я вышелъ пройтись. Голова у меня еще болѣла и кружилась со вчерашняго. Но чѣмъ болѣе наступалъ вечеръ и чѣмъ гуще становились сумерки, тѣмъ болѣе мѣнялись и путались мои впечатлѣнія, а за ними и мысли. Что-то не умирало во мнѣ внутри, въ глубинѣ сердца и совѣсти, не хотѣло умереть и сказывалось жгучей тоской. Толкался я больше по самымъ люднымъ, промышленнымъ улицамъ, по Мѣщанскимъ, по Садовой, у Юсупова сада. Особенно любилъ я всегда прохаживаться по этимъ улицамъ въ сумерки, именно когда тамъ густѣетъ толпа всякаго прохожаго, промышленнаго и ремесленнаго люду, съ озабоченными до злости лицами, расходящаяся по домамъ съ дневныхъ заработковъ. Нравилась мнѣ именно эта грошевая суетня, эта наглая прозаичность. Въ этотъ разъ вся эта уличная толкотня еще больше меня раздражала. Я никакъ не могъ съ собой справиться, концевъ найти. Что-то подымалось, подымалось въ душѣ непрерывно, съ болью и не хотѣло угомониться. Совсѣмъ разстроенный я воротился домой. Точно какъ будто на душѣ моей лежало какое-то преступленіе.

Мучила меня постоянно мысль, что придетъ Лиза. Странно мнѣ было то, что изъ всѣхъ этихъ вчерашнихъ воспоминаній, воспоминаніе о ней какъ-то особенно, какъ-то совсѣмъ отдѣльно меня мучило. Обо всемъ другомъ я къ вечеру уже со-

всѣмъ успѣлъ забыть, рукой махнулъ и все еще совершенно оставался доволенъ моимъ письмомъ къ Симонову. Но тутъ я какъ-то ужъ не былъ доволенъ. Точно какъ будто я одной Лизой и мучился. Что если она придетъ? думалъ я непрерывно. Ну чтожь, ничего, пусть и придетъ. Гм. Скверно ужъ одно то, что она увидитъ, напри- мѣръ, какъ я живу. Вчера я такимъ передъ ней показался... героемъ... а теперь гм! Это впрочемъ скверно, что я такъ опустился. Просто нищета въ квартирѣ. И я рѣшился вчера ѣхать въ такомъ платьѣ обѣдать! А клеенчатый диванъ-то мой, изъ котораго мочалка торчитъ! А халатъ-то мой, ко- торымъ нельзя закрыться! Какія ключья... И она это все увидитъ; и Аполлона увидитъ. Эта скоти- на навѣрно ее оскорбитъ. Онъ придерется къ ней, чтобъ мнѣ сдѣлать грубость. А я ужъ разумѣт- ся, по обычаю струшу, сѣменить передъ ней нач- ну, закрываться полами халата, улыбаться начну, лгать начну. У, скверность! Да и не въ этомъ главная-то скверность! Тутъ есть что-то главнѣе, гаже, подлѣе! да, подлѣе! И опять, опять надѣ- вать эту безчестную, лживую маску!..

Дойдя до этой мысли я такъ и вспыхнулъ:

— Для чего безчестную? Какую безчестную? Я говорилъ вчера искренно. Я помню, во мнѣ тоже было настоящее чувство. Я именно хотѣлъ вызвать въ ней благородныя чувства... если она заплакала, то это хорошо, это благотворно подѣйствуетъ...

Но все-таки я никакъ не могъ успокоиться.

Весь этотъ вечеръ, уже когда я и домой воро- тился, уже послѣ девяти часовъ, когда по расчету никакъ не могла придти Лиза, мнѣ все-таки она мерещилась, и, главное, вспоминалась все въ од- номъ и томъ же положеніи. Именно одинъ моментъ изъ всего вчерашняго мнѣ особенно ярко пред-

ставлялся; это когда я освѣтилъ спичкой комнату и увидаль ея блѣдное, искривленное лицо, съ мученическимъ взглядомъ. И какая жалкая, какая неестественная, какая искривленная улыбка у ней была въ ту минуту! Но я еще не зналъ тогда, что и черезъ пятнадцать лѣтъ я все-таки буду представлять себѣ Лизу именно съ этой жалкой, искривленной, ненужной улыбкой, которая у ней была въ ту минуту.

На другой день я уже опять готовъ былъ считать все это вздоромъ, развозившимися нервами, а главное — *преувеличеніемъ*. Я всегда сознавалъ эту мою слабую струнку и иногда очень боялся ея: «все то я преувеличиваю, тѣмъ и хромаю,» повторялъ я себѣ ежечастно. Но впрочемъ, «впрочемъ все-таки Лиза, пожалуй, придетъ» — вотъ припѣвъ, которымъ заключались всѣ мои тогдашнія разсужденія. До того я беспокоился, что приходилъ иногда въ бѣшенство: «Придетъ! непременно придетъ!» восклицалъ я; бѣгая по комнатамъ; «не сегодня, такъ завтра придетъ, а ужь отыщеть! И таковъ проклятый романтизмъ всѣхъ этихъ *чистыхъ сердець!* О мерзость, о глупость, о ограниченность этихъ «поганихъ сантиментальныхъ душъ!» Ну какъ не понять, какъ бы кажется не понять?».. Но тутъ я самъ останавливался и даже въ большемъ смущеніи.

И какъ мало, мало, — думалъ я мимоходомъ — нужно было словъ, какъ мало нужно было идилліи (да и идилліи-то еще напускной, книжной, сочиненной), чтобъ тотчасъ же и повернуть всю человѣческую душу по своему. То-то дѣвственность-то! То-то свѣжесть-то почвы!

Иногда мнѣ приходила мысль самому съѣздить къ ней, «разсказать ей все» и упросить ее не приходить ко мнѣ. Но тутъ, при этой мысли, во мнѣ

подымалась такая злоба, что кажется я бы такъ и раздавилъ эту «проклятую» Лизу, еслибъ она возлѣ меня вдругъ случилась, оскорбилъ бы ее, оплевалъ бы, выгналъ бы, ударилъ бы!

Прошелъ однакожь день, другой, третій — она не приходила и я начиналъ успокоиваться. Особенно ободрялся и разгуливался я послѣ девяти часовъ, даже начиналъ иногда мечтать и довольно сладко: «Я, напимѣрь, спасаю Лизу, именно тѣмъ, что она ко мнѣ ходитъ, а я ей говорю... Я ее развиваю, образываю. Я, наконецъ, замѣчаю, что она меня любитъ, страстно любитъ. Я прикидываюсь что не понимаю (не знаю впрочемъ для чего прикидываюсь; такъ, для красоты вѣроятно). Наконецъ она, вся смущенная, прекрасная, дрожа и рыдая, бросается къ ногамъ моимъ и говоритъ что я ея спаситель и что она меня любитъ больше всего на свѣтѣ. Я изумляюсь, но... — «Лиза, говорю я, неужели жъ ты думаешь, что я не замѣтилъ твоей любви? Я видѣлъ все, я угадалъ, но я не смѣлъ посягать на твое сердце первый, потому что имѣлъ на тебя вліяніе и боялся, что ты, изъ благодарности, нарочно заставишь себя отвѣчать на любовь мою, сама насильно вызовешь въ себѣ чувство, котораго можетъ быть нѣтъ, а я этого не хотѣлъ, потому что это... деспотизмъ... Это неделикатно (ну однимъ словомъ я тутъ зарпортовывался въ какойнибудь этакой европейской, Жоржъ-Зандовской, неизъяснимо благородной тонкости....) «Но теперь, теперь — ты моя, ты мое созданье, ты чиста, прекрасна, ты — прекрасная жена моя»

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

Затѣмъ мы начинаемъ жить-поживать, ѣдемъ за границу и т. д. и т. д. Однимъ словомъ самому

подло становилось и я кончалъ тѣмъ, что дразнилъ себя языкомъ.

— Да и не пустять ее «мерзавку!» думалъ я. Ихъ вѣдь, кажется, гулять то не очень пускаютъ, тѣмъ болѣе вечеромъ (мнѣ почему то непремѣнно казалось, что она должна придти вечеромъ и именно въ семь часовъ). А впрочемъ она сказала, что еще не совсѣмъ тамъ закабалилась, на особыхъ правахъ состоитъ; значить, гм! Чортъ возьми, придетъ, непремѣнно придетъ!

Хорошо еще, что развлекалъ меня въ это время Аполлонъ своими грубостями. Изъ терпѣнья послѣдняго выводилъ! Это была язва моя, бичъ, посланный на меня провидѣньемъ. Мы съ нимъ пикировались постоянно, нѣсколько лѣтъ сряду и я его ненавидѣлъ. Богъ мой, какъ я его ненавидѣлъ! Никого въ жизни я еще кажется такъ не ненавидѣлъ какъ его, особенно въ инья минуты. Человѣкъ онъ былъ пожилой, важный, занимавшійся отчасти портняжествомъ. Но неизвѣстно почему онъ презиралъ меня, даже сверхъ всякой мѣры и смотрѣлъ на меня нестерпимо свысока. Впрочемъ онъ на всѣхъ смотрѣлъ свысока. Взглянуть только на эту бѣлобрысую, гладко причесанную голову, на этотъ кокъ, который онъ взбивалъ себѣ на лбу и подмасливалъ постнымъ масломъ, на этотъ солидный ротъ, всегда сложенный ижицей, — и вы уже чувствовали передъ собой существо, не сомнѣвавшееся въ себѣ никогда. Это былъ педантъ въ высочайшей степени и самый огромный педантъ изъ всѣхъ, какихъ я только встрѣчалъ на землѣ; и при этомъ съ самолюбіемъ, приличнымъ развѣ только Александру Македонскому. Онъ былъ влюбленъ въ каждую пуговицу свою, въ каждый свой ноготь, — непремѣнно влюбленъ, онъ тѣмъ смотрѣлъ! — Относился онъ ко мнѣ вполне деспоти-

чески, чрезвычайно мало говорилъ со мной, а если случалось ему на меня взглядывать, то смотрѣлъ твердымъ, величаво самоувѣреннымъ и постоянно насмѣшливымъ взглядомъ, приводившимъ меня иногда въ бѣшенство. Исполнялъ онъ свою должность съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ мнѣ высочайшую милость. Впрочемъ онъ почти ровно ничего для меня не дѣлалъ и даже вовсе не считалъ себя обязаннымъ что-нибудь дѣлать. Сомнѣнія быть не могло, что онъ считалъ меня за самага послѣдняго дурака на всемъ свѣтѣ и если «держалъ меня при себѣ,» то единственно потому только, что отъ меня можно было получать каждый мѣсяць жалованье. Онъ соглашался «ничего не дѣлать» у меня за семь рублей въ мѣсяць. Мнѣ за него много простится грѣховъ. Доходило иногда до такой ненависти, что меня бросало чуть не въ судороги отъ одной его походки. Но особенно гадко было мнѣ его пришепетываніе. У него былъ языкъ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, или что-то въ родѣ этого, оттого онъ постоянно шепелявилъ и сюсюкалъ и кажется этимъ ужасно гордился, воображая что это придаетъ ему чрезвычайно много достоинства. Говорилъ онъ тихо, размѣренно, заложивъ руки за спину и опустивъ глаза въ землю. Особенно бѣсилъ онъ меня, когда бывало начнетъ читать у себя за перегородкой псалтырь. Много битвъ вынесъ я изъ за этого чтенья. Но онъ ужасно любилъ читать по вечерамъ, тихимъ ровнымъ голосомъ, на распѣвъ, точно какъ по мертвомъ. Любопытно, что онъ тѣмъ и кончилъ: онъ теперь занимается читать псалтырь по покойникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ истребляетъ крысъ и дѣлаетъ ваксу. Но тогда я не могъ прогнать его, точно онъ былъ слитъ съ существованіемъ моимъ химически. Къ тому же онъ бы и самъ не согласился отъ

меня уйти ни за что. Мнѣ нельзя было жить въ шамбръ-гарни: моя квартира была мой особнякъ, моя скорлупа, мой футляръ, въ который я прятался отъ всего человѣчества, а Аполлонъ, чертъ знаетъ почему, казался мнѣ принадлежащимъ къ этой квартирѣ и я цѣлыхъ семь лѣтъ не могъ согнать его.

Задержать, на примѣръ, его жалованье хоть два, хоть три дня было невозможно. Онъ бы такую завелъ исторію, что я бы не зналъ куда и дѣваться. Но въ эти дни я до того былъ на всѣхъ озлобленъ, что рѣшился, почему то и для чего то, *наказать* Аполлона и не выдавать ему еще двѣ недѣли жалованья. Я давно ужъ, года два, собирался это сдѣлать, — единственно, чтобъ доказать ему, что онъ не смѣетъ такъ ужъ важничать надо мной и что если я захочу, то всегда могу не выдать ему жалованья. Я положилъ не говорить ему объ этомъ и даже нарочно молчать, чтобъ побѣдить его гордость и заставить его самого, перваго, заговорить о жалованьи. Тогда я вынулъ всѣ семь рублей изъ ящика, покажу ему, что они у меня есть и нарочно отложены, но что я «не хочу, не хочу, просто не хочу выдать ему жалованье, не хочу, потому что *такъ хочу*,» потому что на это «моя воля господская,» потому что онъ непочтителенъ, потому что онъ грубиянъ; но что если онъ попроситъ почтительно, то я, пожалуй, смягчусь и дамъ; не то еще двѣ недѣли прождетъ, три прождетъ, цѣлый мѣсяцъ прождетъ...

Но какъ я ни былъ золь, а все-таки онъ побѣдилъ. Я и четырехъ дней не выдержалъ. Онъ началъ съ того, съ чего всегда начиналъ въ подобныхъ случаяхъ, потому что подобные случаи уже бывали, пробовались (и, замѣчу, я зналъ все это заранее, я зналъ наизусть его подлую тактику)

именно: онъ начиналъ съ того, что устремить, бывало, на меня чрезвычайно строгій взглядъ, не спускаеть его нѣсколько минутъ сряду, особенно встрѣчая меня, или провожая изъ дому. Если на-примѣръ я выдерживалъ и дѣлалъ видъ, что не замѣчаю этихъ взглядовъ, онъ, по прежнему молча, приступалъ къ дальнѣйшимъ истязаніямъ. Вдругъ, бывало, ни съ того ни съ сего, войдетъ тихо и плавно въ мою комнату, когда я хожу или читаю, остановится у дверей, заложить одну руку за спину, отставить ногу и устремить на меня свой взглядъ, ужь не то что строгій, а совсѣмъ презрительный. Если я вдругъ спрошу его, что ему надо? онъ не отвѣтитъ ничего, продолжаетъ смотрѣть на меня въ упоръ еще нѣсколько секундъ, потомъ, какъ то особенно сжавъ губы, съ многозначительнымъ видомъ, медленно повернется на мѣстѣ и медленно уйдетъ въ свою комнату. Часа черезъ два вдругъ опять выйдетъ и опять также передо мной появится. — Случалось, что я, въ бѣшенствѣ, ужь и не спрашивалъ его: чего ему надо? а просто самъ, рѣзко и повелительно, подымалъ голову и тоже начиналъ смотрѣть на него въ упоръ. Такъ смотримъ мы бывало другъ на друга минуты двѣ; наконецъ онъ повернется, медленно и важно, и уйдетъ опять на два часа.

Если я и этимъ все еще не вразумлялся и продолжалъ бунтоваться, то онъ вдругъ начнетъ вздыхать на меня глядя, вздыхать долго, глубоко, точно измѣряя однимъ этимъ вздохомъ всю глубину моего нравственнаго паденія и разумѣется кончалось наконецъ тѣмъ, что онъ одолѣвалъ вполне: я бѣсил-ся, кричалъ, но то объ чемъ дѣло шло все-таки принуждаемъ былъ исполнить.

Въ этотъ же разъ, едва только начались обыкновенные маневры «строгихъ взглядовъ,» какъ я

тотчасъ же вышелъ изъ себя и въ бѣшенствѣ на него накинулся. Слишкомъ ужъ я былъ и безъ того раздраженъ.

— Стой! закричалъ я въ изступленіи, когда онъ медленно и молча повертывался, съ одной рукой за спиной, чтобъ уйти въ свою комнату, — стой! воротись, воротись, говорю я тебѣ! и должно быть я такъ неестественно рявкнулъ, что онъ повернулся и даже съ нѣкоторымъ удивленіемъ сталъ меня разглядывать. Впрочемъ продолжалъ не говорить ни слова, а это то меня и бѣсило.

— Какъ ты смѣешь входить ко мнѣ безъ спросу и такъ глядѣть на меня, отвѣчай!

Но посмотрѣвъ на меня спокойно съ пол-минуты, онъ снова началъ повертываться.

— Стой! заревѣлъ я подбѣгая къ нему; ни съ мѣста! Такъ. Отвѣчай теперь: чего ты входилъ смотрѣть?

— Если таперича вамъ есть что мнѣ приказать, то мое дѣло исполнить, — отвѣчалъ онъ, опять-таки помолчавъ, тихо и размѣренно сюсюкая, поднявъ брови и спокойно перегнувъ голову съ одного плеча на другое — и все это съ ужасающимъ спокойствіемъ.

— Не объ этомъ, не объ этомъ, я тебя спрашиваю, палачъ! закричалъ я трясясь отъ злобы. Я скажу тебѣ, палачъ, самъ, для чего ты приходишь сюда: ты видишь, что я не выдаю тебѣ жалованья, самъ не хочешь, по гордости, поклониться — попросить, и для того приходишь съ своими глупыми взглядами меня наказывать, мучить, и не подозр-р-рѣваешь ты, палачъ, какъ это, глупо, глупо, глупо, глупо, глупо!

Онъ было молча опять сталъ повертываться, но я ухватилъ его.

— Слушай, кричалъ я ему! Вотъ деньги, ви-

дишь, вотъ они! (я вынулъ ихъ изъ столика) всѣ семь рублей, но ты ихъ не получишь, не па-алу-чишь, до тѣхъ самыхъ поръ пока не придешь, почтительно, съ повинной головой, просить у меня прощенія. Слышалъ!

— Быть того не можетъ! отвѣчалъ онъ съ какою то неестественною самоувѣренностью.

— Будеть! кричалъ я, даю тебѣ честное слово мое, будетъ!

— И не въ чемъ мнѣ у васъ прощенія просить, — продолжалъ онъ какъ бы совсѣмъ не замѣчая моихъ криковъ, — потому вы же обозвали меня «палачемъ», на чемъ я съ васъ могу въ кварталѣ всегда за обиду просить.

— Иди! Проси! заревѣлъ я, иди сейчасъ, сію минуту, сію секунду! А ты все-таки палачъ! палачъ! палачъ!— Но онъ только посмотрѣлъ на меня, затѣмъ повернулся и уже не слушая призывныхъ криковъ моихъ, плавно пошелъ къ себѣ, не обращиваясь.

«Еслибъ не Лиза, не было-бъ ничего этого!» рѣшилъ я про себя. Затѣмъ постоявъ съ минуту, важно и торжественно, но съ медленно и сильно бьющимся сердцемъ, я отправился самъ къ нему за ширмы.

— Аполлонъ! сказалъ я тихо и съ разстановкой, но задыхаясь: сходи тотчасъ же и ни мало не медля за кварталнымъ надзирателемъ!

Онъ было ужъ усѣлся тѣмъ временемъ за своимъ столомъ, надѣлъ очки и взялъ что-то шить. Но услышавъ мое приказанье вдругъ фыркнулъ со смѣху.

— Сейчасъ, сію минуту иди! — иди, или ты и не воображаешь что будетъ!

— Подлинно вы не въ своемъ умѣ, замѣтилъ онъ даже не поднявъ головы, также медленно сю-

сюкая и продолжая вдѣвать нитку. — И гдѣ это видано, чтобъ человекъ самъ противъ себя за начальствомъ ходилъ? А касательно страху, — напрасно только надсажаетесь, потому — ничего не будетъ.

— Иди! визжалъ я, хватая его за плечо. Я чувствовалъ, что сейчасъ ударю его.

Но я и не слыхалъ какъ въ это мгновеніе вдругъ дверь изъ сѣней тихо и медленно отворилась и какая то фигура вошла, остановилась и съ недоумѣніемъ начала насъ разглядывать. Я взглянулъ, обмеръ отъ стыда и бросился въ свою комнату. Тамъ, схвативъ себя обѣими руками за волосы, я прислонился головой къ стѣнѣ и замеръ въ этомъ положеніи.

Минуты черезъ двѣ послышались медленные шаги Аполлона.

— Тамъ *какая то* васъ спрашиваетъ, — сказалъ онъ особенно строго смотря на меня, потомъ посторонился и пропустилъ — Лизу. Онъ не хотѣлъ уходить и насмѣшливо насъ разсматривалъ.

— Ступай! ступай! командывалъ я ему потерявшись. Въ эту минуту мои часы принатужились, прошипѣли и пробили семь.

IX.

И въ домъ мой смѣло и свободно
Хозяйкой полною войди!

(Изъ той же поэзіи).

Я стоялъ передъ ней убитый, ошельмованный, омерзительно-сконфуженный и кажется улыбался, всѣми силами стараясь запахнуться полами моего лохматого, ватнаго халатишки, — ну точь въ точь

какъ еще недавно, въ упадкѣ духа, представлялъ себѣ. Аполлонъ, постоявъ надъ нами минуты двѣ, ушелъ, но мнѣ было не легче. Хуже всего, что и она тоже вдругъ сконфузилась, до того, что я даже и не ожидалъ. На меня глядя разумѣется.

— Садись, сказалъ я машинально и придвинулъ ей стулъ возлѣ стола, самъ же сѣлъ на диванъ. Она тотчасъ же и послушно усѣлась, смотря на меня во всѣ глаза и очевидно чего-то сейчасъ отъ меня ожидая. Эта-то наивность ожиданія и привела меня въ бѣшенство, но я сдержалъ себя.

— Тутъ-то бы и стараться ничего не замѣчать какъ будто все по обыкновенному, а она... — И я смутно почувствовалъ, что она дорого мнѣ *за все это* заплатитъ.

— Ты меня застала въ странномъ положеніи, Лиза—началь я заикаясь и зная, что именно такъ-то и ненадо начинать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не думай чегонибудь! вскричалъ я, увидѣвъ что она вдругъ покраснѣла: — я не стыжусь моей бѣдности... Напротивъ я гордо смотрю на мою бѣдность. Я бѣденъ, но благороденъ... Можно быть бѣднымъ и благороднымъ, бормоталъ я. Впрочемъ... хочешь чаю?

— Нѣтъ... начала было она.

— Подожди!

Я вскочилъ и побѣжалъ къ Аполлону. Надо же было куданибудь провалиться.

— Аполлонъ, зашепталъ я лихорадочной скороговоркой, бросая передъ нимъ семь рублей, оставшіяся все время въ моемъ кулакѣ, — вотъ твое жалованье; видишь, я выдаю; но за то ты долженъ спасти меня: немедленно принеси изъ трактира чаю и десять сухарей. Если ты не захочешь пойти, то ты сдѣлаешь несчастнымъ человѣка! Ты не знаешь какая это женщина... Это—все! Ты мо-

жетъ быть что нибудь думаешь... Но, ты не знаешь какая это женщина!..

Аполлонъ, уже усѣвшійся за работу и уже надѣвшій опять очки, сначала не покидая иглы, молча накосился на деньги; потомъ, не обращая на меня никакого вниманія и не отвѣчая мнѣ ничего, продолжалъ возиться съ ниткой, которую все еще вдѣвалъ. Я ждалъ минуты три, стоя передъ нимъ, съ сложенными à la Napoléon руками. Виски мои были смочены потомъ; самъ я былъ блѣденъ, я чувствовалъ это. Но, слава Богу, вѣрно ему стало жалко, смотря на меня. Кончивъ съ своей ниткой, онъ медленно привсталъ съ мѣста медленно отодвинулъ стулъ, медленно снялъ очки, медленно пересчиталъ деньги и наконецъ, спросивъ меня черезъ плечо: взять ли полную порцію? медленно вышелъ изъ комнаты. Когда я возвращался къ Лизѣ, мнѣ пришло на умъ дорогой: не убѣжать ли такъ какъ есть, въ халатишкѣ, куда глаза глядятъ, а тамъ будь что будетъ.

Я усѣлся опять. Она смотрѣла на меня съ безпокойствомъ. Нѣсколько минутъ мы молчали.

— Я убью его! вскричалъ я вдругъ, крѣпко хлопнувъ по столу кулакомъ, такъ что чернила плеснули изъ чернильницы.

— Ахъ, что вы это! вскричала она вздрогнувъ.

— Я убью его, убью его! визжалъ я стуча по столу, совершенно въ изступленіи и совершенно понимая въ то же время какъ это глупо быть въ такомъ изступленіи.

— Ты не знаешь, Лиза, что такое этотъ палачъ для меня. Онъ мой палачъ... Онъ пошелъ теперь за сухарями; онъ...

И вдругъ я разразился слезами. Это былъ припадокъ. Какъ мнѣ стыдно-то было между всхлипываній; но я ужъ ихъ не могъ удержать.

Она испугалась. — Что съ вами! что это съ вами! вскрикивала она, суетясь около меня.

— Воды, подай мнѣ воды, вонъ тамъ! бормоталъ я слабымъ голосомъ, сознавая, впрочемъ, про себя, что я очень бы могъ обойтись безъ воды и не бормотать слабымъ голосомъ. Но я, что называется, представлялся, чтобъ спасти приличія, хотя припадокъ былъ и дѣйствительный.

Она подала мнѣ воды, смотря на меня какъ потерянная. Въ эту минуту Аполлонъ внесъ чай. Мнѣ вдругъ показалось, что этотъ обыкновенный и прозаическій чай ужасно неприличенъ и мизеренъ послѣ всего что было, и я покраснѣлъ. Лиза смотрѣла на Аполлона даже съ испугомъ. Онъ вышелъ не взглянувъ на насъ.

— Лиза, ты презираешь меня? сказалъ я, смотря на нее въ упоръ, дрожа отъ нетерпѣнія узнать, что она думаетъ.

Она сконфузилась и не сумѣла ничего отвѣтить.

— Пей чай! проговорилъ я злобно. Я злился на себя, но разумѣется достаться должно было ей. Страшная злоба противъ нее закипѣла вдругъ въ моемъ сердцѣ; такъ бы и убилъ ее кажется. Чтобъ отмстить ей я поклялся мысленно не говорить съ ней во все время ни одного слова. «Она же всему причиною», думалъ я.

Молчаніе наше продолжалось уже минутъ пять. Чай стоялъ на столѣ; мы до него не дотрогивались: я до того дошелъ, что нарочно не хотѣлъ начинать пить, чтобъ этимъ отяготить ее еще больше; ей же самой начинать было неловко. Нѣсколько разъ она съ грустнымъ недоумѣніемъ взглянула на меня. Я упорно молчалъ. Главный мученикъ былъ конечно я самъ, потому что вполне сознавалъ всю омерзительную низость моей злобной глупости, и въ то же время никакъ не могъ удержать себя.

— Я оттуда... хочу... совсѣмъ выйти, — начала было она, чтобы какъ нибудь прервать молчанье, но, бѣдная! именно объ этомъ-то и не надо было начинать говорить въ такую, и безъ того глупую минуту, такому, и безъ того глупому какъ я человѣку. Даже мое сердце заныло отъ жалости на ея неумѣлость и ненужную прямоту. Но что-то безобразное подавило во мнѣ тотчасъ же всю жалость; даже еще подзадорило меня еще болѣе: пропадай все на свѣтѣ! Прошло еще пять минутъ.

— Не помѣшала ли я вамъ? начала она робко, чуть слышно, и стала вставать.

Но какъ только я увидалъ эту первую вспышку оскорбленнаго достоинства, я такъ и задрожалъ отъ злости и тотчасъ же прорвался.

— Для чего ты ко мнѣ пришла, скажи ты мнѣ пожалуйста? началъ я, задыхаясь, и даже не соображаясь съ логическимъ порядкомъ въ моихъ словахъ. Мнѣ хотѣлось все разомъ высказать, залпомъ; я даже не заботился съ чего начинать.

— Зачѣмъ ты пришла? Отвѣчай! Отвѣчай! — вскрикивалъ я, едва помня себя. — Я тебѣ скажу, матушка; за чѣмъ ты пришла. Ты пришла потому, что я тебѣ тогда *жалкія слова* говорилъ. Ну вотъ ты и разнѣжилась и опять тебѣ «жалкихъ словъ» захотѣлось. Такъ знай же, знай, что я тогда смѣялся надъ тобой. И теперь смѣюсь. Чего ты дрожишь? да, смѣялся! Меня передъ тѣмъ оскорбили, за обѣдомъ, вотъ тѣ, которые тогда передо мной пріѣхали. Я пріѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобъ исколотить одного изъ нихъ, офицера; но не удалось, не засталъ; надо же было обиду на комъ нибудь вымѣстить, свое взять, ты подвернулась, я надъ тобой и вылилъ зло и насмѣялся. Меня унизили, такъ и я хотѣлъ унижить; меня въ тряпку растерли, такъ и я власть захотѣлъ показать... Вотъ что

было, а ты ужь думала, что я тебя спасать нарочно тогда приѣзжалъ, да? ты это думала? Ты это думала?

Я зналъ, что она можетъ быть запутается и не пойметъ подробностей; но я зналъ тоже, что она отлично хорошо пойметъ сущность. Такъ и случилось. Она поблѣднѣла, какъ платокъ, хотѣла что-то проговорить, губы ея болѣзненно искривились; но какъ будто ее топоромъ подсѣкли, упала на стулъ. И все время потомъ она слушала меня, раскрывъ ротъ, открывъ глаза, и дрожа отъ ужаснаго страха. Цинизмъ, цинизмъ моихъ словъ придавилъ ее...

— Спасать! продолжалъ я, вскочивъ со стула и бѣгая передъ ней взадъ и впередъ по комнатѣ, — отъ чего спасать! Да я можетъ самъ тебя хуже. Что ты мнѣ тогда же не кинула въ рожу, когда я тебѣ рацеи-то читалъ: «А ты молъ самъ зачѣмъ къ намъ зашелъ? Мораль что ли читать?» — Власти, власти мнѣ надо было тогда, игры было надо, слезъ твоихъ надо было добиться, униженія, истерики твоей — вотъ чего надо мнѣ было тогда! Я вѣдь и самъ тогда не вынесъ, потому что я дрянъ, перепугался и чортъ знаетъ, для чего далъ тебѣ сдуру адресъ. Такъ я потомъ, еще домой не дойдя, ужь тебя ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ за этотъ адресъ. Я ужь ненавиждѣлъ тебя, потому что я тебѣ тогда лгалъ. Потому что я только на словахъ поиграть, въ головѣ помечтать, а на дѣлѣ мнѣ надо, знаешь чего: чтобъ вы провалились, вотъ чего! Мнѣ надо спокойствія. Да я за то, чтобъ меня не беспокоили, весь свѣтъ сейчасъ же за копейку продамъ. Свѣту ли провалиться или вотъ мнѣ чаю не пить? Я скажу, что свѣту провалиться, а чтобъ мнѣ чай всегда пить. Знала-ль ты это, иль нѣтъ? Ну, а я вотъ знаю, что я мерзавецъ, подлецъ, себялюбецъ, лѣвнтяй. Я вотъ дрожалъ эти

три дня отъ страха, что ты придешь. А знаешь, что всѣ эти три дня меня особенно беспокоило? А то, что вотъ я тогда героемъ такимъ передъ тобой представился, а тутъ вотъ ты вдругъ увидишь меня въ этомъ рваномъ халатишкѣ, нищаго, гадкаго. Я тебѣ сказалъ давеча, что я не стыжусь своей бѣдности; такъ знай же, что стыжусь, больше всего стыжусь, пуще всего боюсь, пуще того, еслибъ я вороваль, потому что я тщеславенъ такъ, какъ будто съ меня кожу содрали и мнѣ ужъ отъ одного воздуха больно. Да неужели жъ ты даже и теперь еще не догадалась, что я тебѣ никогда не прощу того, что ты застала меня въ этомъ халатишкѣ, когда я бросался, какъ злая собаченка на Аполлона. Воскреситель-то, бывшій-то герой, бросается какъ паршивая, лохматая шавка на своего лакея, а тотъ смѣется надъ нимъ! И слезъ давишнихъ, которыхъ передъ тобой я, какъ пристыженная баба, не могъ удержать, никогда тебѣ не прощу! И того, въ чемъ теперь тебѣ признаюсь, тоже никогда *тебѣ* не прощу! Да,—ты, одна ты за все это отвѣтить должна, потому что ты такъ подвернулась, потому что я мерзавецъ, потому что я самый гадкій, самый смѣшной, самый мелочной, самый глупый, самый завистливый изъ всѣхъ на землѣ червяковъ, которые вовсе не лучше меня, но которые чортъ знаетъ отчего, никогда не конфузятся; а вотъ я такъ всю жизнь, отъ всякой гниды буду щелчки получать и это моя черта! Да какое мнѣ дѣло до того, что ты этого ничего не поймешь! И какое, ну какое, какое дѣло мнѣ до тебя и до того погибаешь ты тамъ, или нѣтъ? Да понимаешь ли ты, какъ я теперь, высказавъ тебѣ это, тебя ненавидѣть буду, за то, что ты тутъ была и слушала? Вѣдь человекъ разъ въ жизни только такъ высказывается да и то въ истерикѣ!.. Чего жъ

тебѣ еще? Чего жъ ты еще, послѣ всего этого, торчишь передо мной, мучаешь меня, не уходишь?

Но тутъ случилось вдругъ странное обстоятельство.

Я до того привыкъ думать и воображать все по книжкѣ и представлять себѣ все на свѣтѣ, такъ какъ самъ еще прежде въ мечтахъ сочинилъ, что даже сразу и не понялъ тогда этого страннаго обстоятельства. А случилось вотъ что: Лиза, оскорбленная и раздавленная мною, поняла гораздо больше, чѣмъ я воображалъ себѣ. Она поняла изъ всего этого то, что женщина всегда прежде всего пойметъ, если искренно любить, а именно: что я самъ несчастливъ.

Испуганное и оскорбленное чувство смѣнилось на лицѣ ея сначала горестнымъ изумленіемъ. Когда же я сталъ называть себя подлецомъ и мерзавцемъ и полились мои слезы, (я проговорилъ всю эту тираду со слезами) все лицо ея передернулось какой-то судорогой. Она хотѣла было встать, остановить меня; когда же я кончилъ, она не на крики мои обратила вниманіе: «Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ не уходишь!» — а на то, что мнѣ должно быть очень тяжело самому было все это выговорить. Да и забитая она была такая, бѣдная; она считала себя безконечно ниже меня; гдѣ жъ ей было озлиться, обидѣться? Она вдругъ вскочила со стула въ какомъ-то неудержимомъ порывѣ, и вся стремясь ко мнѣ, но все еще робѣя и не смѣя сойти съ мѣста, протянула ко мнѣ руки... Тутъ сердце и во мнѣ перевернулось. Тогда она вдругъ бросилась ко мнѣ, обхватила мою шею руками и заплакала. Я тоже не выдержалъ и зарыдалъ такъ, какъ никогда еще со мной не бывало.

— Мнѣ не даютъ... Я не могу быть... добрымъ! — едва проговорилъ я, затѣмъ дошелъ до

дивана, упалъ на него ничкомъ и четверть часа рыдалъ въ настоящей истерикѣ. Она припала ко мнѣ, обняла меня и какъ бы замерла въ этомъ объятіи.

Но все-таки штука была въ томъ, что истерика должна же была пройти. И вотъ (я вѣдь омерзительную правду пишу) лежа ничкомъ на диванѣ, накрѣпко, и уткнувъ лицо въ дрянную кожаную подушку мою, я началъ помаленьку, издалека, невольно, но неудержимо ощущать, что вѣдь мнѣ теперь неловко будетъ поднять голову и посмотрѣть Лизѣ прямо въ глаза. Чего мнѣ было стыдно?—не знаю, но мнѣ было стыдно. Пришло мнѣ тѣже въ взбудораженную мою голову, что роли вѣдь теперь окончательно перемѣнились, что героиня теперь она, а я точно такое же униженное и раздавленное созданіе, какимъ она была передо мной въ ту ночь, — четыре дня назадъ... И все это ко мнѣ пришло еще въ тѣ минуты, когда я лежалъ ничкомъ на диванѣ!

Боже мой! да неужели жъ я тогда ей позавидовалъ?

Не знаю, до сихъ поръ еще не могу рѣшить, а тогда конечно еще меньше могъ это понять чѣмъ теперь. Безъ власти и тиранства надъ кѣмъ нибудь, я вѣдь не могу прожить... Но... но вѣдь разсужденіями ничего не объяснишь, а слѣдственно и разсуждать нечего.

Я однакожъ преодолѣлъ себя и приподнялъ голову; надобно жъ было когда нибудь поднять... И вотъ, я до сихъ поръ увѣренъ, что именно потому, что мнѣ было стыдно смотрѣть на нее, въ сердцѣ моемъ вдругъ тогда зажглось и вспыхнуло другое чувство... чувство господства и обладанія. Глаза мои блеснули страстью и я крѣпко стиснулъ ея руки. Какъ я ненавиждѣлъ ее и какъ меня влекло къ ней въ эту минуту! Одно чувство усиливало другое. Это походило чуть не на мщеніе!.. На лицѣ ея изо-

бразилось сначала какъ будто недоумѣніе, какъ будто даже страхъ, но только на мгновеніе. Она восторженно и горячо обняла меня.

Х.

Черезъ четверть часа я бѣгалъ взадъ и впередъ въ бѣшеномъ нетерпѣніи по комнатѣ, поминутно подходилъ къ ширмамъ и, въ щелочку поглядывалъ на Лизу. Она сидѣла на полу, склонивъ на кровать голову и, должно быть, плакала. Но она не уходила, а это-то и раздражало меня. Въ этотъ разъ она уже все знала. Я оскорбилъ ее окончательно, но... нечего рассказывать. Она догадалась, что порывъ моей страсти былъ именно мщеніемъ, новымъ ей униженіемъ, и что къ давешней моей почти безпредметной ненависти, прибавилась теперь уже *мчная, завистливая* къ ней ненависть... А впрочемъ не утверждаю, чтобъ она это все поняла отчетливо; но за то она вполне поняла, что я человѣкъ мерзкій и, главное, не въ состояніи любить ее.

Я знаю, мнѣ скажутъ, что это невѣроятно, — невѣроятно быть такимъ злымъ, глупымъ, какъ я; пожалуй еще прибавятъ что невѣроятно было не полюбить ее или по крайней мѣрѣ не оцѣнить этой любви. Отчего же невѣроятно? Во-первыхъ, я и полюбить ужъ не могъ, потому что, повторяю, любить у меня — значило тиранствовать и нравственно превосходить. Я всю жизнь не могъ даже представить себѣ иной любви, и до того дошелъ, что иногда теперь думаю, что любовь-то и заключается въ добровольно дарованномъ отъ любимаго предмета правѣ надъ нимъ тиранствовать. Я и въ мечтахъ своихъ подпольныхъ иначе и не

представлялъ себѣ любви, какъ борьбою, начиналъ ее всегда съ ненависти и кончалъ нравственнымъ покореніемъ, а потомъ ужъ и представить себѣ не могъ что дѣлать съ покореннымъ предметомъ. Да и что тутъ невѣроятнаго, когда я ужъ до того успѣлъ растлить себя нравственно, до того отъ «живой жизни» отвыкъ, что давеча вздумалъ попрекать и стыдить ее тѣмъ, что она пришла ко мнѣ «жалкія слова» слушать; а и не догадался самъ, что она пришла вовсе не для того, чтобъ жалкія слова слушать, а чтобъ любить меня, потому что для женщины въ любви-то и заключается все воскресеніе, все спасеніе отъ какой бы то ни было гибели и все возрожденіе, да иначе и проявиться не можетъ, какъ въ этомъ. Впрочемъ я не очень ужъ такъ ее ненавидѣлъ, когда бѣгалъ по комнатѣ и въ щелочку заглядывалъ за ширмы. Мнѣ только невыносимо тяжело было, что она здѣсь. Я хотѣлъ чтобъ она исчезла. «Спокойствія» я желалъ, остаться одинъ въ подпольѣ желалъ. «Живая жизнь» съ непривычки придавила меня, до того, что даже дышать стало трудно.

Но прошло еще нѣсколько минутъ, а она все еще не подымалась, какъ будто въ забытіи была. Я имѣлъ безсовѣстность тихонько постучать въ ширмы, чтобъ напомнить ей... Она вдругъ встрепенулась, схватилась съ мѣста и бросилась искать свой платокъ, свою шляпку, шубу, точно спасаясь отъ меня куда-то... Черезъ двѣ минуты она медленно вышла изъ-за ширмъ и тяжело на меня поглядѣла. Я злобно усмѣхнулся, впрочемъ насильно, для приличія и отворотился отъ ея взгляда.

— Прощайте, — проговорила она направляясь къ двери.

Я вдругъ подбѣжалъ къ ней, схватилъ ее руку, разжалъ ее, вложилъ... и потомъ опять зажалъ. За

тѣмъ тотчасъ-же отвернулея и отскочилъ поскорѣй въ другой уголъ, чтобъ не видѣть покрайней мѣрѣ...

Я хотѣлъ было сію минуту солгать,—написать, что я сдѣлалъ это нечаянно, не помня себя, потерявшись, съ дуру. Но я не хочу лгать и потому говорю прямо, что я разжалъ ей руку и положилъ въ нее... со злости. Мнѣ это пришло въ голову сдѣлать, когда я бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, а она сидѣла за ширмами. Но вотъ что я навѣрно могу сказать: я сдѣлалъ эту жестокость, хоть и нарочно, но не отъ сердца, а отъ дурной моей головы. Эта жестокость была до того напускная, до того головная, нарочно подсочиненная, книжная, что я самъ не выдержалъ даже минуты,—сначала отскочилъ въ уголъ, чтобъ не видѣть, а потомъ, со стыдомъ и отчаяніемъ бросился вслѣдъ за Лизой. Я отворилъ дверь въ сѣни и сталъ прислушиваться.

— Лиза! Лиза! крикнулъ я на лѣстницу, но не смѣло, вполголоса...

Отвѣта не было, мнѣ показалось, что я слышу ея шаги на нижнихъ ступеняхъ.

— Лиза! крикнулъ я громче.

Нѣтъ отвѣта. Но въ ту же минуту я услышалъ снизу какъ тяжело съ визгомъ отворилась тугая, наружная стеклянная дверь на улицу и туго захлопнулась. Гулъ поднялся по лѣстницѣ.

Она ушла. Я воротился въ комнату въ раздумьи. Ужасно тяжело мнѣ было.

Я остановился у стола возлѣ стула, на которомъ она сидѣла и бессмысленно смотрѣлъ передъ собой. Прошло съ минуту, вдругъ я весь вздрогнулъ: прямо передъ собой, на столѣ, я увидалъ... однимъ словомъ я увидалъ смятую синюю пятирублевую бумажку, ту самую, которую минуту назадъ зажалъ въ ея руку. Это была та бумажка;

другой и быть не могло; другой и въ домѣ не было. Она стало быть успѣла выбросить ее изъ руки на столъ въ ту минуту, когда я отскочилъ въ другой уголъ.

Что жъ? я могъ ожидать, что она это сдѣлаетъ. Могъ ожидать? Нѣтъ. Я до того былъ эгоистъ, до того неуважалъ людей на самомъ дѣлѣ, что даже и вообразить не могъ, что и она это сдѣлаетъ. Этого я не вынесъ. Мгновеніе спустя я, какъ безумный, бросился одѣваться, накинулъ на себя что успѣлъ въ поспѣхъ, и стремглавъ выбѣжалъ за ней. Она и двухсотъ шаговъ еще не успѣла уйти, когда я выбѣжалъ на улицу.

Было тихо, валилъ снѣгъ и падалъ почти перпендикулярно настилая подушку на тротуаръ и на пустынную улицу. Никого не было прохожихъ, никакого звука не слышалось. Уныло и бесполезно мерцали фонари. Я отбѣжалъ шаговъ двѣсти, до перекрестка и остановился. — Куда пошла она? и зачѣмъ я бѣгу за ней?

Зачѣмъ? Упасть передъ ней, зарыдать отъ раскаянія, цаловать ея ноги, молить о прощеніи! Я и хотѣлъ этого, вся грудь моя разрывалась на части и никогда, никогда не вспомяну я равнодушно эту минуту. Но, — зачѣмъ? подумалось мнѣ. Развѣ я не возненавижу ее, можетъ быть завтра же, именно за то, что сегодня цаловалъ ея ноги? Развѣ дамъ я ей счастье? Развѣ я не узналъ сегодня опять, въ сотый разъ, цѣны себѣ? Развѣ я не замучу ее!

Я стоялъ на снѣгу, всматриваясь въ мутную мглу и думалъ объ этомъ.

— И не лучше-ль, не лучше ли будетъ, фантазировалъ я уже дома, послѣ, заглушая фантазіями живую сердечную боль, — не лучше-ль будетъ если она на вѣки унесетъ теперь съ собой оскорбленіе?

Оскорбленіе, да вѣдь это очищеніе; это самое ѣдкое и больное сознаніе! Завтра же я бы загрязнилъ собой ея душу и утомилъ ея сердце. А оскорбленіе не замретъ въ ней теперь никогда, и какъ бы ни была гадка грязь, которая ее ожидаетъ,—оскорбленіе возвыситъ и очиститъ ее... ненавистью... гм... можетъ и прощеніемъ... А впрочемъ легче-ль ей отъ всего этого будетъ?

А въ самомъ дѣлѣ: вотъ я теперь ужъ отъ себя задаю одинъ праздный вопросъ: что лучше, — дешевое ли счастье, или возвышенныя страданія? Ну-ка, что лучше?

Такъ мнѣ мерещилось, когда я сидѣлъ въ тотъ вечеръ у себя дома, едва живой отъ душевной боли. Никогда я не выносилъ еще столько страданія и раскаянія; но развѣ могло быть хоть какое-либо сомнѣніе, когда я выбѣгалъ изъ квартиры, что я не возвращусь съ полдороги домой? Никогда больше я не встрѣчалъ Лизу и ничего не слыхалъ о ней. Прибавлю тоже, что я надолго остался доволенъ *фразой* о пользѣ отъ оскорбленія и ненависти, не смотря на то, что самъ чуть не заболѣлъ тогда отъ тоски.

Даже и теперь, черезъ столько лѣтъ, все это какъ-то слишкомъ *не хорошо* мнѣ припоминается. Многое мнѣ теперь не хорошо припоминается, но... не кончить ли ужъ тутъ «Записки»? Мнѣ кажется я сдѣлалъ ошибку, начавъ ихъ писать. По крайней мѣрѣ мнѣ было стыдно, во все время какъ я писалъ эту *повѣсть*: стало быть это ужъ не литература, а исправительное наказаніе. Вѣдь рассказывать, напримѣръ, длинныя повѣсти о томъ, какъ я манкировалъ свою жизнь нравственнымъ разстлѣніемъ въ углу, недостаткомъ среды, отвычкой отъ живаго и тщательной злобой въ подпольѣ,—ей Богу не интересно; въ романѣ надо героя а тутъ *нарочно*

собраны всѣ черты для анти-героя, а главное все это произведетъ непріятное впечатлѣніе, потому что мы всѣ отвыкли отъ жизни, всѣ хромаемъ, всякой болѣе или менѣе. Даже до того отвыкли, что чувствуемъ подъ-часъ къ настоящей, «живой жизни» какое-то омерзение, а потому и терпѣть не можемъ, когда намъ напоминаютъ про нее. Вѣдь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаемъ за трудъ, почти что за службу, и всѣ мы про себя согласны, что по книжкѣ лучше. И чего копошимся мы иногда, чего блажимъ, чего просимъ? Сами не знаемъ чего. Намъ же будетъ хуже, если наши блажныя просьбы исполнять. Ну попробуйте, ну дайте намъ, напимѣрь, побольше самостоятельности, развяжите любому изъ насъ руки, расширьте кругъ дѣятельности, ослабьте опеку, и мы... да увѣряю же васъ: мы тотчасъ же попросимся опять обратно въ опеку. Знаю, что вы можете быть на меня за это разсердитесь, закричите, ногами затопаете: «говорите, дескать про себя одного, и про ваши мизеры въ подпольѣ, а не смѣйте говорить: *«всѣ мы»*». Позвольте, господа, вѣдь не оправдываюсь-же я этимъ *всѣмствомъ*. Что же собственно до меня касается, то вѣдь я только доводилъ, въ моей жизни, до крайности то, что вы не осмѣливались доводить и до половины, да еще трусость свою принимали за благоразуміе, и тѣмъ утѣшались, обманывая сами себя. Такъ что я, пожалуй, еще живѣе васъ выхожу. Да взгляните пристальнѣе! Вѣдь мы даже незнаемъ гдѣ и живое-то живетъ теперь и что оно такое, какъ называется? Оставьте насъ однихъ, безъ книжки, и мы тотчасъ запутаемся, потеряемся,—не будемъ знать куда примѣнуть, чего придержаться; что любить и что ненавидѣть, что уважать и что презирать? Мы даже и человѣками-то быть тяготимся,—чело-

вѣками съ настоящимъ, *собственнымъ* тѣломъ и кровью; стыдимся этого, за позоръ считаемъ, и нарвемъ быть какими-то небывальми общечеловѣками. Мы мертворожденные, да и рождаемся-то, давно ужъ, не отъ живыхъ отцовъ и это намъ все болѣе и болѣе нравится. Во вкусъ входимъ. Скоро выдумаемъ, рождаться какъ нибудь отъ идеи. Но довольно;—не хочу я больше писать «изъ Подполья...»

Впрочемъ здѣсь еще не кончаются «записки» этого парадоксалиста. Онъ не выдержалъ и продолжалъ далѣе. Но намъ тоже кажется, что здѣсь можно и остановиться.

К О Н Е Ц Ъ .

**ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ,
Ө. СТЕЛЛОВСКАГО,**

поставщика Двора Его Императорскаго Величества,

въ *Больш. Морской, въ д. Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

КОМЕДИИ, РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, ВОДЕВИЛИ и проч.

Писки изъ подполья. Повѣсть <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 60
Пониженные и оскорбленные. Романъ въ четырехъ частяхъ съ эпилогомъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	1 50
Крокодилъ. Необыкновенное событіе въ пассажѣ. Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 30
Кверный анекдотъ. Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 40
Винныя замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 50
Бѣлыя ночи. Романъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 40
Господинъ Прохарчинъ. Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 30
Писки изъ мертваго дома. <i>Ө. Достоевскаго</i>	1 50
Слабое сердце. Повѣсть <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 30
Козыпка. Повѣсть <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 50
Честный воръ. Разсказъ <i>Ө. Достоевскаго</i>	— 30
Мг Батмановъ. Повѣсть <i>А. Писемскаго</i>	— 75
Боярщина. Романъ <i>А. Писемскаго</i>	1 —
Бракъ по страсти. Повѣсть <i>А. Писемскаго</i>	1 —
Разборъ соч. Гоголя. Критич. статья <i>А. Писемскаго</i>	— 30
<i>А</i> и <i>Ф</i> . Шутка-водевиль въ 1 д., <i>П. С. Ѳедорова</i>	— 50
<i>А</i> въдъ я неухалъ! Водевиль въ 1 д., <i>С. Бойкова</i>	— 50
Адвокатъ Пателенъ. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ	— 50
Андріена Лекувреръ. Драма-ком. въ 5 д., <i>Е. Скриба</i>	— 75
Андрей Степановичъ Бука. Комедія <i>П. Григорьева</i>	— 75
Бабушкины грѣшки. Комедія въ 1 дѣйствіи.	— 30
Батистовый платокъ. Комедія въ 1 д., <i>К. Ушакова</i>	— 50
Билетъ на лотерею Шимановъ и Сероки. Водевиль, <i>Похвиснева</i>	— 60
Бродяги. Водевиль въ 1 д., и 6-ти карт., <i>С. Бойкова</i>	— 60
Большой отъ воображенія. Водев. въ 1 д., <i>С. Бойкова</i>	— 50
Бобыль. Сцены изъ русскаго быта, <i>П. Крулополева</i>	— 50
Валенштейновъ лагерь. Поэма <i>Шиллера</i> , пер. <i>Л. Мея</i>	— 60
Весною. Фантазія въ 1 д., въ стихахъ, <i>Н. Куликова</i>	— 50

Ворона въ павлиньихъ перьяхъ. Водевиль въ 3 д.	— 50
Въ гостяхъ хорошо. Комедія въ 2 д., пер. <i>К. Тарновскаго</i>	— 50
Вѣчный жидъ въ новомъ родѣ. Водев. въ 1 д., <i>П. К.</i>	— 40
Все изъ за камелій! Комедія въ 1 д., <i>М. Ѳедорова</i> .	— 40
День рожденія Жана Пьера Беранже. Анекдотъ <i>А. Б.</i>	— 30
Дочка его благородія. Шутка въ 1 д., <i>А. С—на</i> .	— 40
Дикобразъ. (Провинціальныя сцены) <i>А. Иванова</i>	— 50
Дѣло въ шляпѣ. Комедія съ французскаго <i>Лашкевича</i> .	— 40
Женихъ, чемоданъ и невѣста. Водевиль <i>П. Григорьева</i> .	— 50
Жена или карты. Водевиль въ 1 д., <i>П. Григорьева</i> .	— 50
Жена кавалериста. Комедія въ 1 д., <i>П. Григорьева</i> .	— 50
Женихъ и невѣста. Сцены изъ провинціальной жизни.	— 40
Жилецъ съ тромбонѣмъ. Шутка въ 1 д., <i>С. Бойкова</i> .	— 40
Заколдованный принцъ. Комедія въ 1 д., <i>Н. Куликова</i> .	— 50
Занутое дѣло. Водевиль въ 1 д., <i>П. Каратыгина</i> .	— 30
Золотой ключикъ. Комедія въ 3 д., <i>Октава Фелье</i> .	— 50
Ипохондрикъ. Комедія въ 4 д., <i>А. Писемскаго</i> .	1 —
Карьера. Комедія въ 4 д., соч. <i>Королева</i> .	— 60
Купленный выстрѣлъ. Водевиль въ 1 д., <i>С. Бойкова</i> .	— 60
Китайская роза. Водевиль въ 1 д., <i>М. Маркевича</i> <i>П. Бѣтшева</i>	— 50
Король Лиръ. Трагедія <i>Шекспира</i> пер. <i>Дружинина</i> .	1 —
Которая изъ двухъ? Комедія въ 1 д., <i>Н. Куликова</i> .	— 40
Лицо и маска. Шутка въ 1 д., <i>С. Бойкова</i> .	— 40
Любовь и предразсудокъ. Ком. въ 3 д., <i>П. Ѳедорова</i> .	— 75
Любовный напитокъ. Водевиль въ 1 д., <i>А. Баженова</i> .	— 40
Мечты любви. Комедія въ 3 д., <i>А. Веселовскаго</i> .	— 40
Минутное заблужденіе. Ком. въ 4 д., <i>Н. Куликова</i> .	— 75
Мольеръ дитя. Комедія въ 1 д., пер. <i>А. Баженова</i> .	— 50
На ловца и звѣрь бѣжитъ. Шутка <i>А. Похвиснева</i> .	— 30
Нареченные. Комедія въ 1 д., <i>Корженевскаго</i> .	— 40
Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ. Комедія	— 50
Несчастіе особаго рода. Ком. въ 1 д., <i>В. Пенькова</i> .	— 50
Нервная женщина. Водевиль въ 1 д., <i>А. Похвиснева</i> .	— 50
Ничто не вѣчно подъ луною. Комедія <i>П. Акилова</i> .	— 50
Нужда лучшій учитель. Комедія <i>Брянцева</i> .	— 75
Осенній вечеръ въ деревнѣ. Водевиль, <i>Н. Куликова</i> .	— 30
Отрывки донъ Карлоса. <i>Шиллера</i> . Перев. <i>И. С.</i>	— 50
Отверженная любовь. Драма въ 2 д., <i>П. Акилова</i> .	— 50
Отольются волку овечьи слезки. Ком. <i>Вечеслава</i> .	— 60
Охота пуще неволи. Шутка въ 1 д., <i>И. Ч.</i>	— 20
Паризина. <i>Байрона</i> перев. <i>А. Григорьева</i> .	— 50
Петербургскіе шалуны. Оперетка <i>П. Григорьева</i> .	— 30
Позднее признаніе. Комедія въ 4., <i>А. Дюма-сына</i> .	— 75
Послѣднее число мѣсяца. Комедія въ 1 дѣйстви	— 60
Праздникъ жатвы. Комедія въ 1 д., <i>Корженевскаго</i> .	— 40

передѣланномъ и дополненномъ новыми произведеніями изданій; графа **Л. Н. Толстаго**, **А. Ө. Писемскаго**, *просмотровныя и передѣланныя авторомъ* (съ портретомъ автора, при третьемъ томѣ) и сочиненія **Вс. В. Крестовскаго**, (съ портретомъ автора.)

Въ первый выпускъ вошли: романъ «Боярщина», повѣсти: «Тюфякъ», «Бракъ по страсти», «Комикъ», и комедія «Ипохондрикъ» соч. **А. Ө. Писемскаго**.

Во второй: романъ «Богатый женихъ», повѣсти и рассказы: «Мг Батмановъ», «Питерщикъ», «Лѣшій», «Виновата ли она?», «Фанфаронъ», «Ветеранъ и Новобранецъ», комедія «Раздѣлъ», и критическая статья «Разборъ сочиненій Гоголя» соч. **А. Ө. Писемскаго**.

Въ третій: романы и повѣсти: «Плотничья артель», «Старая Барыня», «Тысяча душъ», съ передѣланной главой 2-й части; драма «Горькая Судьбина» и повѣсть «Старческій грѣхъ» соч. **А. Ө. Писемскаго**.

Въ четвертый: всѣ поэмы, лирическія стихи, сказки, повѣсти и рассказы, соч. **Вс. В. Крестовскаго**.

Въ пятый: повѣсти и рассказы: «Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Утро помѣщика», «Записки маркера», «Люпернъ» изъ записокъ князя Д. Нехлюдова, «Альбертъ», «Два гусара» и «Три смерти», соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ шестой: романъ «Семейное счастье», повѣсти и военные рассказы: «Метель», «Поликушка», «Казаки», «Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ», «Набѣгъ», «Рубка лѣса», «Севастополь въ Декабрѣ», «Севастополь въ Маѣ», «Севастополь въ Августѣ 1855 года» и «Педагогическія статьи» соч. графа **Л. Н. Толстаго**.

Въ седьмой: «Записки изъ мертвого дома», въ новомъ полномъ изданіи и съ новой главой во второй части; романы и повѣсти «Хозяйка», «Слабое сердце», «Господинъ Прохарчинъ», «Бѣдные люди», «Бѣлыя ночи» и «Честный воръ», соч. **Ө. М. Достоевскаго**.

Въ восьмой: романы, повѣсти и рассказы: «Униженные и оскорбленные», «Записки изъ подполья», «Крокодилъ», «Скверный анекдотъ», и «Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», соч. **Ө. М. Достоевскаго**.

Въ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18 выпуски войдутъ слѣдующія сочиненія:

Въ девятый: Всѣ сочиненія **Грибоѣдова**, **Дмитріева** и **Батюшкова**. Въ новомъ просмотрѣнномъ видѣ.

Въ десятый: «Тамарингъ» романъ въ трехъ повѣстяхъ: 1) Варинька,—2) Записки Тамарина,—3) Ивановъ. Вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ. «Ясныя дни» Идиллія, «Горы» рассказъ, «Деревенскій визитъ». Анекдотъ,

«Нынѣшняя любовь» повѣсть, и «Поѣздка на кумыс и письма съ дорож», соч. М. В. Авдѣева.

Въ одиннадцатый: «Подводный камень» романъ въ двухъ частяхъ, вновь просмотрѣнный и дополненный самимъ авторомъ.—«Огненный змѣй» рассказъ,—«Дорожныя замѣтки» Изъ поѣздки на кавказъ,—«Порядочный человекъ» повѣсть,—«Письма изъ за границы», — «На дорожъ» повѣсть, — соч. М. В. Авдѣева.

Въ двѣнадцатый: романы, повѣсти и рассказы: «Село Степанчиково», «Нечочка Незванова», «Дядюшкинъ сонъ», «Маленькій герой», «Чужая жена и мужъ подъ кроватью», «Елка и свадьба», «Двойникъ», въ новомъ передѣланномъ видѣ, и «Новый романъ написанный для этого изданія и нигдѣ еще непечатанный» соч. Ф. М. Достоевскаго.

Въ тринадцатый: «Взбаломученное море» романъ въ шести частяхъ. Вновь просмотрѣнный, исправленный и дополненный самимъ авторомъ.—«Батъка» рассказъ,—«Записки черта»,—«Завѣщаніе» рассказъ,—«Путешествіе въ Астрахань» рассказъ,—«Армяне», «Татары», «Калмыки» очерки.—«Записки Салакушки», и «Новыя произведенія» написанныя для этого изданія и нигдѣ еще непечатанныя» соч. А. Ф. Писемскаго.

Въ четырнадцатый: Всѣ сочиненія Фонъ-Визина. Въ новомъ просмотрѣнномъ и исправленномъ видѣ.

Въ пятнадцатый: Всѣ сочиненія князя В. Ф. Одоевскаго, вновь просмотрѣнные и исправленные самимъ авторомъ.

Въ шестнадцатый и семнадцатый: Всѣ сочиненія Ломоносова. Въ новомъ просмотрѣнномъ изданіи.

Въ восемнадцатый: «Преступленіе и наказаніе» романъ Ф. М. Достоевскаго и всѣ сочиненія Озерова и Новикова.

Въ девятнадцатый и двадцатый: Всѣ сочиненія Гнѣдича, Державина, Сумарокова и другихъ. Въ новомъ изданіи.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна каждаго выпуска три р., съ пересылкою 3 р. 50 коп.,—а по

**ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ
НА ИЗДАНИЕ ЭТО ПОДПИСКѢ НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ:**

Уплачивается при подпискѣ три руб. сер. за послѣдніе два выпуска, которыми окончится изданіе «Полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ», а равно и за право получить какъ вышедшіе, такъ и имѣющіе выйдти въ свѣтъ всѣ выпуски этаго изданія по 1 р. 50 к., а съ пересылкою по 2 р. с.

Подписка принимается исключительно: Въ С. Петербургѣ, у издателя Ф. Стелловскаго, поставщика Двора Его Императорскаго Величества, въ Большой Морской, въ домѣ Лауфerta, № 27.

2007465934